

СМЕНА 2

Январь 87

150 лет назад
Россия потеряла Пушкина,

МЖК.

Ждем в гости!

Труды и плоды.

О социальной
справедливости

Н. Раевский.

В мире Пушкина

Гарри Каспаров.

Обязанности
чемпиона

Борис Олейник.

Время в стихах.

В. Ф. Флорес.

Рассказ

«Свита дьявола»

Биоритмы.

Правда

без сенсаций

Братья Вайнеры.

«Завещание

Колумба»

Марина Зудина.

Я — актриса

Моды.

Музыка.

Конкурсы.

РОДОМ ИЗ МЖК

Сергей СТЕПАНОВ.
Фото Сергея КИРЮШКИНА

«С

троить дома и себя или строить дома для себя? Звучит похоже, но какая смысловая разница! Мы решаем дилемму в пользу первой формулы!» — Евгений Королев, председатель оргкомитета, категоричен. Но его категоричность разделяет большинство из трех тысяч жителей первого свердловского МЖК.

Звонкая аббревиатура известна теперь всей стране. Но на всякий случай напомним.

«Молодежный жилой комплекс — это общественная организация, объединяющая на добровольных началах по месту жительства рабочую, инженерную и научно-техническую

Этот реактивный истребитель — гордость детского военно-спортивного клуба — стоит прямо во дворе МЖК.

Взобравшись на скалы, можно увидеть свой микрорайон сверху.

молодежь и ставящая своей основной задачей поиск новых и совершенствование сложившихся форм социалистического общежития» (из устава МЖК города Свердловска).

— Вот, посмотрите, все это мы сами построили.— Сергей пригласил нас на лоджию, и с высоты восьмого этажа мы увидели светящиеся окна ФОКа, или физкультурно-оздоровительного комплекса,— там резались в волейбол, здание Дома культуры— судя по энергичным ритмам и разноцветным всплескам, тут отплясывала дискотека, на строящемся культурно-оздоровительном центре, несмотря на поздний час, вспыхивали огни сварки.— Вот — детский комбинат, а здесь поликлиника, тут станция детского технического творчества,— показывал Сергей.— Под волейбольной площадкой — подземные гаражи.

Новоселье мы справили полтора года назад. Это был счастливейший день нашей с Татьяной жизни. Разумеется, после свадьбы,— уточнил Сергей, взглянув на жену.

Из анкетных данных членов семьи Ладыгиных:

Сергей Лурисович, 1958 года рождения, образование среднее, член КПСС, работает на машиностроительном заводе слесарем механосборочных работ. Главное общественное поручение: ведет в МЖК на станции детского технического творчества секцию картинга;

Татьяна Ивановна, того же года рождения, образование среднее, член ВЛКСМ, работает на том же заводе испытателем деталей и приборов электронной техники, депутат

Семья Ладыгиных — одна из сотен счастливых семей, прописанных в МЖК. Тут весело и интересно и взрослым, и детям.

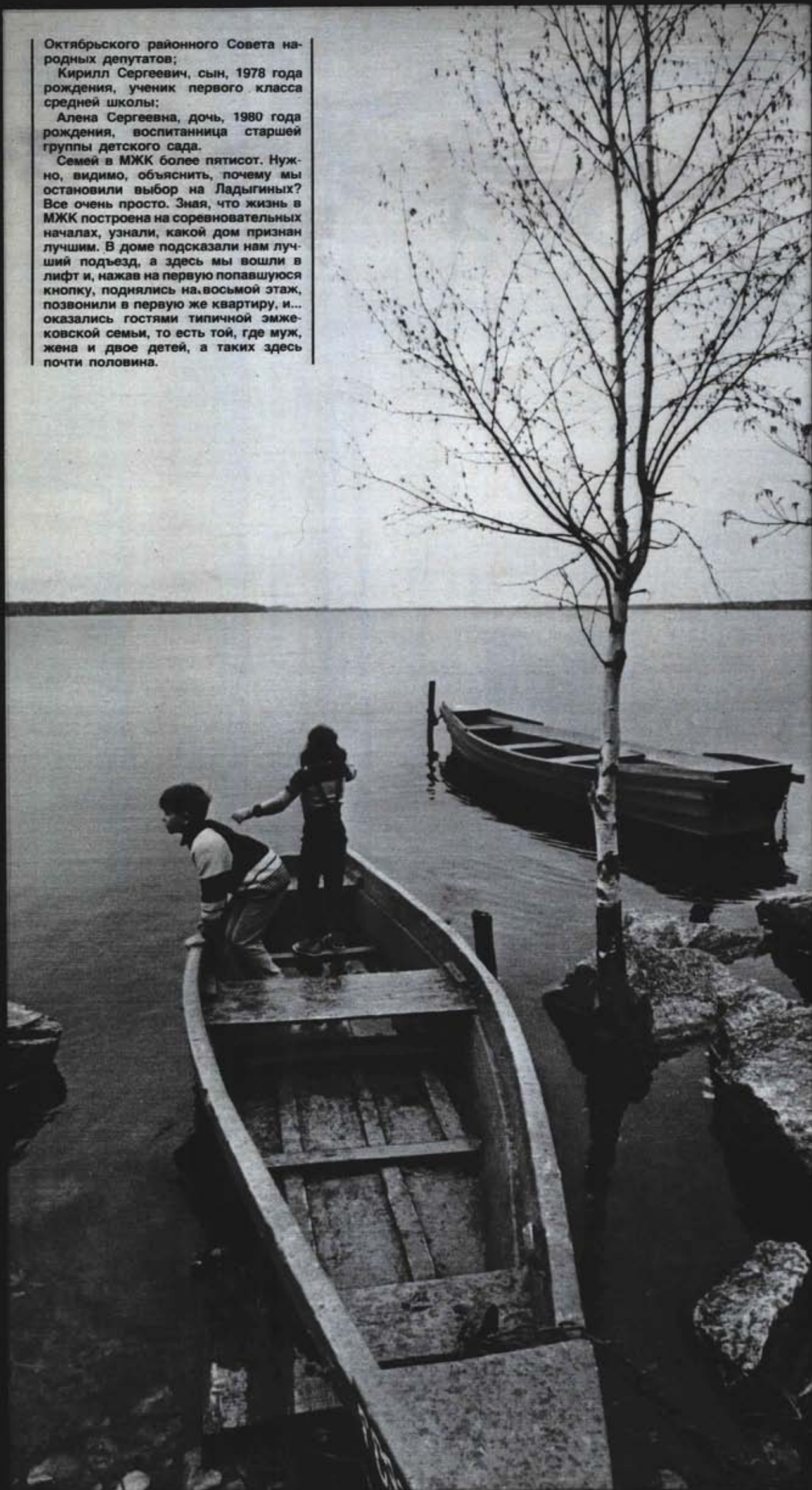

Октябрьского районного Совета народных депутатов;

Кирилл Сергеевич, сын, 1978 года рождения, ученик первого класса средней школы;

Алена Сергеевна, дочь, 1980 года рождения, воспитанница старшей группы детского сада.

Семей в МЖК более пятисот. Нужно, видимо, объяснить, почему мы остановили выбор на Ладыгиных? Все очень просто. Зная, что жизнь в МЖК построена на соревновательных началах, узнали, какой дом признан лучшим. В доме подсказали нам лучший подъезд, а здесь мы вошли в лифт и, нажав на первую попавшуюся кнопку, поднялись на восьмой этаж, позвонили в первую же квартиру, и... оказались гостями типичной эмжековской семьи, то есть той, где муж, жена и двое детей, а таких здесь почти половина.

СЕРГЕЙ. Вы заметили большое зеркало в нашем лифте? А ведь два дня назад его не было. Кто-то из соседей инициативу проявил. Вот так у нас во всем. То, что человек делает для всех, оказывается удобным и для себя, и наоборот — выгодное для себя выгодно для всех. Казалось бы, получили люди отдельные квартиры — могут жить в них, как кроты. Но в МЖК так не получится. Мы с Татьяной это на себе ощущаем. Глядя на родителей, и дети растут общественниками, во всех субботниках, фестивалях, праздниках они первые участники... Сейчас и представить трудно, что жили мы когда-то по-другому. Поженились мы с Татьяной — нам по девятнадцать лет было, — а жить где? Вот и ютились в квартире Таниных родителей. Люди они хорошие, но вдесятером-то в трех комнатных — это трудновато. В обычной очереди на жилье я бы и сейчас стоял. МЖК решил все проблемы. Два года я за участие в ударном отряде соревновался, и производственная работа, и общественная — все учитывалось, волей-неволей подтянешься. Мне повезло, меня приняли, и год после этого я работал на стройке в составе ударного комсомольского отряда. А результат — вот он, трехкомнатная квартира. Иногда о нашем комплексе в печати пишут — «социальный эксперимент». Но это взгляд со стороны, мы-то здесь просто живем...

ТАТЬЯНА. По выходным у нас часто бывают гости — три-четыре супружеские пары, все из нашего подъезда. А подружились мы, когда и дома еще не было — мужья наши в одном отряде работали. Вот иногда мой говорит: этот дом я строил. Верно, конечно, да только куда бы они без нас? Ведь на стройке каждый день работали они по 12—15 часов. А когда тепло в дом провели, и ночевать там оставались.

...К тому, что Сергей по вечерам да и выходным у картингистов своих пропадает, я уже привыкла. С тем, что бензином у нас пахнет, по всей квартире колеса, железки, а одежду его и Кирилла хоть каждый день стирай (сын ведь от отца ни на шаг) — тоже смирилась.

Легче ли воспитывать детей в МЖК? Уверена — да. Ведь все, что здесь делается — делается для детей. Проблемы досуга вообще нет, столько секций, кружков, объединений — выбирай что душе угодно. Заняты делом родители, заняты и дети. У меня, по правде сказать, времени свободного тоже совсем нет. Депутатом районного Совета быть непросто.

КИРИЛЛ. В школу я хожу мимо стройки, каждый раз смотрю, как новый эмжековский дом растет. Однажды из-за этого даже на урок опоздал. В МЖК мне все нравится. У нас и настоящий реактивный самолет во дворе стоит — каждый может в кабину через люк забраться, и два танка настоящих — я внутри уже несколько раз был, даже за рычагами сидел, и ботик Петра I — этот корабль с киностудии привезли. Картингом я четвертый год занимаюсь, а недавно еще и в компьютерный класс при Доме культуры записался.

АЛЕНА. Если бы не было МЖК, в нашем дворе к Новому году не выросло бы снежное «Шахматное королевство». Лепить его мы взрослым помогали. Если бы не МЖК, не было бы у нас летнего фестиваля и проводов зимы.

У трамвайной остановки рядом с корпусами МЖК на столбе мы прочли объявление: «Меняю квартиру в Сочи на квартиру в Свердловском МЖК». Судя по выцветшей бумаге, листок висел уже давно. И, похоже, никого не интересовал. Желающих перебраться в солнечный город на Черном море не находилось...

От дома Ладыгиных до озера Шарташ — рукой подать. Кирилл с Аленой пробегают это расстояние по «тропе здоровья» за десять минут.

НАБОЛЕЛО!

Отклики читателей на письмо Д. И. Гурвич, опубликованное в № 20 «Смены» прошлого года.

Статья Д. И. Гурвич очень интересна, но разноречива. Есть о чем поспорить. «Трудные» подростки! На мой взгляд, нет «трудных» детей, есть «трудные» взрослые. Это мы нежеланием понять подростков рождаем протест, который часто выливается в непредсказуемое. Порядочность человека не в «табу», она глубже. Табу для нашего общества есть Закон, знание которого предполагает не преступать его. Основы Закона должны усваиваться в школе, в семье.

Вы правы, были военное детство и юность, и мы, дети войны, низко кланяемся тем, кто спас мир, вернул счастье миллионам людей. Кланяемся мы и учим детей все помнить.

Статистика утверждает, что процент правонарушений среди подростков падает (не знаю, почему вы решили иначе). Сойдемся на том, что порядочных людей, в том числе и молодежи, больше, иначе бы не стали мы говорить и писать о негативных явлениях в жизни общества, в среде молодежи.

Жизненная позиция, характер молодого человека формируется, по вашему убеждению, в семье, во всем виноваты родители. А что же школа? Какой она стала, наша школа, почему детям скучно на уроках, почему знания подменяются «прохождением курса»? «Процентомания», — пишете вы. А каким же документом узаконено такое очковительство? Это ведь нездоровое соревновательство: моя школа лучше, нет двоечников, меня не будут склонять на совещаниях. А «склонять» надо, бить надо!

Требования к школе были всегда однозначны: давать глубокие знания. Но раньше «учили», теперь «проходят».

Разве не в школе начинается формализм в работе пионерских и комсомольских организаций? Руководящие органы школьного коллектива назначаются, прием в комсомол ведется по принципу: пора, даешь комсомол! На заседаниях комитетов ВЛКСМ восседают учителя и указуют, что и как, — вот образчик вашего «табу». Неспokoйные, озорные дети вызывают раздражение учителей, учителя ждут момента, чтобы озорные перешли то самое «табу», и передать их на попечение правоохранительных органов. Не в этом ли кроется проблема «трудных» детей: дома родителям не до них, детей, — все трудятся; учителями в школе не до них — уроки бы кое-как провести. А общение школы с родителями? — пригласили, отчитали, простили до следующего раза. Не школа ли роняет зерно неверия в душу подростка — неверия в справедливость, неверия в порядочность взрослых, и не это ли толкает наших детей на поступки, из ряда вон выходящие!

Вы утверждаете, что «Комсомолка», «Смена», «Юность», «Собеседник» (добавляю, и не только они) выносятся на суд письма «элитарных» девчонок и мальчишек, фарцовщиков и воришек, а от этого вред великий. Неправда! Я в этих письмах вижу не только одну браваду, похвальбу, цинизм. Я слышу крик души, слышу SOS, помогите, объясните, как могло такое случиться, как дошли мы до жизни такой? Повторяю, наше поколение — здоровое в основе своей — и поймет, и достойно осудит, и найдет противоядие против таких явлений.

В «Экипаже» вы увидели обнаженное тело, а мои сыновья — подвиг, мужество разных по мировоззрению, но единых в готовности на подвиг, самопожертвование во имя Человека, людей. Жизнь

постигается в сравнении и испытывает человека жизнь. Пример? Афганистан, Чернобыль, комсомольские стройки!

Мы обязаны понять наших детей, выбрать единые меры доброго влияния на умы и сердца подростков, а не декларировать.

Если все «закрыть и не пущать», против чего, кстати, вы тоже выступите, дабы молодежь не набралась дурного, то так и «Ров» А. Вознесенского можно «не пущать», и, простите, Шекспира, заодно и Толстого. А вдруг и там наши дети что-то не так поймут и наделают глупостей?

Верно, некогда, мерзавцы, воры были во все времена. Разве не было голодного, умирающего Ленинграда, когда сытые делегаты, воруя за кусочек хлеба вымогали произведения искусства, фамильные реликвии? Разве не украденный хлеб покупала моя мама для троих детей, продав последнюю память об отце — портупею?

Честный человек никогда не молчал, не боялся, не отступал, был неугоден, неприемлем, но шел с открытым забралом, потому что нес в сердце огонь ленинских идей, честь Родины, достоинство человека своего общества.

И я недоверчиво отношусь к людям, которые «вдруг» «прозрели», заговорили: «Теперь, когда...» Десятилетия ждали, чтобы объявить себя борцами?

Только от нашего желания понять зависит связь поколений. Не поучать, а учить надо молодежь, учить личным примером и жизнью.

**В. АБИБУЛАЕВА,
г. Алитус Литовской ССР**

Прочитала сейчас статью «Наболело!» и, забросив домашние дела, села за письмо. Уже лет пять не хожу и не хочу ходить на современные фильмы и современных писателей, кроме В. Быкова, В. Пикуля и ряда им подобных, читать не хочу и не могу. У меня растут четверо детей, не верю и не хочу верить в то, что они вырастут в фирмачей и фарцовщиков, но, несмотря на это, временами бывает за них страшно. Поэтому я полностью и безоговорочно согласна со статьей. Надо положить конец пошлятины в литературе, кино, эстраде. Пора называть вещи своими именами. Под каждым словом Д. И. Гурвич я готова поставить и свою подпись. Я сторонница максимализма, который пронизывал наше общество с 1917 года и до середины 50-х. Только труд должен и может быть воспеваем. А у нас в сознании произошел за последние два десятилетия перекос в сторону буржуазных оценок личности человека. Вот с этим перекосом и пора кончать, причем в самое кратчайшее время.

**С уважением, Л. ЛЕНСУ,
Южно-Сахалинск**

Уважаемые товарищи! Не может никого оставить равнодушным письмо Д. И. Гурвич, поскольку написано оно искренне и честно. Поэтому прежде всего хотелось бы поблагодарить Дину Исаевну за серьезный и в современных условиях очень нужный материал.

Сейчас вселяет оптимизм перспектива коренной перестройки, в том числе и в области воспитания и образования.

Однако перестроиться будет очень нелегко, так как немалую часть наших людей устраивало существовавшее положение: мероприятия запланированы, отчеты в порядке, а конечный результат спросят не с него, чаще — вообще ни с кого. Такие и сейчас не сложат оружия.

Как мне представляется, нравственные критерии понижались с начала 60-х до недавнего времени. Причина — в нарушении принципа социалистического распределения, что породило многие уродливые явления, которые мы почему-то деликатно называем негативными.

Далеко я от мысли об уравниловке, но принцип социальной справедливости — основа воспитания молодых граждан нашей страны. Его нарушение не компенсировать никакими лекциями о нашем образе жизни. Когда оказывается разорванным главное звено, нет и всей цепи.

Полагаю, что многие поддерживают именно такую оценку положения и будут стремиться улучшить дело воспитания.

**В. БОРЗОВ,
Кострома**

Удивило меня в письме Д. И. Гурвич вот что: «...эта порядочность совершенно незаметно и естественно передавалась детям. В такой же атмосфере воспитывалась и я, как мне кажется, все мое поколение». Так как же получилось, Дина Исаевна, что ваше поколение, такое порядочное, смогло вырастить наше (имею в виду нынешних сорокалетних), которое породило и вытеснило сегодняшнее, аморальное? А не произошло ли это потому, что та самая порядочность, которой очень гордится военное поколение, почему-то незаметно и естественно не передалась вашим собственным детям, а передалось то, чего очень самим хотелось? «Хорошо бы иметь высшее образование. Для чего? — Так ведь прежние, довоенные инженеры, врачи вон как хорошо жили!» Не денег много образование не дало, так как ставки упали, а запросы на «хорошую жизнь» остались. Вот и стали выискивать те самые, с высшим образованием, для которых оно нужно для «хорошей жизни», лазейки. Конечно, наоборот, не во всех семьях была такая установка. Но согласитесь, что после 60-х годов резко возрос процент получающих высшее образование, в вузы шли дети с очень разными моральными установками и ценностями. Вот и получилась такая цепочка: стяжатель тянет за собой стяжателя. А установка-то шла от вас, вашего поколения.

Я не хочу обвинять военное поколение. Они хлебнули горя, и, конечно, хотелось и покушать хорошо, и одеться, и квартиру обставить, и, естественно, культуры неоткуда было взять: бабушки-дедушки окончили 3—4 класса, сами 7—8 классов. Но надо не руками разводить и перекладывать заботы и обиды с одного поколения на другое, надо думать всем миром, всем народом. Воспитание — оно совсем не незаметным должно быть, а очень и очень заметным. В нашем социалистическом государстве все для народа, я повторяю — все! И это великая потеря, что мы не смогли объяснить своим детям и внукам, как все это дорого далось — вам и нам — и как им все дешево достается. Вот в чем причина! Не было четкой, конкретной

цели воспитания, с четкими конкретными задачами, с четкими разработанными мероприятиями.

**Л. МИХЕЕВА,
Новосибирск**

Письмо это — крик души, предостережение, одна из примет перестройки.

Вдумайтесь: воспитывая молодежь, решая «проблемы» типа уступить ли место старшим в автобусе, кому быть главой семьи, нужен ли нам рок-металл и прочие, мы пытались доказывать либо аксиомы, либо недоказуемое. А в это время под шумок, прикрываясь заботами о подрастающем поколении, казнокрады расхищали миллионы. Была критика, были правдивые произведения литературы, открытые выступления печати, но чаще они играли печальную роль проповедников пышного, роскошного образа жизни какой-то неестественной, немислимой для нашего общества прослойки «аристократов из народа». А вот увидите, прочитав о том, кто конкретно понес наказание, как предлагал делать В. И. Ленин, не приходило.

Быть только созерцателем того, как многие норовят незаслуженно урвать себе кусок пожирнее, значит, способствовать укоренению негативных явлений. Думаю, что и сегодня ни народ, ни правоохранительные органы еще не в состоянии вести борьбу с тунеядцами, жуликами, взяточниками в полную силу. А ведь рядом с нами обладатели «Волг» и роскошных дач живут себе, наплевав на всякие законы, давнишние и новые.

Настало время, когда народ и партия поняли, что дальше так продолжаться не может. Наше поколение уходит, заплатав себя, свои великие достижения в труде и в бою идеями непротравления злу насильем.

Сегодня главное — уберечь молодежь от примиренчества и иждивенчества, от воровства и укрывательства воров, от тунеядства.

**А. ТЕРЯЕВ,
пос. Шемлуг Армянской ССР**

Думаю, что статью «Наболело!» надо издать отдельной брошюрой и разослать в издательства молодежных газет и журналов, в управления кинофикации и телевидения, в школы для директоров и организаторов воспитательной работы, чтобы эту статью изучили и приняли как руководство к действию и ознакомили с ней на родительских собраниях всех родителей!

**З. СТРЕЛЕЦКАЯ,
Москва**

Восхищен статьей «Наболело!».

**С. КАПЛИН,
Новосибирск**

Редакция получила около 300 писем-откликов.

Благодарим всех, кто принял участие в обсуждении проблем, затронутых в письме Д. И. Гурвич.

Какие злободневные темы для обсуждения хотели бы вы вынести на страницы «Смены», о чем посоветоваться с читателями? Пишите нам. Ждем ваших писем.

...Требуется уточнить: что мы подразумеваем под «человеческим фактором»? Неизнашиваемый инструмент для решения производственных задач? Кажется, иногда это именно так односторонне и представляют. Человек — главная движущая сила научно-технического прогресса! Но должна же быть и обратная связь: прогресс — для человека, производство — для человека. Связь не на словах — на деле.

И еще одно. Разговаривая с рабочими, я все время вспоминал ленинские слова о том, что предпочтение в ударности есть предпочтение в потреблении. Применимы они не к одному ударнику, а к целому ударному коллективу? Думается, да. Но пока такого предпочтения нет, и это несправедливо.

Коллаж
Геннадия
МАЛОФЕЕВА

ОБЕЩАННОГО... НЕ ЖДАТЬ?

Владимир
АНИСИМОВ,
специальный
корреспондент «Смены»

В Иваново, этот исконно текстильный край, едут теперь учиться не пряжу прясть, не ткани ткать — сюда едут учиться... делать станки. Вот такой странный «ивановский феномен». Он особенно непонятен на сторонний взгляд тем, что возник как бы на пустом месте. Был тут заштатный заводик, ничем особенным не выделявшийся, разве что своими печальной памяти изделиями — универсальными станками, которые добровольно брать никто не хотел. Завод, кажется, вообще прикрывать хотели, решив таким образом проблему повышения качества продукции: лучше никаких станков, чем такие.

И вдруг... Без помощи извне, в тех же заводских стенах ивановцы стали делать станки с числовым программным управлением, наисовременнейшие обрабатывающие центры на уровне мировых стандартов. А то и выше.

Впрочем, конечно, не «вдруг». Сегодняшним достижениям предшествовала кардинальная перестройка производства, настоящая научно-техническая революция. В ней участвовали конструкторы, технологи, рабочие — тысячи людей. Причем перестройку они начали и вели в самых неблагоприятных условиях отстающего предприятия, когда нет ни славы, ни премий, ни денег на развитие социально-бытовой сферы. Более того, они сознательно усложняли себе жизнь: зная о возможных и никогда не заставлявших ждать последствиях, нарочно проваливали спускавшиеся сверху планы производства устаревших универсальных станков, бросали силы на выпуск действительно нужной, прогрессивной техники. Нынешнее Ивановское производственное станкостроительное объединение — бесспорный всесоюзный лидер.

Ивановцы к дифирамбам привыкли. Они уже испытывают определенные неудобства от повышенного интереса к их делам. Представьте, вас каждый день разные люди будут пытаться об одном и том же: как да за счет чего вы добились таких замечательных успехов? Сначала рассказывать и показывать будет приятно, через неделю — скучно, а потом и надоесть может.

Без особого энтузиазма восприняв мои намерения рассказать о новых достижениях станкостроителей, секретарь парткома Валерий Викторович Гусев предупредил:

— Учтите, что похвальные статьи уже вызывают в цехах негативную реакцию.

— Отчего же? Разве в них неправда?

— Правда. Но рассказывается повсюду, как правило, лишь об одной стороне жизни коллектива — производственной. И ничего — о наших наболевших социальных проблемах.

Люди и цифры

От первоначальных намерений пришлось отказаться после первых же встреч в цехах...

Александр Елисейев, молодой инженер-программист, коренной ивановец, пять лет на заводе. Не летун, уважаемый специалист, всеми корнями привязанный к Иванову: здесь родился, учился в институте, начинал инженерную работу. Всерьез подумывает о переезде в другой город. Мы познакомились на участке, где обрабатывают базовые детали будущих станков.

— Работа нравится. Мне, еще молодому специалисту, полностью доверили вот эти пять новейших станков — это, знаешь, действует вдохновляюще, вселяет гордость. Работа самостоятельная, творческая. Уходить думаю почему? Причина единственная. Семейные обстоятельства так складываются, что нужна хотя бы надежда на квартиру. Там, на заводе под Коломной, мне ее обещают. А здесь — никаких перспектив.

Ситуация, к сожалению, типичная. Потом я уточнил: очередь на жилье — 650 человек, из них 90 — в льготной очереди. Чтобы получить квартиру, надо отработать лет 15—18. Не все могут

ждать десятилетиями. В прошлом году заводу наконец выделили 96 квартир — это город отдает долги еще трехлетней давности, они проблемы не решают.

Секретарь комитета комсомола Игорь Щеглов подтвердил: много людей ушло с завода только из-за невозможности улучшить жилищные условия. Другие и не хотели бы уходить, да их откровенно сманили. Приезжают делегации с разных заводов перенимать передовой опыт — заодно и опытные кадры ищут, уговаривают, квартиры сулят. Не скажу, что происходит повальное бегство с завода. Текучесть кадров здесь на удивление низкая — всего шесть процентов. Что удерживает людей? Престиж предприятия — фирмы с мировым именем? Гордость за выпускаемую продукцию? Высокая сознательность, ответственность за судьбу родного предприятия? Все, наверное, так. Только на одной сознательности долго не поедешь... Если не принять срочных мер, то еще неизвестно, насколько хватит терпения рабочих, инженеров.

В сборочном цехе я разыскал молодого электромонтажника Алексея Хомякова. Ему как депутату Верховного Совета РСФСР наверняка приходится заниматься жилищными вопросами.

— Приходится, — подтвердил Алексей. — Но только наши, заводские, с этими вопросами ко мне не приходят. — Почему? — удивился я. — Столько нуждающихся...

— Думаю, не верят, будто что-то изменится. А помните, на съезде партии говорилось, что передовые коллективы и жить должны лучше, и поощряться больше? Не думаю, что у нас хуже всех с жильем. Но, конечно, обидно за свой завод. Много шума вокруг наших станков, а то, что людей волнует и тревожит, остается в тени. Вот почему стали раздражать восторженные статьи.

...Рядом с заводом возвышаются два бело-голубых шестнадцатизэтажных красавца. Когда строился первый, директор, заручившись твердым обещанием одного из руководителей области, объявил коллективу:

— Весь этот дом будет наш. Вспыхнувшие были надежды не обмылись. Заводу дали только 25 квартир — десятую часть обещанного. Директору ничего не оставалось, как сообщить об этом рабочим и обнадежить: — Ничего, сорвалось сейчас, но второй дом мы получим.

Так директору снова пообещал тот же руководитель. Он сейчас в другом руководящем кресле и далек от забот дважды обманутых станкостроителей.

Что же в перспективе? Секретарь парткома мне сказал:

— У нас сегодня нет уверенности, что мы сможем выполнить задачу, поставленную партией: к двухтысячному году обеспечить каждую семью отдельной квартирой. Жилищный вопрос — тема наблевшая и, увы, знакомая многим. Но на ивановском заводе она приобретает особую остроту и смысл.

Трудно понять, почему лучшее предприятие находится где-то в хвосте при распределении социальных благ. Я имею в виду не только квартиры. Мне доводилось бывать на многих заводах — больших и малых, хороших и средних. Почти везде расскажут и покажут, как меняются бытовые условия заводчан. Там зимний сад в цехе устроили, здесь комнаты отдыха с цветомузыкальной аппаратурой; не в диковинку стали заводские сауны, рабочие кафе, служба быта. Мало-малышки солидное предприятие обзаводится собственным спорткомплексом, базой отдыха, профилакторием; сейчас, кажется, начало разворачиваться строительство молодежных жилых комплексов. Цель одна — создать максимальный комфорт рабочему, избавить от лишней забот, снять усталость, поднять настроение.

Сначала даже не верилось, что ничего подобного нет — и у кого? — у передового коллектива. С иронией рассказывали про такую «деталь»: когда летом прошлого года объединению вручали орден Ленина, для торжественного ве-

чера пришлось арендовать Дворец культуры текстильщиков — станкостроители и сейчас даже клуба своего не имеют. Что клуб... Не хватает пока и элементарного. В главном корпусе, например, где работают полторы тысячи человек, нет даже столовой. В любую погоду легко одетые люди ходят в соседний цех. Пошел с ними и я. Столовая еще была закрыта, а очередь человек в тридцать уже стояла и сидела на лестничных ступеньках. Так «отдыхали» рабочие...

Есть объективное объяснение: до 1981 года завод не выполнял план, поэтому не было средств на жилье и остальной социальбыт. С той поры прошла целая пятилетка; средства появились, но перспективы по-прежнему неопределенны. Для Дворца культуры еще место выбирают; для профилактория (маленького, на сто мест) — выбрали, раскорчевали... и на том все заглохло. Строители еще земляных работ не начали и когда начнут — неизвестно. Спорткомплекс пока тоже только в мечтах.

Несправедливость, допущенная по отношению к лучшему коллективу отрасли, становится еще более очевидной, когда знакомиться с его производственной деятельностью. О ней тоже надо сказать, чтобы не сложилось впечатление, будто завод однажды совершил перестройку и теперь все идет по накатанной колее, без особых хлопот. Нет, год от года задачи усложняются. Назову цифры, вдумайтесь в них:

— задание XI пятилетки выполнено за 4 года 5 месяцев; полностью обновлена выпускаемая продукция; производство станков типа «обрабатывающий центр» возросло в 3,3 раза;

— задачи XII пятилетки: снова полностью обновить продукцию; в 3,3 раза увеличить выпуск обрабатывающих центров.

О чем говорят цифры? Об ускоренном, напряженном ритме, в котором живет коллектив. А ведь это не легкая промышленность, это не ботинок на конвейере сменить — и там, бывает, решение «проблемы» обновления продукции растягивается на годы. Здесь за один год проходит путь от идеи до серии сложнейший обрабатывающий центр — своеобразный цех в миниатюре. Год вместо обычных семи — десяти!

— Все это дается очень нелегко, — говорил мне инженер одного из заготовительных цехов. — Идет постоянная гонка за новым. К тому же гонка с препятствиями. Бешено растет номенклатура изделий, продукция постоянно обновляется, усложняется. Зачастую люди работают «с листа» — по чертежу, не имея технологического процесса: технологи не успевают их разрабатывать. Конструкторы создают неплохой вариант станка, мы начинаем делать заготовки, но... нет предела улучшению. Утром конструктор просыпается с криком «Эврика!», и в цех идет новый чертеж. На производстве это сказывается довольно болезненно. Рабочий только приладили деталь — сразу команда: бросай все, начинай по новой. Мы исполняем все, что задумано в КБ, знаем, что это необходимо. Но надо видеть и тревожные симптомы: в коллективе накапливается усталость...

В сборочном цехе свои трудности.

— Главная — неритмичные поставки узлов станков, — объяснял бригадир комсомольско-молодежной бригады Владимир Кузнецов. — А это просто бригад. На узлы образуется очередь, а то и перехватывается работа друг у друга. Чтобы сделать план и поддержать заработок на прежнем уровне, нередко остаемся на пару часов после смены.

— Значит, работаете сверхурочно? — Формально нет. Остаемся-то добровольно, никто не приказывает.

Зачем я об этом рассказываю? У ивановцев, как на любом другом заводе, нет идеальных условий. Но на том сложном пути, который они избрали, при тех задачах, которые себе поставили, любые производственные неурядицы ощущены вдвойне. Требуется предельная интенсивность труда, чтобы выполнить

намеченное. А люди ухитряются еще найти силы, резервы делать сверх запланированного. Так, комсомольско-молодежные бригады четвертого цеха за год собрали два сверхплана обработки деталей центра — считай, на чистом энтузиазме, во внеурочное время. К двадцатому съезду комсомола молодежь таким же образом готовит новейший обрабатывающий центр. Разработан сетевой график, подключены комсомольцы всех подразделений — от конструкторского бюро до отдела монтажа и наладки.

Вопрос в том, как оценивается столь напряженная и, не побоимся высоких слов, самоотверженная работа? Чем и как стимулируется, вознаграждается? Речь не о рублях. Зарплата здесь действительно заработанная плата, да и она, кстати, не намного выше, чем на самом заурядном предприятии. Речь о том, что коллектив не ощутил сколь-нибудь существенных перемен в социальной сфере по сравнению с теми временами, когда числился в отстающих. Об этой стороне жизни станкостроителей хорошо известно в городе. Им приходилось слышать от знакомых с других предприятий и такое: «Ну, и чего вы добились, передовики? Зачем надрывались, из кожи лезли? Орден они получили! А живете хуже всех».

Да, и такую реакцию вызывает пример передовиков. Отмахнуться, не обращать на нее внимания? Легко сказать... Труднее объяснить: почему тот, кто работает лучше, вынужден жить хуже? Почему техническая программа на пятилетку ясна и конкретна, а социальная — в густом тумане? Завод просил у министерства: разрешите добавить средства на социальбыт за счет производственного строительства. Не разрешили.

От кого что зависит...

Кто виноват? Минстанкопром, равнодушный к нуждам своего предприятия? Городские и областные власти? Строительные организации? Да, от них многое зависит. А от завода — ничего? Валерий Викторович Гусев подтвердил мои предположения, четко сформулировав то, о чем я и собирался сказать:

— Если будете писать, скажите и о том, что мы сами не проявили должной настойчивости в этом вопросе. Все внимание отдали технике и упустили житейские проблемы.

Достижения завода связывают в первую очередь с генеральным директором Владимиром Павловичем Кабаидзе. Фамилия нынче благодаря средствам массовой информации широко известна. В областной газете не так давно была статья главного инженера объединения, в ней сказано: «Кабаидзе не просто смел — он бесстрашен в вопросах технической политики».

Лет двенадцать назад, когда технический переворот на заводе только начинался, Кабаидзе предупредил коллектив: «Никакие блага с неба не свалятся. Просто так ничего не дадут. Вот сделаем то, что задумали, — будут и блага. Все зависит от нас». Эти слова помнят. Им еще верят. Но вера людей не безгранична. Стабильность кадров не должна вводить в заблуждение — настроение в цехах меняется, и люди все чаще задают вопрос: когда же будет обещанное?

Бригадир Владимир Кузнецов говорил мне:

— На днях на комсомольской конференции Владимир Павлович выступал. Рассказывал, как в Чикаго за четыре дня договорился... о лицензиях. Короче, о том, о чем министерство четыре года договариваться не могло. Отчего ж он о социальбыте никак не договорится? Нам говорят: «Все зависит от вас». Что зависит от нас — мы делаем.

На той же конференции Алексей Хомяков послал записку: «Владимир Павлович, скажите про МЖК — когда начнем строить?» Директор вопрос депутата оставил без ответа.

А с МЖК дело обстоит так. Вначале комсомольцы пришли к директору с идеей — «Давайте строить!» — но без конкретных предложений. Кабаидзе за-

бросал их вопросами — где участок, кто будет подрядчиком, как финансировать? И совершенно справедливо предложил более детально проработать идею, прийти не с пустыми руками.

Комитету комсомола пришлось «влезать» в строительные и финансовые проблемы. Нашли участок, добились согласия подрядчика, разработали условия соревнования за право быть бойцом стройотряда. Оставалось подписать важные бумаги, без которых стройка начаться не может. Судя по реакции директора на комсомольской конференции, осуществление идеи откладывается...

Я внимательно просмотрел выступление генерального директора в центральной прессе за последний год. О чем они? Об интеграции. Техническом прогрессе. Ускорении темпов. О том, что нельзя останавливаться на достигнутом. О том, что мешает научно-техническому прогрессу. И почти ничего — о помехах прогрессу социальному.

Было бы неверно любой счет предъявлять одному директору. Но, согласитесь, моральный климат на предприятии определяет все-таки первое лицо: такая уж у него судьба, что за все в ответе.

Так вот, о моральном климате... Мне показалось, что о станках здесь заботятся все же больше, чем о людях. Казалось бы, что сложного в том, чтобы хоть открыто и честно поговорить с рабочими, ответить на наблевшие вопросы, рассказать, почему многие надежды не сбываются, какие меры будут приняты?

Правда, было такое благое намерение. Объявили, что состоится день открытого письма. В цехах заранее вывесили ящики для вопросов и предложений работников.

Потом настал и этот день. Собранным в конференц-зале рабочим объявили такой регламент: час — ответы на вопросы, второй час — концерт артистов театра музыкальной комедии.

Вышел председатель горисполкома, минут сорок пять рассказывал о перспективах развития завода — достаточно хорошо известных собравшимся, а затем рабочих спросили: «Ну что, товарищи, может, не будем задерживать артистов?»

Сейчас все соглашаются, что «мероприятие» не удалось. Но тут-то какие трудности были?! Или сказать было нечего?..

Признаюсь, удивляет такое сочетание: смелость в технической политике и робость — в социальной. Все производственные задачи успешно выполняются, а в непроизводственных какая-то полная неопределенность и необязательность.

Пообещали людям кооператив. 600 человек подали заявления, стали ждать. На последней профсоюзной конференции задавали традиционный уже вопрос: «Когда же?..» Ответ: насчет нынешней пятилетки ничего не известно. Зачем тогда было будоражить коллектив, вселять нереальные надежды на скорое улучшение жилищных условий? Наверное, построить дом в чем-то сложнее, чем станок построить. Тем более требовалось тщательной прикинуть все возможности, узнать конкретные сроки, семь раз отмерить, прежде чем говорить о кооперативе.

Пример передовых предприятий должен быть примером во всем. А нынче многие рабочие из других городов, приезжающие в Иваново перенимать опыт, удивляются: «У нас-то дела похуже, а заработки не меньше, и вообще живем лучше». Да, контраст между качеством труда и вознаграждением за труд очевиден...

Читатель, видимо, заметил: в данном материале нет объяснений руководителей объединения, министерства. Сделано это намеренно: я попытался представить положение с позиции рабочих, которые, к сожалению, не всегда знают, что происходит за дверями служебных кабинетов. Но в ближайших номерах «Смены» мы вернемся к поднятой проблеме и попросим руководителей рассказать о своей позиции, а главное — о принимаемых мерах.

ГАРРИ КАСПАРОВ: ЖИЗНЬ ШИРЕ ШАХМАТНОЙ ДОСКИ

Каспаров был в отличном настроении. В Загульбе светило солнце. Матч в Ленинграде казался уже далекой историей. Через несколько дней он улетал на соревнования, впереди ждали другие интересные турниры, по которым он соскучился, по его словам, отпраздновав летом «трехлетний юбилей неучастия». Тем не менее разговор мы начали все-таки с шахмат (так попрощал сам Каспаров).

— Как вы оцениваете матч-реванш?
— Это очень специфичное соревнование, требующее особого психологического настроя. Ведь противник покусается на звание, которое ты с таким трудом завоевал. Я вошел в матч после предыдущей встречи так быстро, что практически не успел погреться в лучах чемпионской славы. Но одно хочу еще раз повторить — в счастливом для себя исходе матча не сомневался. Это не хвастовство, а твердая оценка сил. Хотя, по моим предположениям, должен был быть счет в мою пользу больше и матч должен был закончиться раньше. Если прежде говорили, что Каспаров выигрывает у Карпова благодаря памяти на множество дебютов, то сейчас это явно не соответствует истине. Мой противник был замечательно изобретателен в дебюте, и все мои победы (кроме 4-й партии) не связаны с преимуществом, полученным в дебюте...

— Вы говорите о своей победе с такой уверенностью, как же объяснить три поражения подряд?

— Да, я проиграл 17-ю, 18-ю и 19-ю партии. Но перед этим победил в 16-й, разрыв составлял три очка — и я не представлял себе, что противник сумеет исправить положение. Полностью расслабился, а Карпов продолжал бороться. И как бороться! Если в 18-й я перед откладыванием выигрывал партию любым ходом, кроме того, который избрал, то 19-ю проиграл по делу. Пришлось мобилизовать все свои резервы. Внимательно пересмотрел сыгранные партии, убедился, что виной всему мои грубейшие ошибки, и решил их больше не повторять. Но, с другой стороны, как говорит мой учитель Михаил Моисеевич Ботвинник: «Не было бы этих трех поражений, ты не создал бы 22-ю партию». По своей красоте она исключительна — это признал и Карпов.

— С сентября 1984 года и по октябрь 1986-го вы сыграли с Карповым 96 партий — небывалый результат в матчах за первенство мира. Не устали?

— ...Есть немного. Вы добавьте еще — просидели за одним столиком более 450 часов. Мы изучили друг друга досконально. И поскольку я убежден, что Карпов возьмет верх над Соколовым, то на следующий год (результат неразберихи с циклами, устроенный ФИДЕ) мы снова начнем матч. Себя уже не жаль, жаль зрителей.

Когда в 23-й партии Анатолий Евгеньевич предложил ничью, я развел руками: «Это такое заманчивое предложение...» Так был окончен матч. Кстати, по числу побед после этого марафона счет стал 13:12 — символические цифры, ведь я тринадцатый, а Карпов двенадцатый чемпион мира.

— Последнее о матче. Он был проведен по необычной формуле. Вы в свое время высказывались против разделения матча на основной и матч-реванш, не изменилось ли после победы ваше отношение к этому правилу?

— Оно по-прежнему отрицательное. Такая формула нарушает ход спортивной борьбы. Спортсмен настраивается на матч как единое соревнование, а в итоге получается два матча. И сейчас я

считаю, мы провели два разных соревнования. Иное дело, в целях популяризации шахмат матчи за звание чемпиона мира могут проходить и за рубежом (я убежден, что ближайшее десятилетие в нем будут играть лишь советские гроссмейстеры), но лишь с согласия его участников. Тем более что средства массовой информации легко могут сделать зрелище матча доступным не только для 700 человек в зале, а для миллионов и миллионов зрителей. Пример — 8-й канал ЦТ в Москве. С восьмью и до десяти вечера по нему транслировали (без комментариев) сцену Белого зала гостиницы «Ленинград».

— Вы говорите, что матчи на звание чемпиона мира отлучили вас на три года от шахматного мира. Каково тогда, на ваш взгляд, их значение? Может быть, их следовало проводить по другому принципу?

— Наш с Карповым случай особый и не характерный. В принципе же матчи за звание чемпиона мира — двигатель шахматного прогресса. Именно этот матч определяет стратегические пути развития шахмат, так как в нем обычно встречаются шахматисты разных направлений, и они непосредственно за шахматным столиком выясняют, чей стиль в настоящее время прогрессив-

нее. В этих матчах определяется и дебютная мода. К сожалению, за три последних года состоялось слишком много игр чемпионского ранга и внимание к ним несколько притупилось. Но я надеюсь, что в будущем, при нормальном ритме, матч на первенство мира будет иметь, как и прежде, огромное значение для пропаганды шахмат, развития теории.

Творчеству предела нет. В, казалось бы, изученных позициях мы внезапно открываем ходы, о которых прежде и не подозревали. Внутри каждой шахматной партии бесчисленное множество тайн. Именно это делает игру вечной. И столетний юбилей матчей за мировую корону только открывает счет вековым датам.

Долгое время велись споры, как определить чемпиона: в матче или турнире? Мнение на этот счет у меня одно и категорическое.

Звание чемпиона мира — это звание сильнейшего шахматиста планеты. И оно может быть завоевано только в единоборстве. Поэтому никаких иных вариантов, кроме поединка между чемпионом и претендентом, я не приемлю.

Турнир — это дело случая. В турнире, где играет несколько человек, могут произойти и не шахматные события. Отбор может быть самым разным, но, кстати, за все время, независимо от выбранной системы, на чемпиона всегда выходил сильнейший. Претендент в споре один на один должен доказать, что он сильнее чемпиона. Финал — итоговое состязание. Как известно, чемпионы мира в футболе, баскетболе, волейболе и т. д. определяются в финальных встречах.

Этой системе уже сто лет, и она доказала свою жизнеспособность. В шахматах нет прецедентов, когда кто-то случайно становился чемпионом. Шахматная корона всегда принадлежала только сильнейшему спортсмену.

— Известно, что за последний месяц вы успели провести сессию в школе Ботвинника — Каспарова и активно занимались своими президентскими обязанностями клуба «Компьютер», расскажите об этой работе.

— И школа, и клуб — работа с детьми, воспитание преемников — главная моя обязанность после пропаганды шахмат. Клуб «Компьютер», вдохновитель которого академик Евгений Павлович Велихов, он же и его вице-президент, призван научить детей с самого раннего возраста легко работать с персональным компьютером, обращаться с ним, как, к примеру, с телефоном. Стать президентом и принять участие в создании «Компьютера» мне предложил академик Велихов, я с радостью согласился. Работа в клубе мне нравится и приносит истинное удовлетворение.

Школа Ботвинника открылась после семилетнего перерыва. Занимаются в ней ребята, проявляющие способности к шахматам. На занятиях, мы называем

их сессиями, юные шахматисты присутствуют вместе с тренерами. Задача школы не просто научить играть, а прежде всего привить начинающему спортсмену чувство ответственности за каждую партию, психологическую устойчивость в игре. В свое время в школе Ботвинника учился Карпов, учился в ней и я, и многие другие советские гроссмейстеры и мастера. Михаилу Моисеевичу Ботвиннику одному уже нелегко проводить сессии, на которые съезжаются в дни школьных каникул пятнадцать ребят и каждому из них необходимо подготовить домашнее задание на несколько месяцев, у каждого его проверить. И когда я в прошлом году завоевал чемпионский титул и накал подготовки к матчам спал, то решил помочь в работе школы Ботвинника. В подмосковном профсоюзном доме отдыха «Пестово» прошли две сессии. Есть у наших ребят уже успехи на всесоюзных соревнованиях и даже на международных. Например, 14-летний школьник из Еревана Владимир Аюбян стал чемпионом мира среди кадетов (группа младших юношей).

— В апреле в Москве откроется XX съезд ВЛКСМ. Как член ЦК ЛКСМ Азербайджана, коммунист, чего вы ждете от этого съезда?

— После XXVII съезда КПСС любой форум, каким бы представительным он ни был, обязан принять такую программу, которая на каждом конкретном участке обеспечит решение задач, поставленных партийным съездом. Комсомол как ближайший резерв партии обязан прежде всего заняться вплотную проблемами, которые волнуют молодежь. Наметьте пути для установления неформального контакта комсомольских работников с миллионами юношей и девушек. Нельзя закрывать глаза на то, что комсомол страдает теми же недостатками, от которых сейчас освобождается все наше общество. Но для комсомола характерен и огромный потенциал духовного самосознания. Я убежден — оно победит. Перестройка обращена в первую очередь к молодежи, которая не обременена грузом прошлого. Съезд комсомола должен заложить фундамент молодежного движения на ближайшие годы.

— В предновогоднем КВНе вы были членом жюри. Причем, судя по вашей реакции, передача вам понравилась. Что, по-вашему, заставило вернуться КВН на телевидение и чем он вам импонирует?

— Эта передача выражает потребность людей в нестандартной, веселой, всем доступной форме говорить о каких-то проблемах и просто поднимать настроение. Мнение о том, что игра возрождена, на мой взгляд, неверно. Она не умирала. Ее не было в эфире, но тем не менее дух КВНа жил. В этом я убедился, наблюдая за игрой Одесского университета и Московского института тонкой химической технологии.

Мы сейчас много говорим, обсуждаем, критикуем, требуем перестройки, но не всегда даже самая острая и громкая критика является кратчайшим путем к цели, иногда лучше показать всю абсурдность ситуации с помощью сатиры. КВН это может.

Суждения о том, что некоторые реплики участников КВНа слишком остры, не принимаю. Кто знает рубеж слишком острого и недостаточного острого? Когда бьют по больному, это кажется очень острым. Но как разграничить «Это слишком смело, это еще терпимо»? Мы сразу же попадаем в заколдованный круг, из которого выбраться невозможно. Создавать для игры рамки, значит нанести ей непоправимый урон. КВН не призыв к критиканству, а призыв к анализу, сатирическому осмыслению происходящего.

— Недавно вам предложили сняться в документальном фильме о Владимире Высоцком. Но ведь вы никогда не были с ним знакомы...

— Объясню. Я провел беспримерный матч в истории шахмат. Он длился 25 месяцев. 96 раз я выходил на поединок, в котором один неверный ход мог стать роковым. И все 96 раз за полчаса до

отъезда на партию я слушал одну и ту же песню — «Кони-привередливые». 96 раз Высоцкий провожал меня. По моему убеждению, он относился к тем людям, которые понимали, что происходит в стране, верили в ее народ и не могли молчать. Его творчество укрепляло нашу надежду на то, что здоровые, лучшие силы победят. Он находился на том социальном водоразделе, где, с одной стороны, фарисейство, желание приостановить нравственный прогресс общества, а с другой — истинная доброта, человеколюбие, оптимизм, здоровая нравственная суть. Естественно, у него было много противников. И парадокс его творчества заключался в том, что любил его не все, но все слушали. Он олицетворял самое земное, самое приближенное к народу творчество.

— Вернемся к шахматам. Играете ли вы дома, с родными?

— Этот период закончился в семь лет.

— А если вам предлагает сыграть партию сосед в самолете или поезде?

— Готов сдать сразу, чтобы не мучить ни себя, ни партнера.

— Другими словами, вы отказываетесь играть с дилетантами?

— Стараясь, но это не всегда получается. Ценности в этих встречах нет никакой. Все равно, что устроить футбольный матч между национальной сборной и уличной командой. Даже на блиц-партию с игроками приличной квалификации, например, кандидатом в мастера, у меня уходит 20—30 секунд.

— Много говорят о вашей феноменальной памяти, якобы вы помните все партии, которые когда-либо играли сами, и множество игравшихся другими. Запоминаете ли вы партии из сеансов?

— Если игра была бессистемной, нет. Но если сложилась интересная партия, то запоминаю.

— Какие обязанности у чемпиона мира?

— Они приятны, почетны и нелегки. Надо внимательно следить за собой. Поведение чемпиона в немалой степени определяет этику шахматного мира, уровень и развитие игры. Чемпион должен быть принципиален, сознавая, что от его голоса зависит оздоровление морального климата в спорте. На мой взгляд, в последние годы, которые я считаю смутными годами в шахматах, участились необоснованные переносы игр, отмены соревнований, дисквалификации — все это результат непоследовательности руководства ФИДЕ. Похоже, что ведущим гроссмейстерам пора создавать «профсоюз», чтобы охранять собственные права от волюнтаризма людей, управляющих шахматным миром.

— Ваши матчи с Карповым, похоже, сделали все остальные события в шахматном мире не существенными?

— Не согласен с этим. Весной я присутствовал и поздравлял на праздничном собрании в честь 65-летия седьмого чемпиона мира Василия Смыслова. В этом году исполнилось и 75-летие шестого чемпиона, моего учителя Михаила Ботвинника. Михаилу Талю — восьмому чемпиону — 50. Сто лет и первому розыгрышу чемпионской короны в шахматах. Кстати, Майе Чибурданидзе, чемпионке мира среди женщин, скоро 25 лет, тоже «круглая» дата. Возможно, прежняя шахматная федерация СССР смогла бы организовать что-то вроде Года шахмат, но ее деятельность целиком замыкалась на организации матча-реванша. Жаль. Это событие безусловно важно, но нельзя из-за него забывать обо всем на свете. Надеюсь, новый состав федерации будет ко многим проблемам наших шахмат относиться иначе.

— Ваше отношение к женским шахматам? Возможен ли в будущем матч между чемпионом и чемпионкой мира?

— Приветствую любые шахматы — детские, женские, турниры юношей и ветеранов. Если же такой матч, в котором вы спрашиваете, состоится в

обозримом будущем, я заранее готов предсказать счет в пользу мужчины. Женские шахматы значительно шагнули вперед, впрочем, как и весь женский спорт. Но убежден, что до равенства с мужским ему еще далеко. Все-таки женщина должна оставаться «слабым полом». Ее хочется любить и за слабости тоже, но никак не за равенство.

— Вы много занимаетесь проблемой компьютеров. Помогали ли вам ЭВМ во время матча с Карповым?

— Что касается шахмат на высшем уровне, то здесь компьютеры пока помочь не в состоянии. Но скоро может многое измениться. Вижу два направления в шахматных компьютерных системах. Первое — набор и классификация информации. Начало будет положено уже скоро, так как создано устройство, «считывающее» шахматную доску и изменения, происходящие на ней. Второе — оказание помощи, то есть взаимная игра в технических позициях, требующих не интуиции, а огромного пересчета. Это относится ко многим окончаниям. Обе функции вспомогательные, но помощь могут оказать серьезную. Ведь есть уже миниатюрный шахматный компьютер — молчаливый, безотказный партнер. Возможно, уровень игры его поднимется еще выше, и тогда он будет незаменимым спутником миллионов игроков.

— А вы сами играли в шахматы с ЭВМ?

— Да, играл в ФРГ полтора года назад матч с 32 шахматными компьютерами. Четыре самые известные производящие их фирмы выставили команды из восьми «игроков». Счет матча 32:0 в мою пользу. Дело в том, что, даже просчитывая варианты на много ходов вперед, компьютер видит и ставит перед собой только конкретные задачи. Он напрочь лишен такого необходимого качества, как интуиция и воображение. Для любителя шахматный компьютер (ведь размеры его не больше обычного школьного учебника), я уже говорил, — замечательный партнер. Наверно, настала пора и нам самим проектировать и выпускать подобные машины или приобрести лицензию на их производство.

— О мастерстве шахматиста иные судят по его способности играть вслепую, да еще на нескольких досках. Вы играете?

— Не знаю, как другие, а я играл вслепую только один раз. Это было на десяти досках с часами. Мои соперники — национальные мастера (матч проходил за рубежом), играющие на уровне наших кандидатов. Я выиграл со счетом 9:1, но больше подвергать себя таким испытаниям не намерен.

— Вы вспоминаете Фишера? Кстати, некоторые считают, что стремление американца играть в городах-портах (куда может незаметно войти яхта с мощным радиопередатчиком), только в собственном кресле (куда можно вмонтировать приемник) и еще ряд условий, выдвигаемых Фишером, служат доказательством того, что Фишеру во время партий подсылали ходы. Согласны ли вы с подобным утверждением?

— Для тех, кто играет в шахматы на уровне мастера, понятна вся нелепость подобных выводов. Прежде всего я бы очень хотел посмотреть на человека, который взял бы на себя смелость подсказывать Фишеру. Был бы не против, если бы подсказывали моим противникам во время партии. Это неплохо свивает с оценки позиции, со счета. Великие имеют право на странности. У Фишера их тоже было предостаточно.

— Оцените уровень игры Фишера в его лучшие годы. Чем, на ваш взгляд, мог закончиться матч между вами?

— Таинственный уход Фишера свое дело сделал. Поклонники шахмат никак не могут успокоиться. Хотя, на мой взгляд, ничего сверхъестественного здесь нет. У игрока такого класса шахматы, как правило, главное дело жизни. Фишер умудрился всю жизнь сузить до размеров доски. Такое не дано выдерживать никому, ибо это против человеческой природы. Он был велик и, конечно, опережал время. Но вспомним — его

шахматное искусство произошло из советской школы. И он, как ни странно это звучит, ее продолжал и развивал. Не зря же он выучил русский язык.

Изучая его партии, я убедился, что по классу подготовки Фишер в конце шестидесятых годов стоял на уровне начала восьмидесятых. Пятнадцать лет в наше время — очень много. Не люблю прогнозов на песке. Фишера в шахматах нет, а кто играет лучше, можно выяснить только за доской.

— Что же касается слухов о возможной моей встрече с Фишером, я думаю, они так и останутся слухами.

— Не так давно прошел чемпионат страны по шахматам. Простите за коварный вопрос. Но почему чемпионат СССР проходит без ведущих гроссмейстеров?

— Меня беспокоит та ситуация, что сложилась с всесоюзным первенством высшей лиге. К сожалению, вот уже более десяти лет победа на этих соревнованиях не служила путевкой на крупнейший международный турнир. То есть был нарушен спортивный принцип любого состязания, где победа — всегда движение вверх. Некоторые же рассуждают так: зачем участвовать в тяжелых состязаниях, если можно, минуя их, попасть на крупные международные турниры? На них значительно легче повысить свой рейтинг, так как участники почти любого зарубежного турнира ничуть не сильнее даже нынешнего, но богатого на имена чемпионата СССР, а коэффициент ЭЛО у них за счет постоянных международных состязаний значительно выше. Но, похоже, с этой проблемой мы покончили. На Всемирную Олимпиаду поехал в составе сборной Виталий Цешковский — чемпион СССР 1986 года.

— Так ли уж необходима физическая подготовка в шахматах высшего уровня? Известно, вы придаете ей большое значение, что же входит в ваш комплекс физического тренинга?

— Для матча-реванша, поскольку соперники друг друга знали досконально, я считал главным — дебютные идеи, но решающую роль в спортивной борьбе должна была сыграть психологическая устойчивость и физическая форма. Я много и серьезно занимаюсь бегом и плаванием. Когда чувствую себя в хорошей форме, играю в футбол (очень его люблю) и бадминтон, требующий огромной выносливости, внимания, скорости и реакции.

— Есть ли отличие в мышлении ученого и шахматиста?

— Различия большое. Конечная цель шахматиста, как и любого спортсмена, — победа. Ученого — истина. Для достижения выигрыша на промежуточных этапах могут быть использованы даже авантюристские планы, я имею в виду логичные ходы. А у ученого любой промежуточный этап — только истина.

— Планируете ли вы работу над шахматными книгами? Когда выйдет сборник ваших избранных партий?

— Такой сборник уже вышел в 1985 году. Он был издан в Азербайджане тиражом пятьдесят тысяч экземпляров. Кроме этого, я постоянный автор бакинской газеты «Шахматы». Регулярно писать — это тоже один из долгов чемпиона мира. Сразу после победы во втором матче я за две недели написал книгу в десять печатных листов — свои впечатления от игр с Анатолием Карповым. Правда, она ни одно из центральных издательств пока не заинтересовала. Зато мне предложили написать книгу о себе в серии «Выдающиеся шахматисты». Но мне только 23 года, и я не считаю, что созрел для такой серии.

— Не боитесь ли вы славы? Ведь она погубила не одного спортсмена!

— Почивать на лаврах не собираюсь. Впрочем, с того дня, как выиграл, образно говоря, ни разу не присел. Очень много самых разных дел. Возможность вкушать сладкие плоды победы я пока еще не имел. И вообще плохо представляю себя в роли пожинателя лавров. По-моему, это скучно.

Венеслао
ФЕРНАНДЕС
ФЛОРЕС

СВЯТА

Фантастический рассказ

ДЬЯВОЛА

Первый странный симптом был зарегистрирован 7 августа, в половине шестого вечера. Мисс Мейбл Фертиг, поставив у тротуара свой красивый «Беккерс» последней модели, зашла выпить чаю в кондитерскую «Новая Монголия». Пять или шесть человек, проходившие случайно мимо ее машины, потом утверждали, что грузовик под номером шесть, принадлежащий «Западной металлургической компании», понесся, вылетев на улицу из-за угла, прямо на маленький «Беккерс». Хотя в кабине грузовика был шофер, он не мог бы предотвратить столкновения, и уничтожение маленькой элегантной машины казалось неминуемым, когда совершенно необъяснимым образом «Беккерс» попятился на несколько метров назад и въехал на тротуар. И поэтому грузовик, промчавшись мимо, его не задел.

Второе знаменательное событие, столь же необъяснимое, произошло неделей позже. «Пингр», принадлежавший мистру Коку, ехал километрах в пятидесяти от города, когда с тропинки на асфальт рассеяно ступил человек. Столкновение казалось неизбежным, но властно и резко зазвучал клаксон «Пингра», и человек, испугавшись, спрыгнул в кювет.

— Это вы просигналили ему, мистер Кок? — спросил черный шофер у сидевшего налево от него хозяина.

— Не я, Джон, — ответил джентльмен.

— Я могу поклясться, что даже не дотрагивался до клаксона.

Об этой чепухе больше не говорили до тех пор, пока через несколько дней не стала вдруг ясна вся важность случившегося.

А произошло следующее. 30-го числа того же месяца в огромных залах «Дома автомобиля» открылась выставка новых машин фирмы «Хопп», предпринявшей гигантскую работу по усовершенствованию всех выпущенных ею, знаменитых во всем мире моделей. Инженеры фирмы разрабатывали эти усовершенствования в течение пяти лет. Реклама, равной которой по размаху не было никогда и нигде, оповестила мир, что скоро появятся шесть новых моделей «Хопп». Об этом кричали полосы в самых читаемых газетах, световые табло на фасадах зданий в самых больших городах континента, проекции объявлений на облака, тысячи и тысячи сбрасываемых с самолетов листовок, надписи цветным маслом на поверхности морских бухт и озер Европы и Америки... Но в чем конкретно могли состоять предложенные улучшения, никто себе не представлял: автомобиль уже достиг такого совершенства, что, по общему мнению, улучшать его дальше было просто невозможно. Старинные поршневые двигатели, древние тормозные системы, устаревший способ охлаждения, служившие источником постоянных неприятностей камеры, которые то и дело оглушительно лопались или тихо выпускали воздух, и покрышки на них, которые все время нужно было менять, исчезли за пятьдесят с лишним лет до этого, и те, кто знал, что представляли собой автомобили в первой трети XX века, не в состоянии были объяснить себе ангельского терпения, какое обнаруживали люди той эпохи, настоящие рабы несовершенных и крайне недолговечных автомобилей, ломавшихся по несколько раз в месяц и проводивших больше времени в ремонтных мастерских, нежели на колесах. Автомобилист той ушедшей эпохи был несчастным существом, которое большую часть жизни проводило под каким-нибудь примитивным драндулетом. Посередине Большого проспекта возвышался монумент, увековечивавший страдания первых автомобилистов. На широком пьедестале стояла высеченная из мрамора фигура человека в безобразной одежде 1920 года, но без пиджака; он был изображен накачивающим шину. Пот от нечеловеческих усилий приклеил его волосы к

вискам и лбу, а на лице застыло выражение горечи и усталости. На постаменте были слова: «Многочисленным и несчастным жертвам зари автомобилизма — от благодарного человечества».

Теперь автомобиль был предметом по-настоящему полезным. Двигатель его ничем не походил на двигатель, работающий на бензине или электричестве. Бак с динламиком, чудо-веществом, которое открыл в начале XXI века знаменитый Томпсон, занимал от силы один кубический дециметр, и, наполнив его, можно было проехать на машине десять тысяч километров. Теперь можно было без преувеличения сказать: в этих организмах из металла есть все необходимое и нет ничего лишнего. Эти машины были настоящим чудом техники, и во времена, когда Жюлио Верну и Уэллсу среди многих других доставляло удовольствие тратить время на размышления о будущем, оно, это будущее, если бы его узнали заранее, изумило бы самых смелых предсказателей.

В первый же день выставки огромный зал «Дома автомобилей» заполнила изнывающая от любопытства толпа. Тому, кто посмотрел бы вниз с громадных люстр, показалось бы, что пол в зале устлан темным ковром: люди там стояли вплотную друг к другу. Каждый автомобиль, как на острове, помещался на своей платформе, и шелковые канаты, которыми их отгородили, чтобы защитить от прикосновений любопытных, прогибались под давлением толпы внутри. Ярко блестел никелированный металл, а лак, без единого пятнышка или царапины, выглядел как бархат или атлас. В гранях фар, как в заворачивающих зрачках какого-нибудь чудовища, двигались крошечные отражения посетителей. Были выставлены все мыслимые типы автомобилей — от огромного грузовика до одноместной машины, короткой и узкой, как стрела.

С третьей галереи на волнение этого человеческого моря смотрели, окруженные множеством официальных лиц и инженеров, генеральный секретарь транспорта и мистер Хопп. Бритое лицо мистера Хоппа — широкий, в морщинах лоб, волевой подбородок, на той и на другой щеке ямка в виде запятой, густая, оловянного цвета шевелюра на голове, темные от болезни печени веки — выражало удовлетворение и гордость. Тысячи взглядов снизу обращались к нему, и все громче и громче слышалось его имя:

— Это Хопп! Вон Хопп, наверху!

Молодой наладчик Джо Уилл сел за руль роскошной машины продемонстрировать бесшумность ее двигателя. Он начал быстро орудовать невидимыми снаружи рычагами управления; автомобиль чуть задрожал, и посетители, плотно прижавшись к шелковым канатам вокруг, лишь с трудом уловили звук работающего двигателя. Но тут внезапно завыл клаксон этой машины; звук его гулко отдавался под сводами из стекла и металла. Услышав его, к машине ринулись новые толпы, любопытных. Уилл стал нажимать на кнопку клаксона, но тот не замолкал. Наверху мистер Хопп, сдвинув седые брови, распорядился:

— Скажите этой бездарии, чтобы он ни к одной машине близко не подходил!

И тут хрипло завыл широкий мощный тяжеловоз, а секундой позже, слившись в какофонический хор, взвыли клаксоны всех машин в зале. Поднялся хохот; несколько девушек, изображая непереносимые страдания, с очаровательными гримасками заткнули уши. Ни в одной из гудящих машин, кроме первой, никого не было, и многие, когда заметили это, стали говорить:

— Это Хопп нам приготовил сюрприз.

Но достаточно было увидеть выражение лица знаменитого инженера, увидеть, как он, привстав и судорожно вцепившись руками в перила, перегнувшись через них и гневным взглядом обегает зал, как становилось ясно, что той клаксон его совсем не радует. Не получая на свои вопросы сколько-нибудь

вразумительных ответов, он повернул голову к Гарри-сону, помощнику:

— Кто это пошутил так неудачно?

— Не... понимаю, — проговорил, запинаясь, Гарри-сон.

Внезапно толпа взорвалась истошным многоголосым криком. Трактор «Титаник», мощный, приземистый, напомиавший чем-то осьминога или какого-то странного серого зверя, способного жить даже после того, как у него вырезали живот, вдруг тронулся с места и, разорвав шелковый канат, поехал в толпу. Одновременно с ним пришли в движение два мощных фургона, а двумя секундами позже уже все машины, какие были в зале, двигались по мозаичному полу, покачиваясь слегка, лишь когда им приходилось переезжать через лежащие на полу тела. По толпе, понявшей, что опасность надвигается со всех сторон, побежали встречные волны; отчаянно вопили те, кто видел, что вот-вот волны эти, столкнувшись, их раздавят; кричали те, кто ощущал на себе тяжесть колес или видел опасность уже совсем рядом; люди, пытаясь спастись, расталкивали своих собратьев как безумные, и тцетно звали друзей те, кого толпа разлучила; кто-то поносил виновных в этом несчастье, и ошеломление, и растерянность тысяч людей, не имеющих возможности покинуть огромный зал, достигли вскоре апогея. А вой клаксон не умолкал, и шум от этого становился все громче. Прохожие на улице, слыша его, бежали по эспланаде перед циклопическим зданием «Дома автомобиля» к огромным дверям посмотреть, что происходит внутри, а шоферы, дожидавшиеся своих хозяев, поднимались, чтобы лучше видеть, на подножки машин. Толкаясь, падая, собирая все силы, чтобы устоять на ногах, из здания повалили люди. Выбегавшие сталкивались с теми, кто рвался внутрь, и бежали дальше, ища спасения за рядами машин. Пострадавшие посетители выставки, из-за страха до этого не ощущавшие боли, теперь громко стонали, и их на руках несли в пункты скорой помощи. Сквозь проемы исполинских дверей по-прежнему потоком лилась толпа и огромный пятном растекалась по эспланаде. И тут, врезавшись, как таран, в толпу, или, если выбрать более точный образ, плывя по испуганному, кричащему людскому морю, появился первый автомобиль с выставки. Он вонзился в человеческую массу, раздавил часть толпы, оказавшуюся перед ним, и, открыв себе таким способом путь, продолжал свой безумный бег, а клаксон его по-прежнему изрыгал отрывистые злобные звуки, напоминавшие лай разъяренного волкодава. Несколько секунд — и из дверей появилась громада грузовика, он безжалостно сбивал людей с ног и перемалывал их, как нос корабля перемалывает воду в пень. Оставив наконец толпу позади, грузовик унесся вслед за первой машиной. А за ним появилась еще одна и еще... Все, кто был свидетелем этой невероятной сцены, видели, что ни в одной машине водителя нет, что машины движутся автоматически, легко объезжают препятствия и безошибочно выбирают дорогу.

Толпой еще владели паника и растерянность, когда вдруг почти все автомобили, оставленные поблизости от здания посетителями выставки, помчались вслед за машинами, которые оттуда выехали. Шоферы столбенили от изумления или же бросались вдогонку, но бесплодность этих попыток становилась для них очевидной почти сразу. Что до тех, кого начавшееся бегство автомобилей застало в кабинках, то никому из них остановить свою машину не удавалось, и водители, уже на грани безумия, выпрыгивали из машин на ходу. На эспланаде осталось лишь несколько старых автомобилей и шесть или семь машин самых плохих моделей. Все прочие исчезли за поворотом улицы. И едва скрылась из виду последняя, как под гигантской железной аркой главного входа в «Дом автомобиля» появилась фигура мистера Хоппа: голова обнажена,

Рисунок
Бориса СОПИНА

лицо разгневанное, руки сжаты в кулаки, взгляд мечется в поисках сбежавших со стоянки машин. Он крикнул:

— Поезжайте за ними! Быстро!

...На шоссе, широкой темной лентой разрезавшем зеленый пейзаж, машины, выстроившись плотной колонной, ехали прочь из города. Они были как единое тело, большое и подвижное, заполнявшее всю ширину дороги. Машины, машины, машины...

— Вы что-нибудь понимаете, Гаррисон? — спросил Хопп.

И толстяк Гаррисон, поглаживая дрожащими пальцами свою блестящую лысину, выдал из себя:

— Не знаю... Как в страшном сне... Такой сон я видел...

II

Десять минут пришлось досто-чтимо-му Макгрегору звонить председателю городского совета, предоставленному для сегодняшнего необычного собрания, сейчас заполнили люди, и людям этим лишь с трудом удавалось сдерживать свои чувства. Здесь собрались самые выдающиеся умы. Если бы в эти мгновения провалилась крыша здания, нации пришлось бы оплакивать смерть своих лучших математиков, биологов, изобретателей и государственных деятелей. Другую публику в зал не допустили, и она кучками стояла на улице, а представителям прессы пришлось остаться в коридорах и там обмениваться догадками. Когда под длинным столом, за которым заседали обычно отцы города, обнаружили репортера, поднялся страшный шум, и Макгрегор, чтобы положить этому шуму конец, вынужден был долго звонить в колокольчик. Нанси Чейни, профессор механики из Национального института наук, была за то, чтобы обсуждения проходили открыто, но старый Аккер, высший авторитет в области органической химии, возразил на это, что речь идет не о политиче-

ском митинге, а о встрече людей науки, пытающихся понять пока еще загадочное явление. Макгрегор напомнил, что судьба всего мира зависит от исхода их встречи, и попросил присутствующих спокойно выслушать знаменитого Купера.

Знаменитый Купер уже говорил, когда под столом был обнаружен упоминавшийся выше черес-чур любопытный репортер; пока того изгоняли из зала, Купер стоял молча, скрестив руки на груди, и его широкое, все в золотистых веснушках лицо выражало усталую примиренность с судьбой. Наконец стало тихо, и Купер возобновил свою речь. До этого он уже рассказал о невероятных достижениях автомобильной промышленности и перечислил чудеса техники, которые породил прогресс в автомобилестроении. Теперь он продолжал:

— Чего не доставало этому триумфу технической мысли? Говоря научно, мы, люди сегодняшнего дня, не можем себе даже представить их лучшими, чем они уже есть. Как машины, они достигли идеала. Это настоящие живые организмы, только металлические, и для абсолютного совершенства им до сегодняшнего дня не хватало лишь способности управлять самими собой. Прогрессивнее чудо устроило как раз этот последний недостаток. Каким образом, хотите вы знать? Честно говоря, я не разделяю изумления толпы. Истоки жизни продолжают оставаться для нас загадкой, но что касается меня, то я вполне готов допустить, что в совершенной машине могут неожиданно возникнуть явления, трудно отличимые от проявлений жизни в строгом смысле этого слова. Остается только предположить, что мы добились неожиданного для нас самих успеха в том, к чему даже и не стремились. Мы создали живое существо средствами техники, в то время как создать его средствами химии нам, несмотря на все наши усилия, так и не удалось.

Старый Аккер:

— Нет-нет! Жизнь — это всего лишь цепь химических реакций!

Прославленный Купер:

— Меня бы очень обрадовало, если бы мой ученый брат предложил нам объяснение более точное и понятное, чем то, которое предложил я. Если он настаивает на том, что ключ к решению у него есть, я готов сразу же уступить ему трибуну. А пока, надеюсь, он позволит мне излагать дальше мою гипотезу, у которой приверженцев больше, чем у любой другой. Нравится нам это или нет, но автомобили наши взбунтовались и нас покинули. Достоинно внимания, что машины устаревших моделей и неудачных марок по-прежнему стоят, послушные нам, на стоянках и в гаражах. Это позволяет предположить, что техническое совершенство, о котором я говорил, послужило...

Преподобный Кей, покраснев, встал и простер руки к оратору:

— Причиной был дьявол и только дьявол!

— К порядку! К порядку! — закричал Макгрегор.

Преподобный Кей, однако, продолжал:

— Это наказание нам за нашу гордыню, насмешка над безмерным нашим тщеславием, хохот, коим сатана отвечает на нашу жажду наслаждений! Я всегда осуждал тягу к чрезмерной роскоши! Давайте во искупление грехов наших снова ходить ногами, которые дал нам бог!

Голоса с мест:

— Он прав!

Секретарь Промышленной палаты:

— Я видел, как преподобный Кей ехал на велосипеде!

— Я думаю, мы собрались здесь не для того, чтобы разглагольствовать о сатане! — сердито закричал Купер.

Снова шум. Десять или пятнадцать человек надрываются, крича «за», а сорок или пятьдесят — всей емкостью своих легких «против». Остальные, выражая неудовольствие, стучат ногами. Преподобный Кей, побагровев, требует, чтобы вопрос был поставлен на голосование. Макгрегор звонит в колокольчик вдвое яростнее, чем прежде. Терпение Купера иссякло, и он садится на свое место, не скрывая презрения, которое испытывает по отношению к собравшимся. Мало-помалу сильный голос Кей, привыкшего царить на кафедре, подавляет все остальные голоса, и собравшиеся слышат страстную речь против прогресса.

— Куда идет человек? — вопрошает преподобный. — Неужели не видит он в своих изобретениях руки дьявола? Дыхание преисподней оживило автомобили. Беспредельная гордыня овладела людьми, и они вознамерились исправить труд Творца, в великой доброты своей создавшего лошадь. Замыслили через посредство автомобиля посрамить лошадь и тем оскорбили бога. Начинание это суетней даже Вавилонской башни, чьи строители были столь сурово наказаны. Сатана торжествует победу, он посмеялся над людьми — отнял автомобили, зная, что души тех, кто их делает, и тех, кто ими владеет, у него уже в кармане...

Продолжать ему не дали. Вскочив на ноги и стуча кулаками по люпитрам, его понесли со всех сторон. Тщето пытался он перекричать возмущенно орущих. Последние произнесенные им слова, судя по жесту, которым он их сопроводил, были проклятием, но разобрать, каким именно, было уже невозможно.

Потом выступил мистер Хопп. Он объяснил подробно, чем его новые машины отличаются от уже известных моделей, и сказал, что он, Хопп, не может предложить странному феномену никакого объяснения; но если что из сказанного и прозвучало сколь-нибудь разумно, то это, конечно, гипотеза, выдвинутая знаменитым Купером. Так или иначе, ясно: сбежавшие машины приобрели свойства живых существ, автомобильный двигатель стал чем-то вроде мозга.

Послышался визгливый голос некоего мистера Грэмса:

— А не может быть, что все это просто трюк мистера Хоппа, который решил разрекламировать свои машины?

Невообразимый шум. Мистер Хопп, стоя во весь свой огромный рост, высокомерно улыбается. Рекламный трюк? Но разве не видели все, что машины ехали без водителей? И даже если предположить, что какой-то хитроумный способ позволил ему управлять теми машинами, которые только что вышли из цехов его заводов, возможно ли, что автомобилями самых разных марок, стоявшими на эспланаде у

здания выставки и, к огорчению своих шоферов, убежавшими тоже, управляли при посредстве какой-то хитрости? Исключено. Слова Грэма просто смешны.

Последовал взрыв аплодисментов, и воодушевленный ими знаменитый автомобилестроитель продолжал свои объяснения. Но тут к мистру Хоппу подошел служитель.

— Только что звонили из вашего дома, сэр, — сказал он. — Мисс Лиззи нет, а ее автомобиль видели среди сбежавших машин.

На лицо великого инженера тенью легла тревога. Дочь была для него дорожке всего на свете, и теперь он уже был почти не в состоянии не только говорить сам, но и понимать то, что говорят другие. И, прежде чем репортерам удалось его настичь, он вскочил в одну из старых машин, оставшихся на улице.

III

— Что могло случиться, Гаррисон?

Помощник Хоппа заложил толстые ручки за спину.

— Кто знает? — ответил он. — Всего вернее, ничего особенного; я думаю, Лиззи просто решила последовать за этой старой дьявола.

— Поедете со мной?

— С превеликим удовольствием.

Гаррисон сел, и машина тронулась; Хопп повел ее тем же путем, каким проследовали сбежавшие от людей машины. Ночь была теплая, и ветер, с утра полоскавший тысячу вымпелов на «Доме автомобиля», теперь спал усталый. Лучи света от фар машины Хоппа глубоко вонзались в мрак под развесистыми вязами по обе стороны дороги, и асфальт, отполированный прикосновениями резиновых шин, блеснул как лакированный или мокрый. Обычно здесь в любой час дня или ночи можно было увидеть мчащихся путешественников, но сейчас место это дышало пустыней. Странное происшествие так напугало людей, что никто не рисковал выехать из города на машине, поскольку неизвестно было, куда та может увезти. Браня тихходность старой переключки, Хопп въехал на ней вверх по склону и сделал три поворота, после чего подъем кончился и начался спуск в долину. Дорога тянулась дальше, широкая и манящая, с двумя рядами огромных рекламных щитов по сторонам; в темноте металлические буквы на щитах вспыхивали от света фар.

Через четверть часа Хопп и Гаррисон увидели на краю дороги груды металла, которая еще недавно была двухместным «Пингом». Чуть дальше лежал перевернутый, взывая к небу всеми четырьмя колесами, легкий грузовичок, на боках у него были страшные вмятины. Дальше дорога, уже свободная от препятствий, шла к повороту, за которым был мост через реку. И когда они поднялись из долины, у Гаррисона вырвался крик удивления:

— Хопп, смотрите!

И он показал на плоскогорье Гарца. Скрытая во мраке, сливавшаяся с ночной тьмой огромная гора, горизонтально срезанная на протяжении многих километров, была совсем близко. И именно на ней, на увенчанной ее песчаной равнине, наблюдался сейчас странный феномен, вызвавший восклицание Гаррисона. Из одного конца плоскогорья в другой протянулся полосой белый, из-за расстояния несколько рассеянный свет. Как во время величественного извержения вулкана ночью, в темноте пересекались сотни лучей. Зрелище было необычайно красиво.

— Это они, — сказал Гаррисон.

Хопп, не ответив, увеличил скорость. Проехали еще с полчаса по равнине, потом дорога пошла зигзагами вверх. По обе стороны — скалы, напоминающие чудовищ, а выше — дремлющие сосны, свежий ветер, обрывы, путь над бездной.

Машина уже въезжала вверх по последнему, очень крутому отрезку дороги перед плоскогорьем, когда вдруг дорогу рассекла полоса света. Сбоку выдвинулось что-то огромное, и наконец они разглядели, что это грузовик. Грузовик остановился. Громадный, широкий, мощный. Капот его, короткий и низкий, напоминал рыло свирепого кабана. Фары, как страшные, пылающие гневом глаза, оглядывали дорогу. Колеса, серые, широкие, шероховатые, походили на лапы, тоже серые, широкие и шероховатые, какого-то толстокожего животного. Глухо хрюкнув клаксонам, грузовик сорвался внезапно с места и ринулся по дороге вниз, навстречу им.

— Осторожно, Хопп! — крикнул Гаррисон.

Отец Лиззи быстро, но ловко маневрировал на широкой дороге, пытаясь проскользнуть слева от катящегося на них чудовища. Грузовик остановился опять. Мощный свет его фар слепил Хоппа и Гаррисона; и до смерти перепуганному Гаррисону казалось, что эти большие и круглые источники желтоватого света моргают и вспыхивают гневом, как глаза человека. Корпус грузовика содрогался. Хоппу и его помощнику было видно, что в кабине никого нет, и хотя оба старались не показывать друг другу, и Хоппу и Гаррисону стало жутко оттого, что не человеческая, а иная воля управляет автомобилем. И когда Хопп резко повернул машину вправо, грузовик на них бросился.

Избежать столкновения не удалось. Стальное рыло чудовища ударило сзади, и их машина, застав все свои части, накренилась. Одно колесо сорвалось с оси и покатило под уклон, и машина, потеряв устойчивость, перевернулась на тот бок, с которого слетело колесо. Шеф Гаррисона оказался под своим помощником, а Гаррисон, пытаясь преодолеть вес собственного живота, судорожно искал, за что ухватиться. Грузовик тем временем дал задний ход и остановился, а его клаксон снова издал звук, похожий на хрюканье.

Хопп первым выскочил на дорогу, а странный враг, обаянный теперь злобой вдвое более сильной, чем прежде, уже наезжал на их машину. Удар, за ним звон разбитого стекла; маленький автомобиль, отброшенный враждебной громадиной, несколько раз перевернулся, и из него, как внутренности из открытой раны, посыпались подушки сидений и металлические детали. Гаррисон, который, когда произошло столкновение, стоял на асфальте еще только одной ногой, сейчас покатило по дороге. Хопп подбежал к нему и помог встать.

— Пустяки, — успокоил его помощник.

Грузовик между тем толкал изуродованную машину к краю дороги и наконец хорошо рассчитанным ударом сбросил ее с крутого склона. Автомобиль стал сползать вниз, потом послышались частые и громкие удары, и наконец все стихло.

Грузовик снова дал задний ход.

— Спрячемся, — сказал толстый Гаррисон. — Боюсь, что на дороге нас ничего хорошего не ждет.

И, схватив Хоппа за руку, почти насильно заставил его сойти на обочину. Дорога снова опустела, а Хопп и Гаррисон стали подниматься по каменистому склону.

Красивым, как известно, плоскогорье Гарца сейчас не назовешь. Быть может, прежде, когда оно было частью морского дна, на нем росли невиданной красоты водоросли или кораллы в виде причудливых деревьев; быть может, в те давние-давние времена на поверхности Гарца скользили тени прекрасных рыб, плававших в ласкающей зеленоватой прозрачной воде, и ковром стелился жемчуг, и медузы в своих нарядах фей медленно проплывали над живыми цветами с длинными лепестками; появлялись морские коньки, похожие на маленькие фигурки шахматных коней, вертикальные и строгие, и казалось, что они своими изящными лошадиными мордочками все обнюхивают. Но с тех самых пор, как изменения земной коры в эпоху оледенения превратили то, что до этого было дном моря, в вершину горы, плоскогорье, о котором идет речь, остается одним из самых безрадостных мест на земле. Те немногие рахитичные кусты, которые только и растут на его поверхности, отказываются есть даже скот. Эту пустынную равнину часто метет ветер, поднимающая столбы мелкого серого песка. Поэты этих мест, верные своему долгу все воспевать, смогли увидеть в Гарце лишь убежище призраков, куда прилетают на шабаш ведьмы, хотя ни один серьезный человек не пытался утверждать, что видел на Гарце что-нибудь, хоть отдаленно напоминающее ведьму. Высказывалось также предположение, что плоскогорье скрывает в себе залежи железной руды, но даже поверхностного геологического исследования оказалось достаточно, чтобы всем стало ясно: людям не хочется верить, что в природе может существовать столько квадратных километров не пригодной ни для чего земли.

Однако, как ни красив мог быть Гарц в те времена, когда оставался морским дном, едва ли он был красивее, чем этой ночью, когда Хопп и Гаррисон прибыли сюда в поисках девушки, увезенной маленьким желтым автомобильчиком. На огромном пространстве собралось тысяча сбежавших из города автомобилей, и от их фар было светло как днем. Изящные прогулочные машины и громады, предназначенные для перевозки грузов, непрестанно двигались, появлялись и исчезали; зеленый, голубой или лиловый свет фар двухместных легковых машин и красные габаритные огни позади напоминали праздничную иллюминацию. Нестройным шумом звучали гудки бесчисленных клаксонных. Вот медленно движется по плоскогорью, словно наблюдая за тем, что происходит вокруг, целая группа машин; в другом месте автомобили случайно или по привычке стали в одну длинную линию — так, как на улицах и площадях городов, неподвижные и будто уснувшие, чуждые всему, что происходит вокруг, они дожидаются своих хозяев, которые в это время в театре или в гостях. Но преобладало все же беспорядочное движение. На огромной скорости пронеслись гоночные машины; длинные, похожие на стрелы, они то терялись во мраке, то возвращались. Сотни автомобилей самых разнообразных форм и размеров мчались во всех направлениях, но не сталкивались и даже не задевали друг друга, а двигались с уверенностью и точно, которые восхитили бы самого опытного шофера. Оттого, что автомобили ни мгновения, ни одной тысячной доли секунды не стояли на месте, все время менялся и рисунок света на плоскогорье, и это придавало зрелищу фантастический вид.

Когда Хопп и Гаррисон оправались от изумления, выражение тревоги исчезло из их глаз. Они затаились на краю плато за камнем примерно в метр вышиной, и

Хопп, любящая удивительной картиной, на время забыл о дочери.

— Пошли, — сказал он наконец Гаррисону.

Но помощник его не двинулся с места.

— Куда вы, черт возьми, собираетесь, Хопп? Не в этот ли сатанинский муравейник? Мы и нескольких метров не пройдем, как нас задавят.

— Пересекать плоскогорье нет необходимости, — сказал Хопп. — Давайте пойдем по краю, и когда найдем машину Лиззи, тогда и будем решать, что нам делать дальше.

И они пошли по краю плато, иногда останавливаясь, чтобы хорошенько разглядеть какую-нибудь группу разнокалиберных машин: вдруг среди них окажется желтая гоночная? А когда временами на них задерживался светящийся взгляд фар, оба приседали за кустами, словно боялись, что эти ожившие создания рук человеческих обнаружат их и за ними погонятся.

Внезапно движение сбежавших автомобилей резко усилилось. Хопп и Гаррисон увидели, как машины расступились, и по образовавшемуся проходу прямо к ним, будто желая заглянуть за край плато, стал приближаться свет двух ярких фар, который затем точнее маневром развернулся и двинулся обратно, навстречу другой приближающейся паре фар.

Хопп и его помощник узнали теперь в удаляющейся машине один из тракторов марки «Титаник», только что выпущенных и еще несколько часов назад демонстрировавшихся в «Доме автомобиля». Следующая машина, путь которой открыл (не боясь произнести это вслух) инстинкт самосохранения остальных автомобилей, была похожа на огромного апокалипсического зверя. Это оказалась автоцистерна марки «Беккерс», предназначенная для перевозки нефти. Громадная серая цистерна, приплюснутая, округлая, герметически закрытая, почти треугольной, сравнительно небольшой капот, колеса, которых почти не видно под широкими крыльями, придавали этой машине сходство с огромной черепахой. Трубка, высовывавшаяся из цистерны сзади и напоминавшая короткий черепаший хвост, сходство это только подчеркивала. Яркие лучи небольшой фар все время двигались. Автоцистерна остановилась на некотором расстоянии от трактора и завывала так страшно, что Гаррисона пробрала дрожь. Трактор был похож на чудовищного паука с огромной головой и маленьким телом. Вот он гнусаво заревел, отвечая на вой «Беккерса», и на несколько секунд лучи их фар скрестились...

И внезапно, поднимая тучи песка, автоцистерна ринулась на трактор. «Титаник» поехал тоже, но по касательной, чтобы избежать столкновения; и, едва его массивная соперница пронеслась мимо, он яростно на нее бросился; раздался оглушительный удар, а когда автоцистерна развернулась, Хопп и Гаррисон увидели на ней огромную вмятину.

Разворачиваясь, автоцистерна, однако, ловко зацепила трактор, а потом ударила его своим тяжелым крупом, отчего тот подпрыгнул и, опустившись на землю через несколько метров, чуть было не упал на бок. Не дав трактору опомниться, стальная черепаха бросилась на него снова, и огромный паук, оставаясь на песке след в виде ломаной линии, побежал прочь. Но через несколько мгновений они уже опять стояли друг против друга и кинулись один на другого с удвоенной яростью.

Раздался удар радиатором о радиатор, и снова два врага дали задний ход, и снова встретились. Одна из фар «Титаника» разбилась на мелкие кусочки. Тяжелая автоцистерна явно брала верх над более легким трактором. Все с меньшей энергией нападал он на нее, и когда погасла, превратившись в осколки, его вторая фара, он остановился, попятился и стал удаляться, выписывая волнистую линию, растерянный, слепой. Автоцистерна кинулась в погоню и стала грубо толкать трактор с намерением повалить его.

— Это «Беккерс»! — гневно воскликнул Хопп. — Неужели эта дрянь победит наш «Титаник»?

И, полный негодования, он полез за пистолетом. Хопп уже вытянул руку, чтобы выстрелить в автоцистерну, но замер, увидев нечто невероятное. На некотором расстоянии от места схватки остановился легковой «Хопп» класса «люкс», его дверца открылась, из кабины выскочил человек, перебежал к трактору; один прыжок — и вот он уже на сиденье, берет за рулевое колесо и круто по кривой уводит трактор прочь от его врага. Первое впечатление было, что человек, появившийся так неожиданно, хочет спасти трактор от опасности, но он изменил направление и повел послушную его воле машину параллельно автоцистерне, а потом вдруг бросил трактор на полной скорости вбок, на капот «Беккерса», застав автоцистерну врасплох. Он протаранил мотор, и автоцистерна повалилась на бок. От падения ее задрожала земля, а сирена ее теперь издавала звуки, каких человеческое ухо никогда не слышало. Потому этот леденящий душу вой зазвучал жалобной, глуше — и оборвался.

А человек, который вел трактор, во время столкновения перелетел через руль и, описав параболу, упал на самый край плоскогорья, туда, где ветер сметал песок в небольшие дюны.

Хопп и его помощник поспешили к незнакомцу. Но к

тому времени, когда они оказались возле него, он уже сам, без посторонней помощи приподнялся и теперь сидел. Песок смягчил удар, и только ветка одного из кустов оцарапала ему щеку.

— Вы себе ничего не повредили? — стали его спрашивать встревоженные Хопп и Гаррисон.

— Добрый вечер, мистер Хопп, — отозвался упавший. — Я себя чувствую прекрасно и очень рад случаю приветствовать вас и мистера Гаррисона. Сражение видели? Еще на раунд бедного «Титаника» не хватило бы, ведь он уже был слепой. Но нельзя было допустить, чтобы «Беккерс» нас победил.

Он уже поднялся на ноги и сейчас стряхивал песок со своего комбинезона. Это был молодой человек с бритой головой, и когда он поднял с песка кепку, Хопп и Гаррисон увидели крупные, темные, мозолистые и жесткие руки рабочего.

— Кто вы? — спросил Хопп.

— Джо Уилп, сэр, наладчик с вашего завода, где находится мне было бы сейчас куда приятней, чем здесь. Честное слово! Когда наши машины откололи этот номер, я был в одной из них и, сам того не желая, приехал сюда, на Гарц, потому что выбраться из этого войска на марше не было никакой возможности...

И он быстро все рассказал. Поскольку машина его ехала внутри сомкнутого строя, ему пришлось смириться с тем, что она его увозит. Уже на плоскогорье он попробовал было взять управление в свои руки и вернуться в город, но она повиноваться ему не захотела. Тогда Джо Уилп предоставил машине возить его, куда ей заблагорассудится, среди других машин, выписывая самые фантастические фигуры; во-первых, ему было любопытно узнать, чем кончится вся эта странная история, а во-вторых, он сообразил, что ближайшее селение далеко, пешком туда не дойти и лучше сидеть на мягких подушках в машине, чем мерзнуть на холодном ветру Гарца.

Рассказ его был прерван криком Гаррисона:

— Смотрите, Хопп, что такое делает «Титаник»?

Подъехав вплотную к неподвижному врагу, трактор выдвинул свой металлический всасывающий насос, похожий на хобот бабочки, и погрузил в разбитый двигатель автоцистерны. Сперва Хопп и Гаррисон не поняли, что происходит. Оказалось, что гибкая трубка, конец которой оцепывал сейчас металлические внутренности противника, набирала в резервуар трактора необходимый для работы двигателя динламик! Не отрывая от этой сцены глаз, Джо Уилп сказал:

— Наш трактор добывает себе пищу. Только и всего. Мы доставили машину на выставку с совсем небольшим запасом горючего, и сейчас наш «Титаник» перекачивает себе то, что осталось в резервуаре «Беккерса».

— Иначе говоря, пожирает своего врага.

— По сути, да. Как волк волка.

— Скорее как одно насекомое пожирает другое, — поправил Хопп. — Но продолжим наши поиски, Гаррисон. После того, что я увидел, у меня стало больше оснований беспокоиться о судьбе Лиззи.

— Мисс Лиззи здесь, — подтвердил молодой рабочий. — Я ее видел в желтой гоночной машине.

Хопп засыпал его вопросами, и Джо Уилп рассказал то немногое, что знал. Один раз машина, которая привезла его на Гарц, проехала совсем рядом с Лиззи. Он узнал маленькую изящную игрушку, в салоне которой (к этому уже привыкли жители города) обычно сидела юная золотоволосая красавица; дочь шефа и на этот раз оказалась за рулем и, хотя была, возможно, немного растеряна (тонкие брови на гладком лобике поднялись выше обычного), по-прежнему сохраняла спокойствие и самообладание. Джо Уилп ясно видел изящную фигурку девушки, откинувшейся на спинку сиденья; руки у нее были сложены на груди, а губы, покрашенные яркой помадой, крепко сжаты. Проезжая мимо, Джо высунулся из окошка и громко ее окликнул. Она обернулась, удивленная, но Джо был уже далеко. Через полчаса она встретилась снова и потом несколько секунд ехала бок о бок. Но Джо к тому времени увидел нечто такое, что убедило его в необходимости соблюдать осторожность. Он предупредил девушку об опасности, которая ей грозит, если она захочет выпрыгнуть из машины, и успел сказать, что сделать это можно, только если условия будут особенно благоприятные. И тут они расстались опять, и больше в этом жутком столпотворении он ее не встречал.

— А что такое вы увидели перед тем, как во второй раз съехались с Лиззи? — спросил Хопп.

— Могу уверить, мистер Хопп, вам такое увидеть не захотелось бы, — ответил Джо Уилп. — Подумайте только: бедного Тома Класа поставили сегодня регулировать движение около «Дома автомобиля». Он был прекрасный человек, я хорошо его знал, потому что мы земляки. Моя машина, как вам известно, одной из первых выехала из зала выставки, и когда я, делая отчаянные усилия ее остановить, ехал по эспланаде, я увидел Тома, который в абсурдной надежде установить контроль над этим беспорядочным потоком машин метался, размахивая белым жезлом регулировщика и непрерывно свистя в свой свисток. По моему, он, как в общем-то и мы все, еще не понимал тогда, что происходит. Он увидел, как я проезжаю мимо, и крикнул: «Держись правой

стороны, Джо!» Выполнить его приказ я, естественно, был не в состоянии. Тогда он закричал: «Я тебя оштрафую, Джо, все, ты предупрежден!» Представления не имею, на что он рассчитывал; знаю только, что он имел несчастье вскочить на полицейский мотоцикл и помчаться на нем за этим полчищем демонов. Он доехал до середины плоскогорья. Когда я его там увидел, он уже слез с мотоцикла. Не знаю, какие у него были намерения; ясно только, что в этот миг ему следовало бы думать прежде всего о спасении собственной жизни, потому что на него уже несся мощный «Сталл» мистера Стерлинга. Увертываясь от машин, бедный Том непрерывно перебежал с места на место. По моему, он уже понимал, что дела его плохи и «Сталл» мчится к нему не с самыми лучшими намерениями.

— Какая чушь! — сердито прервал его мистер Хопп. — То, что мы уже видели, абсурдно само по себе, но чтобы автомобиль, как хищник, стал еще и преследовать человека? Нет, в это я не поверю.

— Что ж, сэр, — спокойно ответил молодой рабочий. — Дай бог, чтобы то же не пришлось испытать нам. Позвольте мне только вам сказать, что несчастный Том подтвердить истинность моих слов уже никогда не сможет, потому что он теперь всего лишь кровавое месиво посредине плоскогорья, и если что от него и осталось, то лишь спрятанный у меня в кармане белый жезл, которым он регулировал движение. Я знал, что мать Тома будет с грустью и любовью хранить этот жезл, и потому, когда увидел его на песке, сразу поднял. Но, быть может, сэр, узнай вы историю мистера Стерлинга, вы бы думали иначе.

— Что сделал мистер Стерлинг?

— Ничего такого, что позволило бы причислить его к великим. И, однако, для всех, кто регулярно читает в газетах отдел происшествий, он знаменитой Джорджа Вашингтона. Худший шофер в мире, вот кто он такой, и с тех пор, как он купил себе свой первый автомобиль, не проходит месяца, чтобы хоть одна семья не надела по его вине траур. Он один погубил народу столько же, сколько его погубила половина всех водителей в городе; въезжал в витрины, очищал тротуары от пешеходов, а в день, когда обновлял свой «Пингр» с невероятно мощным двигателем, он выкорчевал столько уличных фонарей, сколько деревьев мог бы выкорчевать в лесу смерч. В конце концов, сэр, мистер Стерлинг так напрактиковался, что по тому, как подбрасывает машину, когда она кого-нибудь переезжает, и по некоторым другим признакам, которые он научился различать, он знает, не глядя на мостовую, ребенка он переехал или старика, мужчину или женщину. А научиться этому можно только после долгой практики. Те, кто знает мистера Стерлинга, говорят, что он не ошибается никогда. Чтобы на машине не видно было пятен крови, ему пришлось выкрасить ее в алый цвет. И я заявляю: не было бы ничего удивительного в том, что «Сталлу» мистера Стерлинга передались эти ужасные черты его хозяина.

— Говорят, — заметил Гаррисон, — что тигру, хоть раз попробовавшему человеческой крови, ничего другого уже не нужно.

— «Сталл», как тигр, наслаждался расправой с несчастным Томом, — подтвердил Джо. — Свалив Тома, «Сталл» начал ездить по нему взад-вперед и переехал раз двадцать. И еще труп Тома хотел переехать автобус женской школы святой Тересы.

— А у этого автобуса такое же прошлое?

— Не столь богатое событиями, однако, если вы как-нибудь увидите его на улице, очень советую вам взобраться поскорее на крышу ближайшего дома. Автобус этот до сегодняшнего дня возил девочек в школу, а потом развозил из школы по домам, и редко бывало, чтобы он не задавал по дороге хотя бы одного прохожего. Это было причиной многих огорчений, потому что вначале такие случаи производили на малюток сильное впечатление; но потом они стали плакать, если водитель давил не того, кого просили зажать оми.

Пока Джо Уилп делился с Хоппом и Гаррисоном этими интересными сведениями, они втроем продолжали свой путь по краю плато туда, где скопление автомобилей было наибольшим. Немного помолчав, рабочий стал рассказывать дальше:

— Вот этот-то автобус и гнался за спортивной машиной Лиззи. Боюсь, что, поскольку «Сталл» не дал автобусу принять участие в распливании Тома, автобус, возбужденный этим зрелищем, сам стал искать способ удовлетворить свою жажду крови. Мисс Лиззи была слишком хорошо видна в ее открытой машине. После смерти моего бедного друга она и я были единственными людьми, которые еще оставались на плато.

— А потом? — боясь, не умалчивает ли Джо Уилп о чем-нибудь еще более страшном, спросил Хопп.

— Не думаю, чтобы с ней что-нибудь случилось, мистер Хопп, все в порядке, уверяю вас, — поспешил его заверить юноша. — Ведь автобус этот — неуклюжая громадина, лишенная легкости и маневренности гоночной машины, и ездить он привык не превышая скорости, установленной муниципалитетом. Этот толстяк автобус — лицемер, консерватор и буржуа. Готов поклясться, ему и в голову не придет, что он может

ездить быстрее, чем ездил до этого. За спортивной машиной ему не угнаться. Мы наверняка найдем мисс Лиззи целой и невредимой.

Слова эти успокоили Хоппа и Гаррисона, и все втроем они продолжали поиски. Они видели машины, которые, остановившись на краю обрыва, оцепывали пространство лучами своих мощных фар. Видели другие, которые, въехав передними колесами на какой-нибудь валун, выли клаксонами с такой же тоской, с какой воют на луну собаки. Видели, как, подобно щенкам-непоседам, мчатся, весело играя, наперегонки гоночные машины. Видели грузовики с приплюснутыми, как пятки огромных свиней, капотами; эти двигались медленно и, казалось, вот-вот начнут рыть землю...

Рассвет был уже близок, когда в группе машин, стоявших метрах в шестидесяти от них, Хопп увидел желтую гоночную. Фары других автомобилей ярко ее освещали, и за рулем этой машины они увидели Лиззи; положив руки на руль, она опустила на них голову и, похуже, спала.

— Лиззи! — истошно завопил Хопп.

Но крик его потонул в гаме автомобильных гудков. Лиззи не шевельнулась. Хопп кинулся к ее машине. Его спутники, боясь больше за него, чем за девушку, бросились следом, но даже быстрогонимый Джо Уилп не мог угнаться за своим шефом.

Если бы Хоппа спросили, как он сумел не попасть под какой-нибудь из пулей летящих автомобилей, перед самым носом которых он пробежал, он бы объяснить этого не смог. Так или иначе, до желтой машины он добрался, и, когда это произошло, Лиззи подняла голову и выпрямилась, похорошев еще больше от радостного удивления, озарившего ее лицо. Но в тот же миг желтая гоночная машина рванулась с места, смешалась с другими и начала удаляться. И Хопп, и Джо Уилп успели увидеть, как девушка крутит рулевое колесо и нажимает на тормоз, но изменить направление, в котором двигалась машина, ей так и не удалось. Ее автомобиль слился с потоком машин и исчез. Гаррисон был за то, чтобы теперь, когда они знали, что с Лиззи ничего не случилось, подождать ее в безопасном месте, но Хопп наотрез отказался ждать и зашагал в направлении, в котором уехала гоночная машина. Джо Уилп и Гаррисон последовали молча за ним. Вдруг у них за спиной раздался крик. Оказывается, машина Лиззи, описав полный круг, возвращалась обратно. Она опять проехала мимо, и Лиззи из нее протягивала к ним руки.

Другие автомобили не позволяли машине Лиззи развить полную скорость, но в то же время двигалась она не настолько медленно, чтобы можно было без большого риска из нее выпрыгнуть. Гаррисону теперь казалось, что вся эта история скорее кончится гибелью их троих, чем спасением Лиззи. То же, возможно, думал и Джо Уилп. Но что до мистера Хоппа, то он, став на одно колено, а на другое поставив локоть руки, в которой был пистолет, целился в желтую машину, и лицо его было напряженным и яростным. Раздался выстрел, сухой и короткий.

— О-о-ой! — завопила машина Лиззи и подняла колесо.

— Попал, попал! — закричал Гаррисон.

Он кинулся было к гоночному автомобилю, но Джо Уилп схватил его за полу пиджака и этим спас от неминуемой смерти. Приблизился автобус женской школы святой Тересы, черный, лакированный, огромный, похожий на зал кинотеатра с рядами дружинящих сидений внутри, и двигался он так же тяжело и медленно, как тогда, когда развозил девочек домой. Раненое колесо желтой гоночной машины конвульсивно дергалось, и она стояла на месте. Трое мужчин увидели, как из нее выскочила и побежала к ним Лиззи. Автобус изменил направление и покатыл на нее. Тридцать метров... двадцать... пять... Гаррисон зажмурился, чтобы не видеть. Черная громада уже надвинулась на девушку... И тут, будто перелетев через песок, перед автобусом стал Джо Уилп. Слепящие фары светили прямо на него. Неподвижный перед громадиной, твердо упираясь в землю ногами, Джо Уилп властно поднял руку, сжимающую сейчас белый жезл, которым не один год регулировал движение покойный Том.

Автобус школы святой Тересы, законопослушный буржуа, остановился как вкопанный.

Чуть позже, в то время как Хопп и Гаррисон, усевшись в безопасном месте, слушали рассказ Лиззи, Джо стал искать в желтом автомобиле повреждение. Пуля разорвала одну тонкую проволочку, однако, чтобы вывести из строя одаренное разумом устройство, этого оказалось вполне достаточно. Выполняя профессиональный долг, Джо Уилп восстановил прерванный пулей контакт и уже хотел было пойти назад, к Хоппу, Гаррисону и Лиззи, но вдруг почувствовал: что-то толкнуло его логонько в ладонь правой руки. Он обернулся. К нему тянулся, благодарный и послушный, заостренный нос гоночной машины, похожий на рыбью голову. Автомобиль последовал за Джо Уилпом, а потом остановился на краю плоскогорья и стал терпеливо его ждать.

ТЕПЛО ЛЕДОВОЙ КУПЕЛИ

Владислав ЯНЕЛИС.
Фото
Александра ГРАЩЕНКОВА

Мы уже писали об экспериментаторе Игоре Чарковском, чей творческий темперамент шагнул далеко за рамки современной практики здравоохранения. Речь шла («Смена» № 12, 1986 г.) о родах в воде, феномен которых Чарковский изучает уже более двух десятилетий. Скромная публикация вызвала довольно широкий читательский резонанс. В редакцию обращались люди с просьбой рассказать о системе Чарковского, если таковая есть, в области дальнейшего закалывания детей, родившихся в воде.

Объективности ради напомним, что редакция направила публикацию в Минздрав СССР и попросила сообщить, что делается для определения научной ценности исследований Чарковского. Ответ из Минздрава пришел с большим опозданием и был настолько туманен, что опубликовать его «Смена» не решилась. Суть его заключалась в том, что комиссия министерства готова изучить новаторство исследователя, если им будут представлены (в критически сжатый срок) исчерпывающие материалы его научных экспериментов. Между тем «материалы» Чарковского преспокойно играют в куклы, занимаются музыкой, учатся, по-прежнему плавают и ныряют — словом, живут и ни от кого не прячутся. Так что членам комиссии познакомиться с ними большого труда не составляет.

Вернемся к системе Чарковского. По его словам, на этих снимках запечатлены так называемые «штатные» ситуации только одного из методов оздоровления детей — закалывания в ледяной купели. Кто-то из этих ребят родился в воде и, проводя в ней по несколько часов в день, к шести месяцам стал превосходным пловцом, способным преодолевать многие километры водного пространства.

Кто-то вступил в отряд ихтиандров позже, причем не без усилия со стороны родителей.

Вода, считает Чарковский, родная стихия человека, превосходная зона обитания, несправедливо наделяемая пугающими свойствами. Находясь в материнском чреве, ребенок живет в жидкой среде. Появляясь на свет, он подвергается гравитационному удару, который болезненно отражается на организме. Рождаясь в воде, ребенок избегает этого удара. У него меньше энергозатрат. Дети, рожденные в воде и стараниями родителей воспринявшие воду как естественную среду их существования, быстрее адаптируются в жизни, активнее развиваются физически и умственно (потому что в воде быстрее формируется и мозговая ткань), практически не болеют. Они много раньше обычных «больничных» детей начинают стоять, ходить, говорить, они жизнелюбивее, коммуникабельнее, психически устойчивее к стрессам.

Несколько картинок с натуры. Годовалый ребенок, гибкий, как рыба.

На первых порах и в воде без мамы не обойтись.

На ладони Игоря Чарковского — Коля Козицкий.

Это только сначала немного холодновато...

играет под водой с водорослями. Он задерживает дыхание на две минуты и больше, не испытывая при этом никакого дискомфорта... Трехмесячный младенец замер на поверхности бассейна, опустив лицо вниз. Время от времени он поворачивает головку и делает вдох. Младенец спит в воде. Дыхание его при этом много глубже и в десять раз реже, чем дыхание обычного ребенка. Но час такого сна равен по степени восстановления сил организмом четырем часам сна в традиционной постели... Наконец, малыш, едва научившийся ходить, подходит по снегу к ледяной проруби и на глазах сотен людей преспокойно лезет в воду, барахтается в ней.

Дети, рожденные в воде, переходят из комнатной в ледяную купель естественно. Не злоупотребляют ею, обращая зимнее купание себе на пользу, и относятся к нему как к ежеутренней необходимости чистить зубы. Иное дело те, кто, говоря образно, приходит к проруби позже, скажем, в детсадовском возрасте. Причем приходит не всегда в добром здравии.

Пять лет назад Виктор Лужбин создал в Ленинграде клуб «Невские моржата». Подобный клуб — «Здоровая семья» — есть и в Москве, руководит им Александра Гуревич. Сюда приводят детей с болезнями органов дыхания, с различного рода аллергиями, просто ослабленных ребят. Через год их не узнать. О прошлых недугах своих чад вспоминают только родители. Закаливание, проводимое по строгой системе, постепенно излечивает детей не только физически, но и психически. Они избавляются от комплексов, пессимизма: насморков, простуд, ангины как не бывало...

Кто куда, а мы к полынье...

На одном из снимков — на ладони Чарковского стоит двухмесячный малыш. Снимок сделан два года назад в Парке культуры и отдыха имени Горького в Москве. Это Коля Козицкий. Я связался с его мамой Еленой Козицкой, научным сотрудником НИИ дошкольного воспитания. Спросил, как себя чувствует ребенок.

— Прекрасно. Он общителен, весел, очень активен, физически развит выше среднего, быстро усваивает жизненный материал, восприимчив к природе, чрезвычайно доброжелателен. Не болеет. Никола — шестой по счету ребенок в нашей семье, родился в воде. Сейчас у нас появился седьмой. Ванечка. У себя в семье мы считаем закаливание ледяной водой обязательным. Когда нет времени ездить на «большую» воду, обливаемся из ведер зимой прямо во дворе.

Расставим все по своим местам. Система Чарковского, исповедующего воспитание детей в новой структуре с первых мгновений жизни, вызывает сомнения у многих медиков, что, однако, не мешает росту ее популярности (что обидно, в особенности за рубежом). Но «открытие» ледяной купели как животворной силы уже состоялось тысячи лет назад, и сейчас человечество лишь возвращается к этому. Спор о пользе закаливания холодной водой беспредметен, тысячи испытавших его на себе людей не оставят камня на камне от любых аргументов «против». Здоровоохранению предстоит разобраться лишь в том, насколько безопасна вода в качестве окружающей среды при рождении ребенка на свет. Для него и для матери. Уточним: из сотен родов в воде еще не было ни одного случая потери ребенка или гибели матери.

Повторяем. Мы не защищаем теории Чарковского. Рассказывая о его исследованиях, мы призываем к объективной оценке его опыта. Этого будет достаточно.

БОРИС
ОЛЕЙНИК

ПОВОРОТНЫЙ КРУГ

Был я—как все:
И не хуже других, и не лучше.
Вроде бы схож,
В то же время—
с другими не схож.
Ну, а коль мир наш
Един в многоликости,—значит,
Цельной душой
Я с миром в согласии жил.

Просто жилось мне. И вольно.
Как доля велела.
Как пошатнулось? Не помню.
Но помню: когда.
Десять—минута в минуту—
Часы моей жизни пробили.
Именно в миг тот—запомнилось.
Именно—помню—тогда.

Будто иголкой
Что-то мне в душу кольнуло.
Думал: почудилось... Мелочь!
А ранку мою
Время незримо сверлило.
Когда спохватился,
Целым ущелием
Рана зияла в душе!
Я—к докторам.
— А кого же лечить?—вопрошают.
— Как?—я вскричал, удивясь.—
Перед вами же я!—
Скальпель безгубым смешком
Полоснул по живому:
— Ну, так кого ж? Ведь вас двое...
Кого из двоих?

...Как оно случилось? Забыл.
А когда—вспоминаю:
Шли мы из школы гуртом,
И внезапно у нас за спиной:
— Эй, казаки!—
чей-то голос раздался.—
Занятно,

Кто из вас первым
До вербы вон той добежит!—
Разом рванулись.
И я—всех быстрее. Но вскоре
Чье-то дыханье
Остро плечом ощутил.
Глянул: сосед мой.
Да так напирает на пятки,
Что и слепой бы увидел:
Обгонит вот-вот.
Тут и кольнуло:
Да как же так? Я же ведь лидер!
Чуть не дистанцию всю
Пробежал впереди.
Кто же дал право ему
За полшага до цели
Первенство вырвать мое
Незаконно из рук?!

Как—не пойму,
А вот—где и когда,
не забылось:
Правой ногою
В рывке я соседа подсек.
Грохнулся наземь сосед мой.
А я, не смутившись,
Первым схватился

За вербную ветку... рывком.
В радости дикой
Крутнул ее так, что аж в пальцах
Хрустнуло что-то...
Но я позабыл обо всем
В криках хвалебных,
Победу мою увенчавших,
В столах соседа,
Что кровь на коленях стирал.
Десять пробило тогда
На часах моей жизни...
Дома, в затишье,
Когда отдалилась хвала,
Глянул я в душу...
И двое во мне отозвались:
Я, кем вчера только был,
И сегодняшней я!
Первый потряс меня
Гласом покойного деда:
— Ах, ты негодник!
Да не было в нашем роду
Тех, что гребут не свое
За ... подножку соседу.
Высохла б, словно та ветка,
Нога у тебя!
Ну, а другой
(И откуда он взялся, не знаю)
Сухо, транзисторно
Сверху меня подбодрил:
— Плюнь ты
На все устаревшие эти запреты!
Первых, ты знаешь, не судят.
Тем паче в наш век.
Что-то родное
почудилось в первом.

Подумал:
— Может, пойду я
И вербе покажусь моей?
Тут вдруг второй
Свысока (моим голосом) грянул:
— Кайся, хоть тресни,
А я к своей цели пошел!
...С этой поры
За вторым и бегу я вдогонку,
Из притяженья земного
Едва вырывая стопу.
Он же, как будто курай,
В «адидасах» все скачет и скачет,
Только наклейки мелькают
На джинсах его.
Чуть не схватил его как-то
За львиную морду из Штатов,
Руку едва протянул—
Там уж галльский петух.
Где же поймать,
Если он на штанах то и дело
Ловко меняет заплаты
Из флагов чужих!
Что же, ему-то легко:
Не пытается ни роду, ни броду.
Мне ж каково
Обходить все запреты в пути:
Взять напрямик,
Так нельзя же—озимое поле.
Шагу б прибавить—забор.
Во весь дух припуститься—межа!
Наперез бы—
Так мама посеяла маки.
Или в обход—
Так державой обгон запрещен.

Вот, наконец, и лазейка.
За вход только странная плата:
— Переоденься-ка в наше
И топай! В дверях не торчи!
— Что значит—в наше?
— Узнаешь потом,—отвечают.—
Форму бесплатно бери,
А за все остальное плати.
Ах, безвалютный?—скривились.—
Ах, просишь поверить на слово?
Ну, так давай же хоть слово
Свое на почин.
Бросим на рынок его
В упаковке современной.
Что ты задумался?
Брось предрассудки свои!
И не тяни!
Покупатель задержки не любит.
Банк и страну
В свое время тебе назовут.—
— Да пропадите вы про...—
Я осекся, увидев: вот мой двойник
По колхозной пшенице бежит.
Мать лишь руками всплеснула:
— Куда ж ты, сыночек?
— Некогда, мама!—
в ответ просвистел он.—
Прогресс!—

Ветхий дедок
Поучить кой-чему его вздумал.
Встал на дороге
И совесть сует, как букварь.
Вырвал из рук
И в кармашек,
на «молнию», спрятал:
— Предок, спасибо...
Когда-нибудь, может, прочту.
Сельский погост.
Я подумал: хоть крест остановит.
Дедов. Дубовый. Да где там!
Лишь взмах каратэ—
Словно и не было.
Только на старой могиле—
От «адидасов»,
Как будто от траков, следы.
Некто с моралью к нему.
Он—очки на глаза дымовые:
— Дядька, с дороги!
Нет времени. Там разберусь...—
Вскрикнула тетка:
— Да ты ж поломаешь калину!—
— Тетя!—отрезал.—
На трассе не садят кустов.
Тихий, седой
Задержать его вздумал бандурой.
Треснул ногою—
И музыка в щепки под ним!
Пальцем на пуп надавил он—
И взвизгнул транзистор.
— Вот вам,—
погладил пластмассу.—

Оркестр на все сто!
— Что за язык?—
Сокрушается горько учитель.—
Знаешь хотя б,
На каком говоришь языке?
— На современном!—отрезал.—
На вашем же только
Тени забытые
В ретроспективах смешить.

Вот и лазейка, знакомая мне.
Но лишь сунул—
Голову, кто-то:
— Хэллоу, куда?
Надо сперва во все наше
Одеться, любезный.
— Хе,—засмеялся.—
Так я уже в вашем давно.
— Ах, ну тогда,—потеплели,—
За вход лишь заплатишь.—
Ждут. Удивляются:
— Нет ни копыа,
а спешил.—
Шарк по карманам:
— Вот тут что-то мне насовали.
Гляньте, быть может, сойдет,
Чтоб за вход уплатить?
— «Совесть», «мораль»,—
прочитали.

Хочочут:—Ребенок!
Не конвертируется у нас.
Отставь!
— Ну, так поверьте на слово!
— Давай!—оживились.—
Но не из пластика,
Древнее слово давай!
— Вы—как учитель,—смеется.—
Я что-нибудь вам поновее:
«Кросы», «капуста», «комок»?—
Оборвали тотчас:
— Сыты по горло!
Ты дай нам чего понародней.
Легче продать...
То есть дать по эфиру,
прости!
— Что ж вам?—задумался.—
Может быть... про запорожцев?
Да про Отчизну, небось,
Про истоки, родню?
— Это уж ближе,—сказали.—
Хотя маловато.
Может, калины подбросишь,
А нет—чебрецу?
Все это в тару из грусти
Мы вмиг упакуем.
Слез подмешаем
(Вот тут кое-кто и всплакнет),
Желчи накапаем
(Те же ребята помогут)
И прода... Тыфу ты, да ну ты!
Про... пустим в эфир!
— Надо ж,—вдохнул,—
Поломать мне калину без пользы!
Стойте!

Чебрец—это что же такое?
Чеснок?—
Плюнули:—Эх, ты!
Хоть деда могилу укажешь?
— Можно,—захлопал глазами.
— Так где же?
— Забыл.
Даже они удивились:
— Вот это феномен!
Дедов имя хоть помнишь?
— Так умер же дед!
— Э-э,—подмигнули.—
Когда по былому
Затужишь,
Кто разберется, где дедов там голос,
Где твой!

Враз побледнел:
— Вы ж скупаете ...мертвые души.
— Дурень! Ударился в классику.
Ну-ка проснись!
Выброси азбучный сор
Из карманов быстрее
Вместе с моралью,
Раз лидером стать захотел!—
Видит: попал.
— Да куда ж занесло меня?

В пекло?

Ну вас всех к бесу!
Мне путь этот не по душе.
— Что же, гляди!

А в других-то местах
мать родную

В качестве платы потребуют...
Не прогадай!
В страхе бежал
По дуге бесконечной, как будто
Кто-то там рвов накопал:
Подбежит— и назад!

Так и исчез.
Ни следа от бедняги.
Наверное,
Стерлись подошвы.

И знака не видно. Конец!
...Сколько я верст и веков
На исканья потратил!
Все перепутал, смешал...

Но, однако, стой:
Степь впереди замаячила
С кровлей родимой.

Стрелки в одну на полудне,
Я помню, слились.
Вдруг на пригорке
Такая открылась картина:

По-мусульмански
Сидит под ветлой человек.
Лик потемневший.

Потрескались до крови губы.
И в довершение всех бедствий
Усохла нога, словно сук.

Вижу: пригорок знакомый.
И... старая верба.

«Он?— сжалось сердце в груди.—
Ну, конечно же, он!»
Вижу: сидит.
Вижу: плачет.

И ветку сухую
К вербе пытается
Слабой рукой приживить.

— Зря! Не срастется!—
Откуда-то вдруг прогремело.—
Лучше обрежь по сухому ее
И сажай.

Коли не примется—
Будешь сидеть кривоногого,
Ну, а коль примется—
Может, нога оживет!

Чей это голос? Откуда он?—
Глянул я вправо
И обомлел:

— Деду, вы ли? Да как это так?
Вы ж до войны вечным сном,
Как я знаю, уснули...

— С вами поспишь!—
Оборвал иронически дед.—
Спал до суда бы до Страшного
Я преспокойно

(Нас хоть богами пугали,
А вас уж и черт не берет!),
Спал бы,— нахмурился,—
Но и до нас добрались вы.

Только подумать:
Над мертвым торги развели!
Я уж в слова не вникаю,
Другим потрясенный.

— Деду!— кричу.—
Да не ... джинсы ли,
часом, на вас?

— А-а,— по коленям похлопал.—
Одежка что надо!
Очень практична

Для всякой работы в хлеву.
Только вот крой-то не наш.
Не умеют, как видно.

Надо б просторней в паху,
А то давит, хоть вой!
Ну, да уж мне все одно...
А вот вам, молодым-то,
Не разгуляться в таких—
Шаровары уместнее тут!

Суть же, конечно, не в том.
Из мешка хоть штаны себе шейте!
Лишь не лепите на них
То, что люди на праздник несут.
В наше-то время,
Хоть жили мы трудно, но знали,
В чем за скотиной ходить,
Что на красную пасху надеть.
То полбеды—
Коль чужие эмблемы пришиты.

Вот уж беда будет полная
(Вспомните деда), когда
Глупые чада,
Немудрым отцам подражая,
Ваши обличья налепят
Себе на зады!—
И на того, что под вербою,
Снова прикрикнул:
— Ну, посадил?
— Посадил,—

тот несмело в ответ.—

А за совет вам спасибо!
Я, деду, молился
Век бы за вас,
Если б только нога ожила!

— Ветке молись!—
отмахнулся старик.—
И запомни: будешь с ногой,
Если ветка в земле оживет.

— Что же мне делать?—
захныкал.—
Спасите! Велите!
Все, что прикажете,
Сделаю я за двоих!

...Тяжко поднялся старик—
Борода застелила полсвета.
Поднял глаза к небесам
И, как будто по книге, прочел:

— Каждому стеблю поклонисься!
Всходы пшеницы,
Что потоптал ты когда-то,
Поднимешь с колен!

После прощенья проси у цветов...
А потом уж
Дядьку найди!

— Он же где-то на Волге погиб.
Как его в братской могиле найти?
— А по зову
Крови солдатской,

Коль «пепси» не вымыло кровь!
Ну, а потом и мою
Ты отыщешь могилу.

— Деду!— Он съезился.—
Как же? Ведь крест я сломал.
— Цыц, негодяй!—
Рассверкался глазами.— Так, значит,
Будешь искать по следам

«Ади... дасов» своих.
После пойдешь
У бандуры попросишь прощенья.

Добре проси,
А не то онемеют уста.
Да не забудь и соседа,
Соперника в играх вчерашних,

И за подножку свою
Тоже прощенья проси!
А напоследок
В ночи, в чистом поле, ладонью

Горстку земли зачерпни,
Встань к востоку лицом,
Трижды промолви:
«Отчизна, прости!»—

И коль в полночь станет светать,—
Это знак, что простила земля!
...Сколько отбило годов
С той поры на курантах столетья!
Где только быть не пришлось!
Да и я ль это был?
Иль кто другой?..
Но ту полночь запомнил я крепко.
Стало светать,
И в том свете увиделось мне:

Мальчик какой-то стоит
На знакомом пригорке,
Правой рукою
Портфельчик сжимает легко.

Вербная ветка,
Как будто ладошка сестреники,
На неокрепшем плече его
Мягко лежит.

Мать к нему полем ведет
Стайку маков багряных.
Золотом плещет
Пшеничное море вокруг.

А в этом море, как чайка,
Нырнет бандура.
Звездочка дядькина
Смотрит из Волги в Днепро.

Где-то я видел мальчонку,
Но где, позабылось.
— Кто ты?— шепчу.
— Неужели не знаешь? Твой дед
Только что был и просил передать,
Что какой-то

Камень с души его
Снят, наконец, навсегда!
А на прощанье сказал,
Что теперь его сон будет вечный

И что не страшен ему
Страшный суд,
Ибо ты
Не позабудешь теперь уж,
В какой он могиле

С предками рядом лежит,
Отработав свое!
Странно, последнее слово
Уже мои губы шептали.

Глянул: а мальчика нет.
Я один на пригорке стою.
Так на душе мне легко,
Словно этот пригорок
И не пригорок совсем,
А тот камень,
Что снял я с души.

— Господи! Будто вчера только
В школу тебя снаряжала.
Где ж тебе столько, сынок,
Намело седины?

...Мать— словно вишня.
Вешнее утро.
Скоро еще только десять пробьет.

Перевел с украинского
Лев СМЕРНОВ.

Похмелье

Всходил по ним
в заоблачные дали...
Они же, всем законам вопреки,
Мельчали до размера тех сандалий,
Снимали что с начальственной ноги.
Они молились на него, орла!
И уповали, что в земной юдоли
Вознагражденьем за лихую долю
Он небо им опустит— до чела.
А он стремился к высям напролом!
И вот, когда вконец устали спины,
Понесся, ловкий и неукротимый,
По склонам их понуренных голов.
Они молились на него, орла,
Надеясь, что за труд,
большой и честный,

Он приобщи́т их
к таинствам небесным,
Раскрыв секреты вечного числа.
А он уже достиг
таких вершин,

Что где там
до земных забот убогих!
И как-то, вверх взглянув,
они нашли

Средь облаков—
лишь маленькие ноги,
Что ходко уносились за пороги,
Где даже звук теряется в глуши.

И вдруг у них воспрянула душа,
Как после доброй чарки
на похмелье.

Вот— распрямились,
крыльями шурша,—
Уже привольно мыслить и дышать...
И только долго головы болели.

Он хапал все
с восторгом, с упоеньем—
Как будто метил пережить века.
И чистила растяп самозабвенно
Проворная нечистая рука.

Державу тряс обемни— как грушу.
И за икону с грифом «зарубеж»
Чертяке, не торгуясь, отдал душу
И тешился:

за так имею вещь!
Но колокол не ждал.
А после звона—

Оградка, что ж,—
не стоит помела.
Тут, правда, спохватились:
— А икона?..

Так надо же— фальшивою была.

Перевел с украинского
Николай КОТЕНКО.

Николай Раевский:

ПУШКИН ОХВАТИЛ ВЕСЬ МИР

Слава Николая Алексеевича Раевского — автора знаменитой книги «Портреты заговорили» — закономерна. Я убедился в этом, прочитав, кроме «Портретов», его книгу «Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин»; исторические повести «Последняя любовь поэта» о древнегреческом поэте Феокрите; «Джафар и Джан», рассказывающую о судьбе двух влюбленных, живших в царствование Калифа Гарун-аль-Рашида; отрывки из журнальной работы пушкиноведа «Жизнь за Отечество». Но в утолении любопытства, переросшего в поклонение перед исследовательским, художественным даром литературоведа Раевского, меня все больше притягивала его личность, сложнейшая судьба этого человека, когда-то учившегося в Петербургском университете, потом фронтовика первой мировой войны, затем студента Пражского Карлова университета и Французского института имени Эрнеста Дени, впоследствии доктора естественных наук, научного сотрудника советских медицинских учреждений, всецело посвятившего себя литературному труду лишь в возрасте 82 лет.

При углублении в критику и литературоведение меня стали одолевать неожиданные открытия. Читая подавляющее большинство документально пишущих о литераторах современности и прошлого, я постоянно замечал, что, прежде чем взяться за перо, авторы словно бы сознательно заранее ограничивали развитие своих чувств и мыслей. С той или иной степенью заинтересованности, полемичности, пафоса, как правило, они лишь критически анализировали творчество определенных писателей, почему-то называя свои сочинения «портретами», «штрихами к портрету». Но портретов-то в их прямом, живописном смысле как раз и не получалось! Вряд ли за чтение этих сочинений, нашпигованных литературоведческими терминами, возьмется читатель разный. А Раевского единодушно любили, хотя рассматривал он в основном крупнейшую, сложную литературную и человеческую фигуру мирового искусства — Пушкина. Любили оттого, что, как бы стирая пыль времен, расшифровывая старинные дагерротипы, олеографии, он рисовал свои портреты, воочию оживлял характеры людей, литераторов нынешних и минувших, пронизывая их личностное и духовное содержание злободневным пониманием, органично не чураясь и прословутого критического анализа. Он чудодейственно пропускал образы героев через себя. Ведь его жизнь столь богата житейскими, художественными наблюдениями. И потому, что жил на свете с девятнадцатого века, его письмо невольно пронизалось благоуханием давно прошедшего, как тонким ароматом цветка, засохшего в альбоме с медными позеленевшими застёжками. Но всего этого было мало для

успеха, если 6 строки Раевского обязательно не отливались после осмысления им своих глубочайших, скрупулезных документальных изысканий. Вот образчики этого замечательного сплава из книги «Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин»:

«В настоящее время, когда мы значительно лучше, чем прежде, знаем биографию Павла Воиновича и яснее представляем себе его личность, вряд ли можно усомниться в том, что во многих отношениях он действительно служил прототипом Хлобуева. Чтобы в этом убедиться, достаточно привести хотя бы несколько цитат из IV главы II тома «Мертвых душ»...

Гоголевский Хлобуев, несомненно, живет по образу и подобию Нащокина. «Я человек хоть и дрянной, и картежник и все, что хотите, — говорит он, — но взятков брать я не стану...»

Есть основания думать, что Павел Воинович был не только прототипом гоголевского Хлобуева, но и одного из героев Пушкина... — Пельмова (из задуманного Пушкиным романа в прозе «Русский Пелам». — В. Ч.).

Анненков замечает: «Он... отвечал намерению Пушкина — олицетворить идею о человеке, нравственно, так сказать, из чистого золота, который не теряет ценности, куда бы ни попал, где бы ни очутился...»

Приходится только признать, что Пушкин, намереваясь создать своего Пельмова, предполагал наделить его некоторыми чертами... и друга молодости, не столь, правда, близкого, но все же любимого поэтом, — Никиты Всеволожского (учредителя общества «Зеленая лампа». — В. Ч.). Безусловно, было нечто общее в облике этих незаурядных людей».

Один из старейших советских пушкинистов, доктор филологических наук Н. В. Измайлов, отмечал: «Если изучение государственных архивов западноевропейских стран началось еще в 1910-х годах П. Е. Щеголевым, при подготовке его исследования «Дуэль и смерть Пушкина», с помощью Академии наук и министерства иностранных дел России, и дало значительные результаты, то личные, семейные и родовые архивы не были вовсе изучены нашим пушкиноведением и оставались недоступными и неучтенными. Именно в этом направлении и были предприняты Н. А. Раевским первые шаги. При этом надо иметь в виду, что умение отыскивать и привлекать новые источники связано у него с умением завязывать личные связи и отношения, о чем он рассказывает не только как исследователь, но и как мемуарист-художник, природный литератор (выделено мною. — В. Ч.)». Последняя фраза измайловской оценки Раевского как эмоционального бытописателя, непременно создателя картин нравов особенно ярко осветила его творческую личность. А еще одним многозначительным указанием для меня послужило высказывание Версаева, которым знаменательно пред-

варяет свои «Портреты заговорили» Н. А. Раевский: «Скучно исследовать личность и жизнь великого человека, стоя на коленях».

Ответы на многие вопросы заключены в биографии Николая Алексеевича. Не случайно пристрастие Раевского к теме «Пушкин и война». Он участник первой мировой войны, отличенный орденами Святой Анны 3-й и 4-й степеней, Святого Станислава 3-й степени. И в то же время немалые свои годы Раевский отдал естественным наукам.

Но все это, как и обуревавшую когда-то его мечту попасть в Военную академию и стать офицером Генерального штаба, Раевский оставил, едва лишь в сердце и думы неожиданно вошел образ Пушкина...

В пражских Государственной и университетской библиотеках находилась самая богатая пушкиниана в

Европе, в которую было включено все, что осталось от петербургской библиотеки известного пушкинского издателя Смирдина. В предвоенные годы изучению этих материалов Раевский отдал все силы, разыскивая в местных замках аристократических семей следы пушкинского наследия и близких поэта, создав свои первые работы «Пушкин и война», «Пушкин в Эрзрумском походе». После возвращения в Советский Союз по окончании войны Раевский работал в медицинских учреждениях.

— Придя на работу, я полностью сосредоточивался на вопросах, которые мне надо было решать по долгу службы,— скажет Николай Алексеевич при нашей встрече.— Вернувшись домой, я начисто о них забывал и погружался в пушкинскую стихию... Пушкину принадлежало лучшее вре-

мя— очень раннее утро и тихие вечерние часы до полуночи...

Но сказанное не значит, что этот человек старинного закала относился к служебным занятиям кое-как. В 80 лет, издав пять литературных трудов, несмотря на увещания близких, Раевский отказался оставить службу, поскольку не довел нечестный объем работы в алма-тинском Институте клинической и экспериментальной хирургии до конца. Он потратил на ее завершение еще два года.

В доме писателя шел большой ремонт. Мы уединились с Николаем Алексеевичем в его маленькой рабочей комнате, так же, как и другая, заставленная книжными шкафами.

Когда мы коснулись истоков его «заболевания» Пушкиным, Николай Алексеевич стал серьезен.

— Это произошло совершенно внезапно,— заговорил он медлен-

но.— Как сейчас помню октябрьский вечер двадцать восьмого года, когда я зашел в одну из русских библиотек Праги, где работал над диссертацией. Ее заведующая почему-то спросила меня: «Николай Алексеевич, вам знакомы письма Пушкина?» Чтобы не сесть в лужу, я ответил неопределенно. Как всякий интеллигентный русский человек, в свое время я прочел, как считалось, «всего» Пушкина, то есть один из хороших объемистых однотомников. Любил перечитывать поэта и потом, но к пушкиноведению относился совершенно равнодушно.

«Не хотели бы познакомиться с новым изданием пушкинских писем?— продолжала собеседница.— Мы только что получили два тома под редакцией Модзалевских».

Из вежливости я не решился отказаться. Положил книги в портфель и поехал домой. Поужинал, зажег на-

стольную лампу, открыл первую страницу. И... читал до рассвета... Идя утром в университет, я не замечал знакомых улиц и прохожих. Пушкин захватил меня, впервые — не его стихи, он сам, живой человек. Жил. Любил. Страдал. Имел друзей. Воспевал свободу, чтл ее рыцарей, чуть ли не до конца жизни рвался на войну во имя интересов Отчизны... Он стал для меня родным... Весь нескончаемо длинный этот день я провел в нетерпении вернуться к его письмам.

А по мере того, как я все больше и больше вживался в них, беспокойство мое нарастало. Я потерял мое прежнее душевное равновесие, я чувствовал, что своими мыслями управляю плохо. Упал интерес к университетским занятиям. Смотрю в микроскоп, но с трудом осмысливаю то, что вижу, не без усилия вспоминаю названия объектов, над которыми давно работаю. Голова всецело занята Пушкиным... Я с трудом дотянул свою зоологическую ляжку до защиты диссертации. Убедившись, что перестал быть биологом, отказался от занимаемого мною места в лаборатории. Я был душевно свободен и сказал себе: «Довольно зоологии, да здравствует Пушкин!»

При перечитывании новостей Шатобриана с их великолепным описанием американской природы на ум Раевскому пришли пушкинские строки из «Евгения Онегина»: «Он иногда читает Оле нравоучительный роман, в котором автор знает более природу, чем Шатобриан...» Пушкин, как и множество французских исследователей творчества этого писателя, высоко ставил его природоведческие знания. Дотошный Раевский взялся за систематическую научную проверку подлинности шатобриановских описаний... Выводы оказались поразительными: ни непосредственно природы севера Соединенных Штатов, да и вообще природы, знаменитый художник почти не знал, а в своих картинах использовал весьма неосторожно вычитанные им научные сведения... Благодаря этому в свет вышла статья Н. Раевского «Шатобриан-натуралист».

Сюжеты пушкиноведческих книг Раевского не случайно напоминают детектив. Как заправскому следователю в расследовании запутанной великосветской криминальной истории ему приходилось переворачивать кипы документов, пожелтевших бумаг, пестрящих гербами, чтобы из клубков генеалогических нитей вытаскивать нужные ему кончики для резюме. Как опытному сыщику-психологу ему требовалось при общении с малоразговорчивыми высокопоставленными собеседниками уметь и по случайно оброненным словам восстанавливать нужные звенья поиска. Ему было непросто в своих напряженных, но столь необходимых, драгоценных для русской памяти розысках. Разве не великосветским уголовным преступлением был факт, когда Александр Пушкин упал в снег у Черной речки!

В конце концов Раевский посетил-таки словацкий замок Бродяны, принадлежавший потомкам Александры Николаевны Гончаровой, в замужестве Фризенгоф, сестры жены Пушкина, где обнаружил обширное собрание иконографических материалов и мемориальных предметов — выдающуюся находку для пушкинистов... Но чтобы попасть в это родовое гнездо князей Кляри-и-Альдринген, где доживала в те дни свой век герцогиня Ольденбургская, дочь А. Н. Гончаровой, Раевскому пришлось сделать свое собственное открытие, хотя по этому поводу его годы водила за нос одна обладавшая точными сокровенными сведениями на этот счет старая дама. Дама — внучка одного из братьев Натальи Николаевны Пушкиной — переписывалась с престарелой герцогиней и сама мечтала открыть никому не известные реликвии. Она умышленно искажила фамилию гер-

цогини Ольденбургской, заставив Раевского бесплодно рыться в хранилищах. Но, как оказалось, он все же не попусту помогал собирать даме белые грибы во вшенорском дубовом лесу, в тюрбане магараджи, с бумажной звездой на смокинге угощал ее крюшоном на костюмированном вечере... Ее неосторожного намека во многом хватило Раевскому, чтобы однажды осенила его ключевая догадка.

Так же неумоимо действовал Раевский в обнаружении других ранее неизвестных источников, в том числе письма Пушкина к графине Фикельмон, впоследствии вошедшего в академическое издание собрания сочинений поэта. Он установил местонахождение архива семьи Фикельмон и получил фотокопию записи графини о дуэли и смерти Пушкина.

«В жизни Пушкина малозначительного нет», — говорит Н. А. Раевский. И потому нас так волнуют, влекут характеры, образы, самые разные черточки людей из пушкинского окружения, запечатленные писателем словно бы с натуры. Красавица, проницательная внучка Кутузова, графиня Дарья Федоровна Фикельмон, которую друзья называли Долли: «Дарья Федоровна порой грубо ошибалась, но ум у нее все же, несомненно, был выдающимся... Самая сильная и своеобразная сторона ее мышления — это способность до некоторой степени предугадывать будущее. Недаром в свое время австрийская императрица прозвала совсем юную девушку «Сивиллой флорентийской...» Ничего сверхъестественного в Долли Фикельмон, конечно, не было. Была та удивительная интуиция, которая зачастую позволяет большим шахматистам, всмотревшись в расположение фигур, предвидеть исход партии тогда, когда для игроков ослабеет он еще совсем неясен...»

«Из трех сестер Гончаровых до самого последнего времени наименее ясным представляется нам облик старшей Гончаровой... Старшая Гончарова (ставшая женой Дантеса.— В. Ч.)... была так же, как и ее сестры, духовно привлекательным человеком, остроумной, наблюдательной, склонной к тонкой иронии. Кроме того, у нее, несомненно, были ярко выраженные литературные интересы. В свое время полной неожиданностью явилось обнаружение в архиве Дантесов в г. Сульце двух альбомов Екатерины Николаевны, заполненных стихами русских поэтов, которые она собственноручно переписала...»

«...Дорогому, но порядком беспутному другу Пушкин и в денежных делах доверял как никому другому... Пушкин знает... что его безалаберный Войнич — прежде всего человек предельно честный... По совести говоря, трудно решить, кто из двух друзей хуже умел обращаться со своими средствами; кажется, все же Нащокин. Жениться и став отцом семейства, Пушкин... по-прежнему любя карты, прекратил все же крупную игру...»

Меткими, художественно-аналитическими ударами кисти Раевский вводит нас во взаимоотношения, интересы людей пушкинского времени — в семейном кругу, в общественной деятельности, в увеселениях, в одиноком раздумье с гусиным пером в руке... И вдруг автор сам, наяву, будто бы становится участником калейдоскопа, где всамделишные дамы и господа смешались с литературными героями... Вот принимается он рассматривать «старинное золотое кольцо с продолговатой бирюзой» из рук графини Вельсбург, которое перешло ей через герцогиню Ольденбургскую от Ази Гончаровой, какое та давала когда-то носить Пушкину... Вот благоговейно извлекает «из ящичка из простой фанеры», видимо, принадлежавшую тоже А. Н. Гончаровой Фризенгоф «потемневшую золотую цепочку от креста», «быть может...»

самую волнующую из бродянских реликвий... Не эта ли вещица, якобы однажды обнаруженная в комнате поэта, послужила поводом для пересудов?..

Он берет нас в путешествие вместе с собой: «Я прилетел в Ленинград... Перечитав еще раз «Пиковую даму», по улице Халтурина дошел до Института культуры имени Н. К. Крупской (бывшего особняка Фикельмонов.— В. Ч.). Отворив тяжелую дверь, вошел в нарядный вестибюль с дорическими колоннами. Осматривать его не стал. Хотелось поскорее проделывать путь Германна... Я стал подниматься по парадной лестнице особняка... Германн взбежал по ней... Он спешил в спальню старой графини, надеясь выведать тайну трех карт... По этим же маршам с фигурными перилами из кованого железа вдоль ныне светло-зеленых стен с белыми коринфскими полуколоннами много раз поднимался сам поэт... Взбегал, подобно своему герою. Но перед зеркалом на площадке, особенно в дни балов и парадных приемов, Пушкин... останавливался. Поправлял волосы, смотрел, не сбился ли на сторону бант шейного платка. А с тех пор как женился, он чинно шел в таких случаях под руку с Натальей Николаевной. Зеркало отражало невысокую фигуру поэта и его жену, которая многим, в том числе и многоопытной хозяйке дома, казалась поэтичнее, чем была на самом деле...»

Вместе с Раевским, не потерявшим вкуса к приключениям, вместе с Германном мы находим среди анфилады комнат, теперь скудно названных: №308, №309, №310, следы лестницы, по которой можно скрытно удалиться на рассвете...

«На месте письменного стола ясно видно заданное отверстие в полу... Незначительные размеры... отверстий говорят за то, что лестница... была винтовой... Путь Германна из спальни графини... выяснен...»

Графини, балы, перстни, винтовые лестницы — приметы, благодатнейшие для сорта читателей, что умудрились выискать в книгах Раевского лишь «амурные пружины» событий. Но сколь впечатляющие для настоящего читателя эти детали, картины быта, чтобы воображаемо переселившись на сцену жизни, подсвеченную Раевским, ощутить творческое перевоплощение самого Пушкина. Чувства поэта, счастливого пробиравшегося в сумраке покоев особняка, откликнувшись в «странных чувствованиях» его Германна, бредущего по «витой», «темной» «лестнице», так и не узнавшего жгучую тайну трех карт...

Строго выверенные Раевским самые разные факты, связанные с жизнью и смертью Пушкина, также хрестоматийно ценны для неискущенного читателя при необходимости отделять зерно от плевел в том лихом «пушкиноведении», каким нередко грешат случайные любители этого занятия. Я вспоминаю вечер в сочинском санатории, афиша которого «Неизвестное в жизни Пушкина» собрала много отдыхающих. На сцене появился подвижный человек с самоуверенными манерами провинциального актера и звучно поставленным голосом, с подробностями, масса которых «помогала» убедиться в возможной достоверности рассказа, долго живописал историю раскрытия «панциря Дантеса», оказывается, надетого им перед дуэлью... Фамилий лиц — «современных крупных историков и писателей», — «несомненно» разоблачивших противника Пушкина, он загадочно не упоминал...

Безукоризнен исследовательский талант Раевского. И все же незаменимое для литературоведа это свойство заставляет блистать его художническая одаренность, душевный почерк этого человека.

— Как вы выстраиваете образы, линии поведения своих геро-

ев? — спрашивал я у Николая Алексеича.

— Я ничего не придумываю. Они будто бы сами являются моему внутреннему взору, выплывают из подсознания... Я вдруг вижу их с мельчайшими подробностями, и потом они сами живут своей жизнью... Часто такое запоминается даже из сновидений...

В последние годы своей литературоведческой деятельности Н. А. Раевский вернулся к теме, которая первой заинтересовала его когда-то при «открытии» Пушкина: «Пушкин и война». Он размышляет:

«Огромной пушкиниане, которую в настоящее время невозможно одолеть человеку за всю свою жизнь и в которой, казалось бы, затронуты все возможные вопросы, вплоть до таких мелочей, как «ножки в поэзии Пушкина», не повезло в этой очень важной и существенной теме. И только со временем я понял, что трудность разработки интересовавшей меня проблемы заключалась в том, что для ее успешного исследования необходимо не только хорошо знать Пушкина, но и обладать основательными военными познаниями. И между тем как военные, пусть даже любя Пушкина и, может быть, даже зная его, занимались все же только своим профессиональным делом, большинство пушкинистов относилось к нему не только без интереса, но зачастую и вполне отрицательно. Именно поэтому, как мне кажется, и не появилось в России обобщающих работ на эту тему... Встречаются кое-какие отрывочные суждения, но никакой цельной картины... И в то же время каждый хорошо знакомый с творчеством Пушкина не мог не заметить, что войне и военному делу поэт посвятил много стихов и немало страниц прозы. Нельзя, например, не увидеть, что творчество кадрового офицера Лермонтова в этом отношении значительно беднее...»

Еще в Праге он задумал написать двухтомную научную монографию «Пушкин в Эрзрумском походе» и накануне войны успел почти закончить ее первую часть, посвященную лицам, с которыми Пушкин встречался во время этого похода, мог или должен был встретиться. Но рукопись в последующее лихолетье была утрачена. В столетнюю годовщину со дня смерти поэта, в 1937-м, когда политический горизонт Европы затягивался тучами предстоящей войны, Раевский выступил с глубоко патриотичным докладом перед русско-чешско-французской аудиторией, зловредно заострив его главную тему: «Пушкин и война».

Плодом многолетних изысканий в этом направлении стало документальное повествование «Жизнь за Отечество» Н. А. Раевского, опубликованное в журнале «Простор». В нем автор затрагивает много интересных вопросов, связанных с военной историей России, с их отражением в литературе, в творчестве Пушкина. Таково, например, указание автора на то, что описание Л. Н. Толстым Бородинского сражения как неуправляемого боя в действительности с русской стороны могло служить именно примером превосходно руководимой Кутузовым битвы. Толстой, уточняет автор, хорошо понимал тактику, но не разбирался в стратегии, то есть в управлении войсками на театре войны. Ошибочная концепция Толстого зашла так далеко, что принималась за истину французскими офицерами новых поколений, и будущий маршал Фош вынужден был бороться с этими настроениями в Высшей военной школе Франции.

Под своеобразным углом зрения рассматривает в своей новой работе Раевский фигуру Барклая-де-Толли, нередко вызывающую пристрастные нарекания и поныне. «Мы позволяем себе не согласиться с Пушки-

ним,—говорит он,—который сказал о Барклае, что Русская земля была для него землей чужой: «Все в жертву ты принес земле тебе чужой...» Барклай, аргументирует Раевский далее свою мысль, сменил в 1810 году Аракчеева на посту военного министра и добился статуса единого Главнокомандующего в военных действиях, плодотворной корпусной организации русской армии. Ему первому принадлежит план так называемого заманивания французов в глубь России в 1812 году. Он осмелился выслать из армии великого князя Константина за паникерство. При Бородине в расшитом золотом мундире Барклай-де-Толли лично водел полки в атаку.

Мудрый генерал Ермолов отмечал: «Все сказанное Барклаем на Военном совете в Филях следовало бы отлить золотыми буквами... Единственный из героев Отечественной этот человек был удостоен ордена Святого Георгия 1-й степени... Недвусмысленно на его счет, замечает Раевский, и такое высказывание самого Пушкина: «Стоическое лицо Барклая есть одно из замечательнейших в нашей истории. Не знаю, можно ли вполне оправдать его в отношении военного искусства, но его характер останется вечно достоин удивления и поклонения».

Дорого нам, что в «Жизни за Отечество», разоблачая один из наветов на поэта, утверждавший, что своей поездкой в Закавказье, на турецкий фронт Пушкин хотел воспользоваться для перехода к туркам, в эмиграцию, бывший офицер, писатель Раевский, когда-то остро переживший разлуку с Родиной, на основе неопровержимых данных заявляет: «Дезертиром поэт стать не мог». Да, и этим патристическим словам порукой череда славных биографий русских литераторов, многие из которых носили в молодости военные мундиры. Думаю, что уместны здесь и слова поэта Константина Бальмонта, чей род велся от сержанта кавалерии по простой фамилии Баламут времен Екатерины II. Всеми забытый, закончив свою жизнь в отчаянной нищете на чужбине, поэт, всю жизнь воспевавший красоту и свет, однажды недвусмысленно сказал: «Некоторых черт в поэте никогда не бывает. Так, поэт изменчив, он изменчивей морской волны, но никогда не был изменником. Измена, изменничество, низость, предательство несовместимы с достоинством поэта, и я не знаю в истории ни одного поэта, который бы предал свою родину».

Может быть, Бальмонт вспомнил эти свои слова, как прощальный привет Отчизне, умирая зимой 1942 года в русской больнице Сен-Женевьев дю Буа, когда, как при Бородине, без счету шли солдаты под Москвой с последними связками гранат на вражеские танки...

После выхода в свет первой пушкиноведческой книги семидесятилетнего Раевского «Если заговорят портреты», предварившей выпуск в 1974 году последующей — «Портреты заговорили», Николай Алексеевич получил письмо, в котором говорилось: «Я родная внучка Павла Воиновича Нащокина, дочь его младшего сына Андрея Павловича, Вера Андреевна Нащокина-Зызина... Моя бабушка, жена Павла Воиновича Нащокина, Вера Александровна Нащокина (Нарская), жила и умерла в нашей семье. Вот почему мне особенно дорого все, что написано о Пушкине и его семье...» С чтения этого неожиданного послания у Раевского начался новый «приступ исследовательской лихорадки», какой мы обязаны появлению его книги «Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин»...

«В жизни Пушкина малозначительного нет»,— вдохновенно считает Раевский.

Владимир ЧЕРКАСОВ

«Солнце нашей Поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!.. Более говорить о сем не имеем силы, да и не нужно; всякое Русское сердце знает всю цену этой невозвратимой потери, и всякое Русское сердце будет растерзано. Пушкин! наш поэт! наша радость, наша народная слава!.. Неужели в самом деле нет уже у нас Пушкина?..

К этой мысли нельзя привыкнуть!

29 января, 2 ч. 45 м. пополудни».

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ.
Из газеты «Литературные прибавления» к «Русскому инвалиду».

ПИСЬМА ТРЕХ ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ

Время до рокового выстрела у Черной речки измерялось уже в часах...

Сохранилось девять писем и записок А. С. Пушкина, датированных 25—27 января (по старому стилю) 1837 года, причем точные даты трех малозначительных, бытового характера записок не установлены. Остальные письма, связанные по содержанию с рабочими делами и дуэлью, а также короткая записка писателю и критику А. И. Тургеневу были, безусловно, написаны в эти три дня.

Известной русской писательнице того времени А. О. Ишимовой, активно занимавшейся переводами, Пушкин пишет 25 января:

«На днях имел я честь быть у Вас и крайне жалею, что не застал Вас дома. Я надеялся поговорить с Вами о деле; Петр Александрович обнадежил меня, что Вам угодно будет принять участие в издании «Современника». Заранее соглашаюсь на все Ваши условия и спешу воспользоваться Вашим благорасположением: мне хотелось бы познакомить русскую публику с произведениями Барри Корнуолла (в оригинале написано по-английски.— Прим. ред.). Не согласитесь ли перевести несколько из его драматических очерков?..»

В тот же день Пушкин написал письмо голландскому посланнику Л. Геккерену, который вскоре будет отозван из Петербурга как один из виновников гибели поэта. Еще 17—21 ноября 1836 года Пушкин писал черновики этого письма (сохранились отрывки двух разорванных вариантов) голландцу, которого считал автором анонимного пасквиля, но тогда письмо отослано не было. И вот за два дня до дуэли поэт пишет (в оригинале по-французски):

«Позвольте мне подвести итог тому, что произошло недавно. Поведение вашего сына было мне известно уже давно и не могло быть для меня безразличным. Я довольствовался ролью наблюдателя, готовый вмешаться, когда сочту

это своевременным. Случай... весьма кстати вывел меня из затруднения: я получил анонимные письма. Я увидел, что время пришло, и воспользовался этим. Остальное вы знаете: я заставил вашего сына играть роль столь жалкую, что моя жена, удивленная такой трусостью и пошлостью, не могла удержаться от смеха... Я вынужден признать, барон, что ваша собственная роль была не совсем прилична. Вы... отечески сводничали вашему сыну... Подобно бесстыжей старухе, вы подстерегали мою жену по всем углам, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного или так называемого сына; а когда, заболев сифилисом, он должен был сидеть дома, вы говорили, что он умирает от любви к ней... Я не желаю, чтобы моя жена выслушивала впредь ваши отеческие увещания. Я не могу позволить, чтобы ваш сын, после своего мерзкого поведения, смел разговаривать с моей женой, и еще того менее—чтобы он отпуская ей казарменные каламбуры и разыгрывая преданность и несчастную любовь, тогда как он просто плут и подлец...»

Отослав это письмо на следующий день, 26 января Пушкин написал короткую записку А. И. Тургеневу («Не могу отлучиться. Жду Вас до 5 часов») и письмо участнику наполеоновских войн, генерал-адъютанту Карлу Федоровичу Толлю:

«Письмо, коего Ваше сиятельство изволили меня удостоить, остается для меня драгоценным памятником Вашего благорасположения, а внимание, коим почтили первый мой исторический опыт, вполне вознаграждает меня за равнодушные публикации и критиков. Не менее того порадовало меня мнение Вашего сиятельства о Михельсоне, слишком у нас забытом. Его заслуги были затемнены клеветой; нельзя без негодования видеть, что должен он был претерпеть от зависти или неспособности своих сверстников и начальников. Жалею, что не удалось мне поместить в моей книге несколько строк пера Вашего для полного оправдания заслуженного воина. Как ни сильно предубеждение невежества, как ни жадно приемлется клевета,

но одно слово, сказанное таким человеком, каков Вы, навсегда их уничтожает. Гений с одного взгляда открывает истину, а Истина сильнее царя, говорит священное писание...»

27 января между 9.30 и 10.00 утра Пушкин пишет (оригинал по-французски) секретарю французского посольства, секундтанту Дантеса О. Д'Аршиаку:

«Я не имею ни малейшего желания посвящать петербургских зевак в мои семейные дела; поэтому я не согласен ни на какие переговоры между секундантами. Я привезу моего лишь на место встречи. Так как вызывает меня и является оскорбленным г-н Геккерен, то он может, если ему угодно, выбрать мне секунданта; я заранее его принимаю, будь то хотя бы его егеря. Что же касается часа и места, то я всецело к его услугам. По нашим, по русским, обычаям этого достаточно. Прошу вас поверить, виконт, что это мое последнее слово и что более мне нечего ответить относительно этого дела; и что я тронусь из дому лишь для того, чтобы ехать на место...»

В этот же день он снова пишет А. О. Ишимовой и этим письмом словно бы подводит черту—сам, понятно, того не зная—под своей рабочей перепиской:

«Крайне жалею, что мне невозможно будет сегодня явиться на Ваше приглашение. Покамест честь имею препроводить к Вам Барри Корнуолла (в оригинале по-английски). Вы найдете в конце книги пьесы, отмеченные карандашом, переведите их как умеете—уверю Вас, что переведете как нельзя лучше. Сегодня я нечаянно открыл Вашу «Историю в рассказах» и поневоле зачитался. Вот как надобно писать!..»

Пушкин работает, мыслит, спорит, думает о будущем.

Время до рокового выстрела у Черной речки измеряется пока еще в часах...

Автограф начальных строк стихотворения М. Ю. Лермонтова «Смерть Поэта».

*Победа поэта, — невольных вестей,
жаль, оклеветанный своей
о свинцовый в дуэли каменной
попыхавшейся дой голубой.*

Конкурс «Знай свою Родину» в нынешнем году мы посвящаем 70-летию Октябрьской революции и проводим совместно с Бюро международного молодежного туризма «Спутник» ЦК ВЛКСМ.

В каждом из трех туров читателям будет предложено 12—15 вопросов, касающихся многих сторон жизни нашего многонационального государства. Мы рассчитываем, что в поисках ответов на вопросы читатели узнают много нового, получат импульс к систематическому изучению темы «СССР» или тех сторон жизни нашего государства, которые покажутся им наиболее интересными.

Участвовать в конкурсе может любой читатель «Смены». Условия в основном остаются прежними. Каждый участник отвечает на вопросы в том же порядке, как они и заданы. Писать постарайтесь, пожалуйста, четким почерком либо на машинке, заполняя только одну сторону листа. Домашняя работа должна состоять из двух отдельных частей: в первой на одном-двух листах даны краткие точные ответы на вопросы, а во второй, которая может быть гораздо обширнее, эти ответы со всей возможной полнотой прокомментированы. Жюри

будет рассматривать лишь двухчастные работы. При одинаковом числе верных ответов на победу могут рассчитывать те участники конкурса, у которых комментарии интереснее (можно высказывать даже предположения), а работа лучше оформлена. Желательно указать все источники, в которых найдены ответы.

Тридцать пять участников первого тура станут призерами. Награды: одна бесплатная путевка в международный туристский центр «Спутника», альбомы и книги, дипломы Бюро международного молодежного туризма «Спутник» ЦК ВЛКСМ и журнала «Смена».

1. В ноябре 1917 года на Красной площади похоронили двух героев революции. Одному было восемнадцать, а второму всего четырнадцать лет. Одного из них ласково прозвали «замоскворецким Гаврошем». Назовите их. На каком заводе оба работали?

2. Первый памятник В. И. Ленину в нашей стране был установлен еще при жизни вождя. Где и когда это произошло? Кем был по профессии автор монумента?

3. Установлено, что подвиг Ивана Сусанина был повторен 53 раза. Один

из героев, участник гражданской войны, остался живым и был на приеме у В. И. Ленина, М. И. Калинина, сфотографирован вместе с С. М. Буденным. Кто он и откуда? С какими наградами он вернулся домой?

4. В марте 1917 года в газете «Утро России» появилась карикатура на Николая II. Царь был изображен как «архивная достопримечательность». Назовите автора карикатуры. Что было нарисовано рядом с царем и какой была подпись под рисунком?

5. В каком городе и когда прогремел первый в истории России салют в честь победы русского оружия?

6. В истории русской поэзии есть беспрецедентный случай, когда сразу после выхода в свет одной из поэм ее автор тут же был избран в Российскую академию, которая в знак высокой оценки купила весь ее тираж. Назовите поэму и ее автора.

7. Кто и где предложил создать первую в стране комплексную молодежную бригаду?

8. Как называлась первая публикация А. Фадеева о молодогвардейцах? Где и когда она появилась?

9. Назовите три первых спортивных общества в нашей стране. По чьей инициативе и где они были созданы?

10. Кто из советских космонавтов до зачисления в отряд был водолазом-глубоководником?

11. По чьей просьбе П. И. Чайковский написал цикл «Времена года»? Когда и где они были впервые опубликованы? Назовите поэтов, чьи стихи взяты как эпиграфы к пьесам.

12. Из чего, кем и когда был построен первый советский металлический самолет? Что и зачем конструктор построил из этого материала прежде самолета?

Бандероли (в форме трубочки не отсылать!) и письма с домашними работами можно отправлять не позднее 31 марта. На конверте напишите: «Конкурс «Знай свою Родину», 4-й тур».

Желаем вам удач!

При подготовке первого тура использованы вопросы читателей О. Васильева из Москвы, Т. Чижиковой из пос. Беловодск Киргизской ССР, В. Елисеева из села Ольховка Липецкой области, Н. Каслова из Читы и Л. Черновой из Светогорска Ленинградской области.

Конкурс на лучший вопрос продолжается. При подведении итогов жюри будет учитывать только вопросы с указанием источников.

Марина Зудина:

Я ВЕРЮ

Совсем недавно Марина Зудина окончила актерский факультет Государственного института театрального искусства имени А. В. Луначарского и сразу же — серьезное нынче время! — вместе с другими однокурсниками попала в только что созданный театр-студию под руководством О. П. Табакова.

Марина Зудина еще только начинает свой творческий путь, но такое начало можно назвать удачным: главные роли в спектаклях молодого театра, роли в кинофильмах «Валентин и Валентина», «По главной улице с оркестром», «Личное дело судьи Ивановой», «После дождичка в четверг», сейчас ее пригласили на роль Маши Троекуровой в фильме «Дубровский», который готовится снимать В. Никифоров на «Беларусьфильме».

С молодой актрисой встретился корреспондент «Смены» Андрей КУЧЕРОВ.

— Как ты сама оцениваешь такое событие: рождение на основе вашего курса нового московского театра, ведь это возможность работать с теми, с кем училась несколько лет, с кем связывает не только профессия, но и нечто большее, а именно — совместный институтский путь людей, одержимых одной надеждой и целью?

— Когда мы заканчивали институт и еще непонятно было, останемся ли вместе, мне, честно говоря, становилось страшно: а вдруг не получится, вдруг придется уйти одной и никто из однокурсников не будет рядом... Табаков нас всегда учил: в одиночку сложно, сила — это когда вместе. Я знакома со многими из ребят его предыдущего выпуска. Тогда им не дали возможности создать свой театр. Многие из них с дикой тоской вспоминают время, когда они были вместе, играли роли гораздо интереснее тех, что предлагают им сейчас в театрах. Ведь от этого никуда не деться: молодые приходят в театр, их как бы заранее «программируют», как правило, берут на определенные в силу производственной необходимости роли. Никому не хочется особенно докапываться до твоей сути. А нам повезло: с нами Табаков всегда много возился, а сейчас — еще больше, он по-настоящему заботится о каждом человеке. Нас объединяет надежда сделать свое дело. Это важнее всего. Табаков умеет заразить, повести. Он лидер. Такие люди, по-моему, только и способны обеспечить в театре перестройку, иначе она будет похожа на жидкость, которую переливают из сосуда одной формы в сосуд другой формы. Сосуды разные, а вода одна — дистиллированная. У нас много людей, не способных рожать идеи. И почему-то им обязаны подчиняться те, кто способен. Это ненормально... В театре сейчас страшно то, что мно-

гие артисты действительно перестали получать удовольствие от того, что делают. А мы, может, потому и счастливы, что веру не потеряли — верим, что можем что-то изменить, что-то создать. А главное, что это дадут сделать. Есть перспектива, а когда есть перспектива — есть и силы. Мне кажется, сейчас что-то всерьез изменилось. В лучшую сторону. Мы начинаем понимать, что от нас зависит результат. Ведь если я знаю, что от меня что-то зависит, я буду делать втрое больше, а если понимаю, что работаю «в пустоту»... на одном энтузиазме долго не протянешь... Я уверена, не получишь у нас с театром студией, я бы, возможно, попала в какой-нибудь коллектив; играла бы, снималась в кино, все было бы нормально — именно нормально! — и так прошло бы много лет, и, наверное, я бы походила на иных моих коллег: зарабатывала деньги и разучилась бы думать об искусстве как о чем-то высоком.

Иллюзии — они имеют способность улетучиваться. Вообще страшно, если люди приходят в театр отрабатывать положенное время, если их основные интересы на стороне. Зачем тогда театр?

— Скоро в вашем новом театре пойдут спектакли, и хочется верить, что у вас появятся и свой зритель, и еще больше хочется, чтобы это был молодой зритель, который нынче не очень-то почитает театры заслуженные, академические. Эти молодые люди упрямы и загадочны, их оценки суровы, они не будут кричать из зала «Не верю!»; если их не задеть за живое, они уйдут молча и вряд ли уже вернуться. Чтобы завоевать их, придется преодолеть многое и многое открыть заново. Тебе не страшно выходить на сцену перед их спокойным, холодноватым взглядом?

— Нет, не страшно, потому что мне, например, очень хочется говорить о новых поколениях. Я его чувствую лучше, чем какое-то иное. Да, мы росли в такое время, когда говорили одно, поступали по-другому, многое скрывали, а лица при этом делали правдивые. Мы стали более трезвыми, наши оценки — более жесткими. Нас создавало время, когда слова у многих расходились с делом и люди, случалось, теряли веру в справедливость. Отсюда инертность молодых, да и немолодых тоже. А сейчас родилась надежда. Вот у нас с театром ведь выгорело — значит, все-таки не безнадежно, значит, что-то меняется, можно не только надеяться, но и реализовать надежду! Наверное, и театр сегодня должен стать жестче, четче и яснее формулировать мысли, идеи. В принципе, по-моему, у каждого поколения должен быть свой театр. Взрослеем мы, взрослеет зритель, меняется время, спектакли, и каждому театру отлучен свой срок. Если через десять — пятнадцать лет в театральный организм не вливать новую кровь, театр умирает, хотим мы этого или нет. Мы, к сожалению, уже привыкли делать вид, что большинство наших «маститых» театров живые, на самом же деле это памятники былой славы этих театров. Прилива новой крови боятся. Каждый год в труппу попадают два, в лучшем случае три молодых актера, и они теряются в громадных труппах. Если бы брали человек десять — пятнадцать, тогда они могли бы принести с собой нечто действительно цельное, значимое, новую эстетику, идеи, программу и так далее. Каждое поколение формируется временем, у каждого времени — свое лицо, каждый раз это лицо хочется разглядеть. Я, кстати сказать, завидую поколению наших родителей. Тому, как они жили. Может быть, они меньше задумывались над сложностями, меньше копались в себе, но они были действительно, они больше делали и в то, что делали, верили. Это счастье. А мы часто даже не

начинаем делать, потому что привыкли думать — вот придет кто-то и скажет: а зачем?.. А какой смысл?.. Живите спокойно, не дергайтесь... Я смотрю на тех, кто идет за нами, и часто мне их жалко. Они такие обеспеченные, им ничего не надо, они все уже имеют — материальное. А дети тоже какими-то деловыми стали: в школах загружены, языки изучают, скоро до компьютеров доберутся, а детства, полноценного детства, у них нет. Дети вырастут деловыми людьми, а двора, где они вместе играли, у них не будет. Вспоминать будет нечего. Какие-то они незомональные сейчас. Я вот себя вспоминаю, мы хоть в казаки-разбойники играли, а маму мою послушать — так у них еще интереснее было, разнообразнее. У них был контакт друг с другом — человеческий. Сейчас к десятому классу каждый сам по себе, сам для себя, отлично знает, что надо делать карьеру, все просчитано, продумано, и... не хватает чего-то настоящего. Может, конечно, только мне так кажется... не знаю...

— А ты веришь, что тебе, вашему театру удастся найти контакт с современным зрителем, разбередить его душу, напомнить о добре, любви, сказать о том, что деловитость и дело — вещи разные, хоть и созвучные, и, может быть, тот дефицит душевности в отношениях друг к другу, который мы действительно испытываем сегодня, удастся преодолеть благодаря театру, его искренности, возможности «близко» говорить о сокровенном, возможности «заразить» человечество, накалить совесть?..

— Я думаю, если меня по-настоящему что-то волнует — а меня волнует то, о чем я говорю! — если волнует тех людей, с которыми я работаю... понимаете, мы же не о каких-то абстрактных вещах будем говорить! Мы будем говорить о неболевшем, о том, чего ожидают многие, хотя и ходят порой с видом душевной непробиваемости; мы научились скрывать свои чувства, боимся. И все же если у меня есть какая-то боль, то ведь все мы люди и должны друг друга слышать. Я верю, что человек может меняться. Как в худшую, так и в лучшую сторону. Я верю, что нельзя быть равнодушным к чужому горю. Я верю, что, когда мне будет плохо, ко мне придет кто-то на помощь. К примеру, у нас сейчас нет пьес о любви — вроде бы и не существует у нас это чувство. Мы будто разучились по-настоящему страдать, переживать, радоваться. Не так это! Мне очень хочется, чтобы одиноких людей становилось все меньше и меньше. Надо менять себя, научиться жить по совести. Но для этого надо понять, как жить. И театр это должен понять, и драматурги. Если театр будет идти чуть впереди своего зрителя, мы поможем зрителю разобраться в том, что происходит. А критерии хорошего и плохого зависят от нас самих. Наверное, хорошо — это когда людям хорошо. Ведь бывает и так: законы одни, а людям от этих законов только хуже. Значит, надо менять законы. Сейчас важно разобраться, что вокруг происходит. Мы говорим — перестройка, а как быть тем, кто честно было перестроился, но не знает, как это сделать, или просто всегда был честным человеком, до перестройки?.. И еще должен говорить театр, что сегодня мы менее богаты духовно, чем наши предки. Почему, например, так тянет к классике, почему идеалы наши, как правило, связаны с героями прошлого? Неужели вокруг мало настоящего, истинного, сильного, независимого? Или этого боятся, не любят? Вот театр и должен это поддержать, помочь, показать, и я уверена, тогда к театру потянутся, как тянутся к огню, на который почему-то всегда хочется смотреть, не отрываясь...

— Графики? — удивился Борис Сергеевич. — А я думал, что мода на них уже отошла. Ведь это просто игрушка, выдумка, и весьма, кстати, вредная, рассчитанная на доверчивых людей. Науки здесь никакой нет, только самовнушение. Как раз это и опасно: от самовнушения очень трудно избавиться. Если вам говорят (и не кто-нибудь, а наука!): «Сегодня быть беде!» — то из страха перед мнимой опасностью вы попадете во власть фрустрации — потери уверенности в себе и не сможете справиться даже с минимальными трудностями. Сила самовнушения огромна.

Однажды во время войны инструктор сказал летчику авторитетным тоном: «Вы больны, летать не будете!» И совершенно здоровый человек действительно заболел...

Сам я был свидетелем такой ситуации. Наша машина пробиралась по узким улочкам Риги. Вдруг шофер ахнул: дорогу перебежала черная кошка. Через десять метров «Москвич» врезался в столб, хотя на шоссе мы были одни и ехали с небольшой скоростью. Вот вам и самовнушение!

А все эти графики строятся на весьма шаткой и не новой, кстати, гипотезе о трех ритмах: физическом, эмоциональном и интеллектуальном, — гипотезе, согласно которой можно якобы в день рождения предсказать всю вашу будущую жизнь до самой смерти. Многие годы об этой «теории» не вспоминали. Потом ее раскопали японцы. Настало время, когда в США, например, за монету можно было узнать о своих «кризисных» днях — автоматы стояли на каждом шагу. Стали выпускать даже часы со шкалами трех ритмов. Но фирма прогорела: интерес, внезапно появившийся, так же внезапно исчез. Однако до сих пор еще кое-кто играет в эти игры, снабжая встречных и поперечных «графиками жизни».

Теория эта лженаучна в своей основе. Незыблемых ритмов от рождения до смерти быть не может. Все меняется, организм стареет. В 40 лет человек уже не тот, что в 20, а в 60 не тот, что в 40. Изменяя характеристики суточного ритма, мы обнаружим постоянные изменения их фазы и амплитуды. А пресловутые три ритма словно выковыаны из стали и проходят через непрерывно изменяющийся организм абсолютно неизменными якобы независимо от процессов старения, болезней, перегрузок.

Что же это такое — биологические ритмы? Строгое научное определение гласит: это форма движения живой материи, в которой объективно выражается единство и борьба противоположностей — разрушения и созидания. На этом и строится процесс самовоспроизведения. Этим отличается живое от неживого. Неживое, разрушаясь, не восстанавливается.

Рациональный расход сил требует ритма: после работы — отдых, после напряжения — расслабление, сон. С древних времен ритм «закреплялся» звуками: свист косы, удары молота... Этруски под звуки флейты месили тесто, устраивали кулачные бои. Жатва, сев, молотьба — для каждого вида труда были свои песни. У некоторых народов нельзя было петь песни умершего. Это объяснимо и с научной точки зрения — у каждого свой, характерный только для него ритм. А какое удивительное чувство ритма у негров, которые из поколения в поколение сотни лет работали на плантациях!

Ритм — это закон, данный самой природой.

И биоритмология изучает самые разные ритмы, длительность периода которых от доли секунды до многих лет.

Ведущее место в системе жизненных ритмов занимают околосуточные, или циркадиальные, ритмы с длительностью периода, близкой к 24 часам. Им подчинена динамика основных состояний ор-

ганизма — сна и бодрствования, именно в этом ритме колеблется чувствительность к внешним воздействиям, их слаженность — основное необходимое условие благополучия организма, эти ритмы существуют у всех представителей животного мира — от простейших до человека, на всех уровнях — от клеточных процессов до поведения. Причем циркадиальные ритмы отличаются поразительно малым отклонением от своего среднего значения — 24 часа.

Как бы мы ни старались перестроиться, обойтись без этого близкого к 24-часовому ритму сна и бодрствования, мы не сможем работать продуктивно, живя по другому ритму. И после нескольких мучительных дней организм дней все равно будем вынуждены вернуться к обычному природному ритму. Потому что в течение миллионов лет организмы приспособились именно к земному 24-часовому ритму сна и бодрствования, дня и ночи. Естественный отбор, как сито, отсеивал наименее приспособленных, они вымирали. И если бы мы жили на Марсе и там был сточасовой ритм, то постепенно приспособились бы и к нему.

Кроме суточных, есть и сезонные ритмы, которые определяются вращением Земли вокруг Солнца. Им подчинены миграции птиц, опадение листьев осенью и появление их весной, летнее повышение давления у людей и т. д. Весной, летом, осенью достижения в ряде видов спорта на 10—15 процентов выше, чем зимой.

Есть и недельные ритмы. Не случайно говорят: понедельник — день тяжелый. После расслабления в выходные дни не просто войти в напряженный рабочий ритм. Максимальная работоспособность — в середине недели. К пятнице накапливается усталость. Проведенные в Австрии исследования показали, что максимум несчастных случаев на производстве происходит в понедельник (как, кстати, и инфарктов, самоубийств).

На Западе ученые даже ввели такой термин — «весенняя усталость». Это апатия, снижение работоспособности, депрессия, головные боли. У мужчин быстрее растут борода и усы. Увеличивается число неврозов и психических расстройств. На весну приходится пик самоубийств, преступлений, всевозможных несчастных случаев.

Ритмы очень тесно связаны с окружающей средой. Заход и восход солнца — своеобразные датчики времени, которые говорят: пора спать, пора вставать. Эти внешние раздражители помогают упорядочить наш режим сна и бодрствования, согласованности, гармонии с внешним миром. Сеченов утверждал: организм и среда едины. И только их синхронность обеспечивает высокую работоспособность, хорошее самочувствие. Наше благополучие определяется степенью согласованности с внешним миром. Когда эта согласованность исчезает, возникает десинхроноз — состояние организма в период рассогласованности ритмов.

— В каких ситуациях десинхроноз проявляется наиболее ярко?

— Простой пример. Вы прилетели из Москвы в Петропавловск-Камчатский. В столице был день — здесь ночь. Вы плохо себя чувствуете, аппетит пропал, ночью не можете заснуть, а днем ходите сонный, все валится из рук...

Разница во времени даже в два-три часа дает себя знать. Людей, нечувствительных к таким перелетам, очень мало.

Десинхроноз возникает из-за перестройки суточных ритмов на новый лад. Некоторые функции перестраиваются быстрее, другие живут по старому — «расписание» до трех месяцев. Но спустя даже и это время полной адаптации не происходит. Перестройка идет, словно поезд, проезжающий станцию: одни вагоны подошли, другие еще в хвосте состава. Такую затяжную, поэтапную перестройку природа придумала очень

Доктор медицинских наук

БОРИС АЛЯКРИНСКИЙ

БИОРИТМЫ

на большие расстояния. Биоритмы не успевают перестроиться, допустим, с московского на токийское время и обратно. Могут возникнуть серьезные нарушения сна, желудочно-кишечные расстройства, невротические состояния. Это одна из важнейших проблем авиационной медицины. По данным французских ученых, семьдесят восемь процентов летчиков страдают от частой смены часовых поясов, особенно молодые. Те, кто поопытнее, как можно быстрее возвращаются домой, стараясь соблюдать привычный распорядок. Без этого невозможно профессиональное долголетие. Кстати, по мнению некоторых ученых, долгожители — это как раз те, кто никуда не летает, а сидит дома.

Что касается полетов в космос, то тут перед учеными стоят сложнейшие задачи. Возникло новое направление в науке — космическая биоритмология. Герман Титов заметил, что понятия «день» и «ночь» для него стали во многом условными, переместились в сознание. А это, кстати, предсказывал еще Циолковский в своей научно-фантастической повести «Вне Земли». Космонавты, участвовавшие в длительных полетах, отмечали, как сложно адаптироваться к суткам, отличающимся от 24 часов. Так, Виталий Севастьянов на 31-е сутки полета «Союза-18» — «Салюта-4», экипаж которого жил по графику 23,5-часовых суток, признался: «Главный бич для нас — сон. И даже не сон, а режим дня. У нас просто дурацкий режим дня: каждые сутки он смещается на полчаса... Не можем привыкнуть к этому распорядку и мучаемся». А вот что сказал по поводу 24-часового режима суток в полете «Салюта-6» Георгий Гречко: «Главное, на мой взгляд, что помогло нам сохранить хорошее рабочее настроение в течение трех месяцев, — это качественное изменение в организации труда на станции. Впервые экипаж имел возможность работать в земном ритме. Практически все три месяца твердо выдерживался привычный режим дня, привязанный к московскому времени...»

Ритмы начинают «барахлить» и там, где царят полярный день или полярная ночь. В Арктике, Антарктиде человеку очень тяжело. Нет датчиков времени, ночью и днем все время светло или темно. Я был в Арктике, в самых отдаленных ее уголках. Не знаешь когда ложиться, когда вставать. Лежишь — не можешь заснуть, встаешь — тянет ко сну. Все смещается. И те, кто не может заставить себя жить по 24-часовому ритму, часто через месяц-два возвращаются на материк больными, с неврозами. Чтобы не выбиться из ритма, необходимо заниматься саморегулированием, аутотренингом.

«Сбой» ритма «день — ночь»,

«сон — бодрствование» бывает и у тех, кто попадает в ночную смену. Это важная государственная проблема. У тех, кто занят в ночную смену — на заводах, в типографиях, в пекарнях, на «Скорой помощи» нарушается суточный ритм. Все спят — ты работаешь, все работают — ты спишь. Интересные исследования в течение двадцати лет проводились среди ночных смен метростроителей. Выяснилось парадоксальное явление. Когда метростроители работали ночью, то их биоритмы «жили» в ночном, замедленном ритме. А когда ложились спать — в дневном, «быстром» ритме. То есть организм испытывал перегрузки, не успевая восстанавливаться, отчего и падала производительность труда.

Но вот построили специальный профилакторий с полной имитацией дня «под ночь»: затемнение, соответствующая влажность, температура, полная звукоизоляция. И биоритмы (а значит, и люди), которые не могли перестроиться двадцать лет, сделали это за полгода!

Всегда и всем нужен правильный режим. Мы приходим с ночной работы и сразу ложимся спать. Потом встаем, идем по магазинам, что-то делаем по дому. То есть действуем по схеме: работа — сон — свободное время. Но сразу не стоит ложиться спать. Нужна другая схема: работа — свободное время — сон. Спать нужно непосредственно перед работой. Иначе в ночную смену вы пойдете не отдохнув, а уже устав.

Сон нужно уметь организовать. Сон — это ремонтно-восстановительная работа организма. Какие-то процессы во время сна затормаживаются, какие-то, и очень важные (например, восстановление клеток), активизируются.

Но ведь бывают ситуации, когда человек сам, по своему желанию решает работать ночью: студент в сессии, аспирант, готовящийся к защите диссертации... Можно ли «обмануть природу»: трудиться ночью, когда никто не мешает, а спать днем?

Французские спелеологи два месяца провели в глубокой ледяной пропасти в полном одиночестве. О сне и пробуждении они сообщали по телефону. Их «сутки» были длиннее обычных всего на 21 минуту.

В течение месяца проводили эксперимент и американцы. Ночью не спали, однако продуктивность ночной работы падала практически до нуля.

Англичане исследовали семь человек. Адаптироваться к ночному бодрствованию не смог никто.

Немало подобных экспериментов проводили и у нас.

Другое дело, если у человека свой, индивидуальный, «ночной» ритм.

На одной своей лекции я получил записку: «Моя дочь-школьница может

заниматься только ночью. Запрещай, не запрещай — все бесполезно. Как быть?» Я ответил: ничего не надо делать. Тем более, если она хорошо учится. Просто эта девочка «сова». И быть «совой» совсем неплохо. По некоторым данным, этот тип менее других подвержен дезориентации, панике. То есть «сове» присущи те качества, которые необходимы людям критических профессий: космонавтам, летчикам, пожарным, саперам.

«Сов» не так уж и мало — 30—40 процентов, тогда как «жаворонков» — тех, кто рано ложится и рано встает, — 20—25. Все остальные — «голуби» — нечто среднее между «совами» и «жаворонками».

Известно, что только ночью мог работать Маркс; когда угодно мог спать Гагарин и, проспав даже полчаса, вставал бодрым, отдохнувшим...

— Борис Сергеевич, недавно вы вернулись с международного симпозиума по биоритмологии. Расскажите, пожалуйста, о нем.

— Советско-немецкий симпозиум «Хронобиология и хрономедицина» проходил в ГДР. (Хроно — значит время, то есть биология и медицина, которые учитывают фактор времени.) Кроме СССР и ГДР, в симпозиуме участвовали ученые из США, ФРГ, ЧССР, Болгарии, Голландии, Польши. Было сделано более восьмидесяти докладов, в которых большое внимание уделялось эффективности хронотерапевтического метода лечения (по сравнению с традиционным). Так, гипертоник при учете суточного ритма выздоравливал в 2—2,5 раза быстрее, и препаратов при этом использовалось в полтора раза меньше.

Прошедший симпозиум — определенный этап в развитии биоритмологии, он показал, как используются ее достижения. Стало очевидным и то, что советские ученые в этой области опережают западных специалистов.

— Борис Сергеевич, наверняка развитие биоритмологии не обходилось без столкновения разных точек зрения, борьбы идей? Какие взгляды и идеи существуют сегодня среди ученых-биоритмологов?

— Одна из теорий, с которой мы не согласны, утверждает, что биологические ритмы — это ответ на реалии окружающей среды. Существует мнение, что среда навязывает свой ритм. Однако это не так. Ритм — внутренний закон жизни материи, а не внешний. Другие считают, что ритм подобен условному рефлексу. Так, например, при звоне посуды перед обедом у человека начинает выделяться слюна. При условном рефлексе перестройка происходит крайне легко. Дайте сигнал в другое время — будет то же самое. Вы наверняка быстро привыкните, если потребуются переходить улицу не на зеленый, а на красный свет, у вас выработается условный рефлекс. Однако мы утверждаем, что ритм — это не условный рефлекс, а закон природы, и отказаться от земного 24-часового ритма нельзя, иначе грозит истощение.

Две эти теории поддерживают весьма солидные ученые. У нас в стране их сторонников становится все меньше, на Западе же эти позиции еще сильны.

Бытует и утверждение, что существуют внутренние, «биологические часы». Приверженцы этой гипотезы пытаются найти некий центр, который задает организму свой ритм...

Есть версия, отрицающая существование биоритмов вообще.

Наша точка зрения такова: биоритм не имеет никакого «центра», он заложен самой природой. Ритмичность — основное свойство жизни. И все в организме подчинено ритмичности, единству и борьбе противоположностей — разрушению и созиданию.

мудро. Если бы десятки тысяч ритмов перестроились мгновенно, это очень дорого стоило бы организму энергетически. Происходит же все таким образом: сначала перестраиваются важнейшие функции — сон, работоспособность, аппетит. Если мы задерживаемся на новом месте надолго, происходит полная перестройка, если вскоре возвращаемся обратно — только частичная.

Пилоты, стюардессы, журналисты, дипломаты, бизнесмены часто летают

Евгений ФЕДОРОВ

I Всесоюзный телевизионный конкурс молодых исполнителей современной советской песни — событие в общем-то необычайное.

Пожалуй, нет ни одного вида искусства, столь стремительно меняющего «цвет и форму», как это делает молодежная эстрадная музыка. Журналисты и музыковеды не успевают окрестить очередную «новую волну», как она уже выходит из моды под давлением еще более модных направлений и стилей.

Однажды я случайно слышал, как девушка жаловалась своей подруге: «Каждый день не высыпаясь! Папа просыпается и на полную мощь свой хардрок ставит...» Конечно, ситуация курьезная, особенно если учитывать, что этот папа — потенциальный дедушка, который и внукам жизни не даст со своим «Лед зеппелином». Но суть не в этом, суть в том, что сейчас можно откровенно признаться: целое поколение любителей популярной музыки было потеряно для нашей эстрады. Оно выросло на песнях западных групп. И здесь не до смеха...

Интерес к популярной музыке возрастает из года в год, особенно у молодежи. Последние годы знаменательны возросшей заинтересованностью молодых людей советской эстрадной музыкой. И если еще лет пятнадцать назад выбирать на этом поприще было просто не из чего, то сегодняшнее юное поколение имеет хоть и недостаточную, но альтернативу западному року — будь то «Ария», «Автограф», «Машина времени» или Пугачева, Антонов, Леонтьев. Однако даже в этих «трех соснах» человеку несведущему довольно легко заблудиться и потеряться. В свое время, как свидетельствует классик, крохотный спросил: «Что такое хорошо и что такое плохо?» На этот философский вопрос в приложении к эстраде однозначно не ответить. Почему же?

— А как можно разобраться в том, что у нас есть на данный момент, если у нас нет ни одного рок-фестиваля? — говорил в одном из предъюрмальных интервью Раймонд Паулс. — В этом году мы в первый раз будем пробовать провести фестиваль типа Сопота в Юрмале. Мы хотим собрать молодых певцов, которых пока еще никто не знает... Им нужно хотя бы одно место, где бы их сразу заметили и телевидение, и критики, и пресса. Может быть, ничего не получится с первого раза, но делать это нам нужно. Фестиваль-конкурс — это единственное средство, чтобы поддержать талант, помочь ему выбиться на большую эстраду.

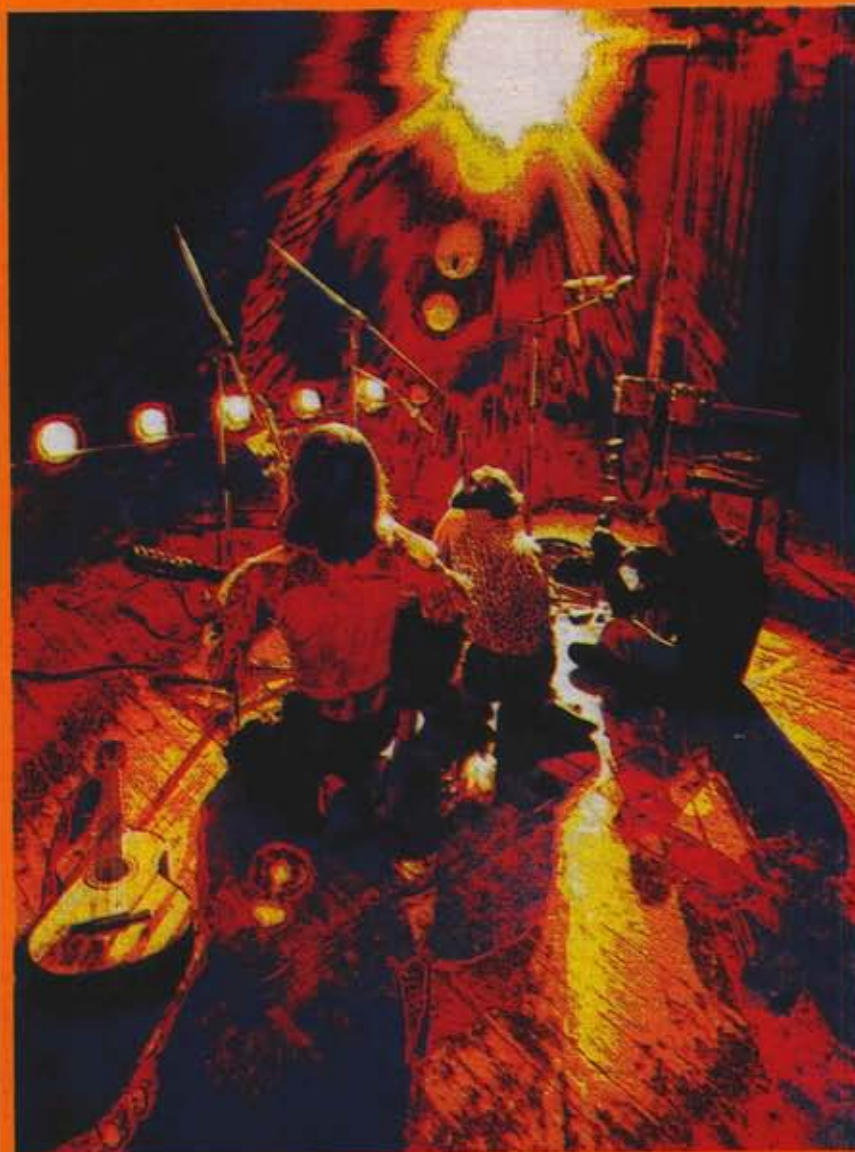
Но вот долгожданный конкурс состоялся. Лауреаты определены, призы вручены, все запомнили счастливые лица победителей. Кто же они, обладатели призов и дипломов «Юрмалы-86»?

Всего в конкурсе принимали участие 27 молодых исполнителей, младшим из которых 16, а старшим — 29 лет. В финальный, второй тур конкурса вышли 12 лучших. Они и боролись за главные призы музыкального состязания.

О том, как прошел конкурс, много писали. Миллионы телезрителей были свидетелями этого праздника песни. Звучали голоса молодых талантов по радио. Напомним только, что Гран при конкурса был удостоен двадцатичетырехлетний Родриго Фомин из Риги. Первое место заняла Наринэ Арутюнян (Ереван), второе — Валентина Легкоступова, третье поделили Айс Булуктаева (Элиста) и Светлана Медяник (Ленинград). Многие участники были награждены специальными призами и дипломами.

Но будет ли закреплен успех победы

ПОСЛЕСЛОВИЕ

телей? Что ждет их в будущем? Ведь практически каждый из участников конкурса в той или иной мере достоин дальнейшего внимания со стороны средств массовой информации. Или же мы еще год-другой посмотрим в различных телевизионных программах отрывки из видеозаписи «Юрмала-86», и все? Ведь во время и после конкурса члены жюри, журналисты, музыкальные критики были едины во мнении: профессиональный уровень молодых исполнителей очень высок. Но есть и другая проблема — «молодежный» репертуар, он по-прежнему остается одной из самых болевых точек нашей эстрады.

В этом году состоялся VII Всесоюзный съезд композиторов, где были затронуты вопросы развития всей советской музыкальной культуры. Много внимания уделялось и проблемам эстрадной, в частности танцевальной, музыки для молодежи. Съезд прошел, а музыки все нет. Да и кто из профессиональных композиторов работает в этом жанре? Можно назвать два-три имени. А потребности в такого рода произведениях огромны. А посему магнитофонные записи рок-групп и солистов (далеко не всегда самых лучших) пользуются у молодежи гораздо большей популярностью, чем продукция фирмы «Мелодия». Впрочем, в последнее время дело, кажется, двинулось даже в этой цитадели признанных навек авторитетов...

они всех своих собратьев по музыке оставят без «авторских». И, мол, в этом вся загвоздка. Вряд ли такое суждение справедливо и правомерно, но даже если в нем и есть доля правды, то сдерживать напор рок-музыки таким образом не выход. Но, возможно, корни этой проблемы уходят в сферу творчества? Например, музыка не отвечает элементарным художественным стандартам. Но немногочисленные, увы, примеры свидетельствуют об обратном. Песня Чернавского «Робинзон» в свое время заняла первое место в «хит-параде» по странам Скандинавии, с большим успехом прошли гастроль группы Стаса Намина в ФРГ, успешно выступил «Автограф» на фестивале в Дании. Список удач можно продолжить... Так в чем же дело?

— Вся беда в том, что в худсоветы очень часто входят люди некомпетентные, далекие от понимания жанра, — говорил в одном из интервью Юрий Чернавский. — Они работают по старым меркам. Те требования, которые предъявляются к современной популярной музыке, не оправданы, не отвечают духу времени. Они, может быть, вполне подходят для другого жанра, но здесь в случае их выполнения песня становится безликой, неинтересной и несвоевременной. Как большинство известных произведений подобного рода...

Значит, все-таки виноват формальный подход, нежелание работать «в ритмах» времени.

И все же положительные сдвиги четко видны во всех областях жизни нашей страны, а это реальная основа для оптимизма.

В Юрмале на суд зрителей был представлен довольно широкий песенный спектр: обработки народных песен, известные шлягеры, «авангардные» работы, классика советской эстрады... Конечно, оптимальный вариант эстрадной песни — шлягер, который нравится всем возрастным категориям слушателей. Но на конкурсе молодых исполнителей хотелось бы больше слышать именно музыку молодых.

У каждого жанра свои законы. В эстраде эти законы распространяются не только на музыкальный материал, но и на манеру исполнения. Наиболее интересные работы в этом направлении показали певцы из Прибалтики Эйнас Витолс и Эгидиус Сипавичюс. Современные ритмы их песен и интересная, нестандартная исполнительская манера внесли в несколько камерный характер состязания свежую, зажигательную струю. И что самое главное — под эти песни молодежь может танцевать! К сожалению, таких работ было очень и очень немного.

И последнее. Конкурс станет ежегодным. Появилась надежда на постоянный приток новых звезд эстрады, которые смогут удовлетворить самые разнообразные музыкальные потребности. Мы полностью присоединяемся к мнению Раймонда Паулса о том, что у нас существует острейший дефицит эстрадных звезд. Он говорил:

— Если бы мне предложили выбрать молодого певца для участия в «каком-нибудь Сан-Ремо», я бы долго думал. И это плохо!.. Мы остановились на трех-четыре фамилиях: Пугачева, Ротару, Леонтьев... и все. И этой проблеме надо уделять самое пристальное внимание.

Что ж, первый уверенный шаг уже сделан в этом направлении. Дело за «Юрмалой-87».

Завещание

КОЛУМБА

Братья ВАЙНЕРЫ

Из-за приоткрытой двери раздавался громкий голос:

— Нет, нет, Семен Петрович, вы это не понимаете... У нас для этого нет возможностей... Да что страда — в милиции всегда страда...

Слова были круглые, отчетливые, точно разделенные между собой — цепочкой воздушных пузырей вылетали они из кабинета в сонную тишину пустого коридора и гулко лопались в неподвижном сумраке вокруг меня.

Я постучал и вошел в комнату, не дожидаясь ответа, — за столом разговаривал по телефону молодой капитан, и я удивился, что у такого юного блондинчика ярко выраженный командирский голос.

Он показал мне рукой на стул и зычно сказал в трубку:

— Нет, Семен Петрович, не могу, и не просите... Вы это не понимаете... На заметку возьмем обязательно, а практически пока обойдемся разговорами...

Я подумал, что от его голоса в телефонных проводах должно подсказывать напряжение. Юша Бутов сказал о нем: интеллигентный милый человек, заместитель по розыскным делам Зацаренный.

Он бросил на рычаг трубку и поднял на меня голубые навывкате глаза.

— Слушаю вас... — И слова, как детские шарики, один длинный, а второй круглый, гулко ухнули надо мной.

Продолжение. Начало в № 1.

— Моя фамилия Тихонов, я приехал из Москвы на похороны Николая Ивановича Коростылева и вот решил зайти к вам...

— Да, да, да, — закивал огорченно Зацаренный, — я в курсе дела. Очень печальная история. Уважаемый был человек. Только не знаю, чем мы вам можем быть полезны...

— Вы знаете о телеграмме, которую прислали Коростылеву?

Зацаренный на миг задумался, будто вспоминал, о какой телеграмме идет речь, потом сказал неопределенно:

— Да, я слышал об этой истории... Очень жаль, что такое еще случается в нашей жизни...

— А кроме человеческого сожаления по поводу таких прискорбных фактов, у вас нет каких-либо еще побуждений? — спросил я.

— Не понял, — шумно удивился Зацаренный. — Что вы имеете в виду?

— Я имел бы в виду возбудить дело, например... Провести тщательное расследование, попробовать разыскать автора телеграммы...

Голубые выкаченные глаза Зацаренного польхнули грустной усмешкой профессионала, обывкавшегося с человеческими горестями и умеющего отделить естественные эмоциональные всплески от разумно-прозаических условий жизни.

— Я вас понимаю, товарищ Тихонов, вашему горю сочувствую... Вы, видимо, близкий человек покойного?

— Близкий, — кивнул я. — Думаю, что был близкий...

— И мне понятно ваше справедливое желание наказать этого дурака, пославшего телеграмму... Но, к сожалению, это не в наших силах.

Органное рокотание голоса Зацаренного меня подавляло. Я робко спросил:

— Отчего же?

— Оттого, что смерть учителя Коростылева — я имею в виду общественный смысл — скорее напоминает несчастный случай, последствие стихийного бедствия, чем результат преступления...

— Очень интересная точка зрения, — заметил я.

— Боюсь, что нам надо признать этого неизвестного дурацкого хулигана чем-то подобным случайному удару молнии или упавшему с крыши на голову кирпичу, — развел руками Зацаренный, доверительно наклонился ко мне, и узкий луч заходящего в окне солнца ярко вспыхнул в голубой эмали университетского ромбика на правой стороне его мундира.

— Хочу обратить ваше внимание, — сказал я, — что ни молния, ни рухнувший кирпич не обладают злой волей. Иначе говоря, умыслом...

— В том-то и дело, — вздохнул Зацаренный. — Вы это не понимаете, что с точки зрения закона мы никогда не сможем доказать наличие умысла на убийство Коростылева у человека, отправившего телеграмму. Даже если допустить, что мы его найдем, а это весьма маловероятно. Но и в этом случае он скажет нам, что просто хотел пошутить. Что с него, дурака, возьмешь? Никогда такое дело через суд не пролезет, вернут его нам или прекратят совсем. А то и, глядишь, оправдают этого кретина. А нам в отчетность — брак!

— Бойтесь отчетность испортить?

— Не боюсь! — отрубил Зацаренный. — А не хочу! Хорошая отчетность, с точки зрения демагогов, — работа службистов, карьеристов и бюрократов. А на самом деле хорошая отчетность — это зеркало нашей работы. И цифры в отчетности — отражение нашей жизни. Поэтому я и борюсь за хорошие цифры. У меня на сегодня три кражи не раскрыты и один грабеж, вчера в общежитии строителей драка приключилась — виноватых нет, сейчас на повестке дня непримиримый бой самогонщикам и алкоголикам. Вот это все реальные преступления, по которым я должен отчитаться. И за эту отчетность я болею и, как вы говорите, портить ее не хочу...

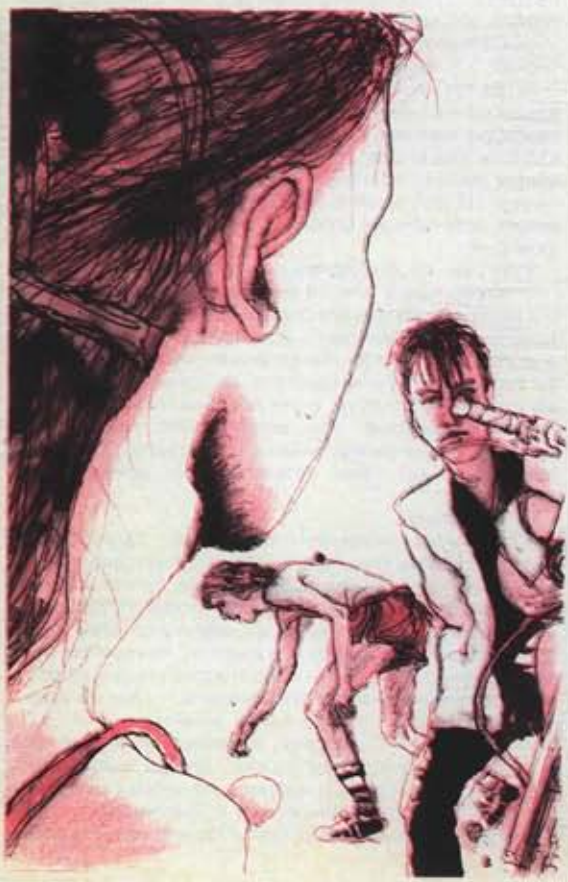
Я видел, что он устал от разговора со мной. А может быть, просто устал за день. Сегодня суббота, а он на месте. Вообще говорить таким гулким утробным голосом — это само по себе утомительная работа вроде целодневного раздувания мехов. Да я и не хотел заводиться.

— Мне приятно, что вы переживаете из-за нераскрытых краж и грабежа, — сказал я. — Но непонятно, почему вы решили заранее, что телеграмму учинил дурак, кретин или глупый хулиган. А может быть, злодей?

Зацаренный с досадой пожал плечами:

— Я вам уже объяснял, что существует понятие юридической процессуальной бесперспективности. Закон предусматривает такие случаи. — Он с досадой ткнул в стопку книг на столе. — Статья 108 Уголовно-процессуального кодекса гласит: «Дело может быть возбуждено только в тех случаях, когда имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления». Недвусмысленно ясно! Это закон!

— А мне неясно, — спокойно ответил я. — В научном комментарии к статье 108 указано, что для возбужде-

ния уголовного дела достаточны данные, свидетельствующие о наличии преступного события, хотя бы они и не содержали указания на конкретного виновника. Мне не изменяет память?

Зацаренный растерянно помолчал, потом вперил в меня свои голубые буркатые глаза:

— Вы что — тоже юрист?

— Я тоже юрист. Я ваш коллега, старший оперуполномоченный МУРа...

Зацаренный засмеялся и спросил:

— Что же вы, коллега, цитируете комментарий со второго пункта? Там ведь, если помните, есть пункт первый. И подтверждает он мою правоту...

— Это почему еще?

— Потому что там сказано: «Данные, свидетельствующие лишь об антиобщественных, но уголовно ненаказуемых поступках, не могут считаться основанием для возбуждения уголовного дела». Вот так...

Я слушал Зацаренного и все больше убеждался, что его голос так могуч и убедителен, потому что возникает не как у нас всех — в маленькой гортани, а формируется мощным желудочно-кишечным трактом, где-то там глубоко, в неведомых словесных недрах рождается эта звуковая стихия. Его речь была непохожа на мое жалобное колебание воздуха, это было неисчезающее дрожание эфира — это звучал величественный Лагос, имеющий массу и объем.

— Мне кажется, мы не можем договориться потому, что вы заранее твердо уверены, будто автор телеграммы просто злой глупец, совершивший аморальный антиобщественный поступок...

— А вы твердо уверены, — перебил меня Зацаренный, — что это злой демон, спланировавший умышленное убийство почтово-телеграфным методом...

— Нет, я в этом не уверен, — покачал я головой. — Но считаю при нынешних-то трагических и в то же время достаточно таинственных обстоятельствах всякое предварительное теоретизирование неуместным. Я бы хотел, чтобы следствие дало ясный и недвусмысленный ответ — кто он, человек, отправивший телеграмму? И зачем он это сделал? Или почему он это сделал...

— Да, я с вами согласен, — вздохнул Зацаренный. — Но мы же с вами практики, реалисты и знаем, что раскрутить подобную глупость в сто раз труднее, чем любое хитроумное изощренное убийство...

— Опять — двадцать пять! Мы с вами не знаем — глупость это или изощренное убийство...

— Хорошо, хорошо! Я с вами не спорю! — замахал энергичными ручками, загрозил надо мной Зацаренный. — Я хочу вам задать товарищеский коллегийный вопрос. Вот вы работник МУРа, можно сказать, образцовой, лучшей розыскной службы. Представьте, что к вам обратились с подобным материалом. Вы бы настаивали на возбуждении уголовного дела? С перспективой вечной нераскрываемой «висячки»?

Экий паршивец! Он поставил меня в невыносимую позицию демонстрации своей добродетели. Но у меня нет возможности кокетничать и жеманиться. И я твердо ответил:

— Я лично возбудил бы. Я надеюсь, что вы освободите меня от предъявления своего послужного списка и доказывания моей добросовестности...

— Упаси бог! — взорвал акустическую бомбу Зацаренный. — Я вам верю. Но один мой очень умный друг

всегда говорит, что никакой следователь не должен, не может расследовать дело, связанных с судьбой близких людей, как ни один хирург не станет оперировать дорогого ему человека. Руки дрожат!

— Да, у меня дрожат сейчас руки, — сказал я. — Может быть, ваш друг и правильно говорит про хирургов...

— А про нас? — усмехнулся Зацаренный.

— Про нас? Я вот только сейчас понял, что когда каждое дело будет волновать тебя лично так, будто тебя самого режут, тогда правосудие будет обеспечено, как надо...

— К сожалению, если смотреть на вещи реально, это невозможно. И когда горечь утраты стихнет и вы немного успокоитесь, поймете, что нельзя боль всего мира принять на себя... Вы не понимаете, что...

Я встал, дальнейший разговор мне представлялся бесплодным. Образованный, приличный человек, наверняка честный работник. Особая порода людей, которые начинают и завершают любой спор заявлением «вы не понимаете, что...».

Зацаренный протянул мне руку, напутственно гулко прогрохотал:

— Мы, конечно, что сможем, проверим... Хотя особых надежд не питаю... Да и семья покойного ни с каким заявлением не обращалась... Вы им скажите... чтобы все было в установленном порядке...

На автомобильной стоянке, кроме моего «жигуленка» цвета «коррида» уже никого не осталось. Все разбегались. На опустевшей площади валялись оранжевые кляксы апельсиновой шкуры, пустые сигаретные пачки, ветерок разносил клочья бумаги. Черным колодцем зияла брошенная на асфальте лысая покрывка с грузовика. Налившееся тяжелой краснотой солнце садилось в пепельно-свинцовые горы облаков.

Я подошел к машине и увидел, что рядом с водительской дверью сидит Барс. Завыл он тоненько и посунулся ко мне.

— Ты как меня разыскал? — потрепал я его по загривку, и Барс длинным горячим языком лизнул мне ладонь. — Садись в машину, поедем домой. — Я открыл заднюю дверцу, и Барс ловко прыгнул в кабину.

Я сел за руль, повернул в замке зажигания ключ, и мотор ровно, сильно заурчал, плавно включилось сцепление, медленно покотился по пустынной площадке автомобильчик. Во всем городке пахло сиренью и пылью. Безлюдно и тихо. Только у подъезда Дома культуры толпились люди, доносился хохот и взвизгивания девчат. Свернул на зеленую Командантскую улицу, навстречу со свистом, как стрижи, промчалось два пацана на велосипедах, и снова стало пусто и тихо, залито неверным сумеречным светом майского заката.

У меня было ощущение, будто я сплю. Снится диковинный, странный сон, пугающий, неприятный, я знаю, что это сон, но стяхнуть его мягкое, обволакивающее ярмо не могу. И поскольку во сне мы ничему не удивляемся, я уже принял смерть Кольяныча, и теперь надо что-то делать, разговаривать, действовать, но, как во сне и бывает, я не знаю своей роли, не понимаю, что мне надо предпринять, какие слова я должен говорить.

Слева впереди меня по тротуару широко вышагивала статная крупная женщина с развевающимся хвостом светлых волос. Я притормозил около нее, высунул в окно:

— Садитесь, Екатерина Сергеевна, довезу вас до дома...

Завуч в первый момент отшатнулась, потом узнала меня, усмехнулась:

— Да нет уж, спасибо... Я не домой, и идти мне тут рядом совсем...

— Тогда я могу вас проводить, — предложил я.

— А чего проводить? — громко засмеялась она, и ее смех вспорхнул в зеленых сумерках жестяной птицы. — Тут у нас не заблудишься, все рядом...

Я уже вылез из машины, скомандовал негромко Барсу: «Охраняй» — и подошел к задержавшейся в нерешительности женщине. Вихоть, ее зовут Екатерина Сергеевна Вихоть.

— Я все равно хотел вас повидать, мне надо с вами поговорить по делу, — сказал я настырно, а она пожалала плечами, нехотя согласилась:

— Если по делу, то конечно...

— А вы опасаетесь, что бездельные вечерние прогулки с малознакомым мужчиной вас могут скомпрометировать? — поинтересовался я.

— Меня никакими бытательскими сплетнями не скомпрометируешь, — резко врубил она мне. — Но заботиться о своей репутации педагога я обязана...

Она была сейчас похожа на дот — огромное неприступное сооружение, которым стремятся завладеть какие-то несуществующие захватчики. А может быть, она нарочно придуривалась, стараясь оттянуть время? Может быть, ей сейчас не хотелось говорить со мной?

Но я уже страхнул с себя оцепенение просоночности, я делал привычное мне дело — разговаривал с людьми. Дело в том, что настоящая розыскная работа — это не ползание по земле в поисках следов и не преследования, не охота, не засады. Это просто

разговоры. Много разговоров. С людьми интересными и противными, искренними и лживыми, мудрецами и дураками. Горы слов просеиваются через сито моего интереса, массу сведений трясу я на грохоте своих представлений о возможном и необходимом, пока не заблестит на дне искорка правды, бесценная крупница истины.

— Заверяю вас, Екатерина Сергеевна, что я человек очень строгих правил и знакомство со мной никоим образом подорвать вашей репутации женщины и педагога не может...

— Я не в том смысле... — слегка смутилась Вихоть, получив от меня гарантии, что я не начну прямо здесь, на вечерней улице, терзать ее репутацию. — Я это так сказала, вообще...

— Вот и я сказал так просто, вообще. — Мы пошли потихоньку по улице рядом, но взять ее под руку я не рискнул, поскольку от такой ревнительницы своей репутации за подобную вольность можно было бы в два счета схлопотать по физиономии. Несчастные беззаветные хранительницы рубежей, на которые никто не посягает!

— Как вы думаете, Екатерина Сергеевна, кто мог отправить Коростылеву эту телеграмму?

— А почему вы именно меня об этом спрашиваете? — вскинулась Вихоть.

— Я об этом спрашиваю всех, — мягко пояснил я. — А ваше мнение для меня особенно ценно...

— Интересно знать: почему же мое мнение вас интересует особо?

— Я старался не смотреть на эту говорящую лошадь, только вслушивался внимательно — ее голос подрагивал, она странно реагировала на мои естественные вопросы.

— Вы же много лет вместе работали, хорошо знали Николая Ивановича. Вы, кажется, тоже словесница?

Она кивнула. В задумчивости она не замечала, что все время убывает ход, мы начали с вялого прогулочного шага, а сейчас она топала рядом со мной дробной, тяжелой рысью.

— Вы, Екатерина Сергеевна, завуч, на вас так или иначе замыкаются все преподаватели, ученики и их родители. Вы лучше других можете знать, к кому из них следует внимательнее присмотреться...

— Этого я не знаю! Мне вообще неприятно думать, что подобное могло быть как-то связано с моей школой...

— Приятно или противно, тут уж считаться не приходится. Думать надо, и для меня будут очень ценны ваши соображения...

— А какие у меня могут быть соображения? Скорее всего это сделал кто-то из старшеклассников. Очень трудная подрастает молодежь...

— Да, я думаю, что во все времена подрастающая молодежь была трудной для взрослых. А у кого-нибудь из старшеклассников конкретно были с Коростылевым конфликты?

— Ну, этого я не могу сказать... Вообще Коростылев был человек прекрасный, но согласиться с его педагогической методикой я не могла. Особенно в последнее время... Может быть, это у него возрастное. Да что сейчас говорить...

— А что вас не устраивало в его педагогическом подходе?

— Да разве во мне дело? У него ребята распустились... После его уроков другим педагогам было трудно владеть классом...

— Поясните мне, Екатерина Сергеевна, что это значит... Я ведь в школьных делах профан.

— Да тут не надо быть специалистом, есть аксиома взаимоотношений учащихся и преподавателей. — Мы свернули направо в сонный переулок, и сразу же на столбах заморгали, затеплились лампы дымным сиреневым светом, постепенно налившимся яркой голубизной. И рой мошкеры заходил кружащейся сетью вокруг истекающих слабым, неуверенным свечением фонарей.

Завуч не то досадливо, не то сердито сказала:

— Коростылев или не мог, или не считал нужным поставить необходимый барьер между собой — воспитателем — и учениками — воспитуемыми. А без этого водораздела педагог обязательно спускается с высот своего опыта и авторитета до уровня детей. Ведь школьники — это дети, и они должны точно знать, что такое дисциплина, что можно, чего нельзя, где проходит грань между ними и взрослыми... Сейчас и говорить-то об этом неуместно, но доходило до курьезов...

— А именно?

— Да этим «именно» числа нет. Ему балбес-десятиклассник Самочернов официально заявляет на уроке, что считает Высоцкого поэтом лучше Маяковского, а Коростылев вместо того, чтобы поставить на место этого наглеца, начинает вместе со всем классом абсолютно серьезно разбирать, почему им нравится сейчас Высоцкий. — Она тихо взглянула на меня и с искренним ужасом тихо сказала: — Они на уроке пели Высоцкого... С ума сойти можно...

— Екатерина Сергеевна, а может быть, это все выглядит не так драматически? Может быть, Коростылев на этом уроке соединил для детей кажущийся им разрыв между Маяковским и Высоцким?

— Нет! Этого не может быть! Можно только разру-

шить вечные ценности в неустоявшемся детском сознании...

— Екатерина Сергеевна, я не педагог, в теории воспитания понимаю мало. Но я хорошо знал Коростылева. И вот какой вопрос возник у меня: а вдруг он не опускался до детского уровня мышления, а поднял их до себя? Вдруг он сам восходил к удивительному миру детского чувствования, нам, взрослым, уже недоступному?

Вихоть раздраженно фыркнула.

— Прекраснодушные разговоры постороннего человека! Вы знаете, какая у учителя основная задача в классе? Не дать ученикам сесть себе на шею!

Я засмеялся:

— А я по простоте своей думал, что преподаватель должен научить ребят знанию наук и человеческого поведения...

— Безусловно! Но это цель! А метод — не дать себя оседлать развеселой ораве в тридцать человек, иначе никаких знаний преподать им невозможно...

— Екатерина Сергеевна, я сам учился несколько лет в классе у Коростылева, и ребята мы были не менее бойкие, чем нынешние. Но никогда нам не удавалось да и, честно говоря, не хотелось оседлать Коростылева... Не знаю, может быть, он постарел сейчас...

— Я и не говорю, что именно его класс мог оседлать. Но постарел он безусловно. Иначе и нельзя объяснить то, что он говорил ребятам...— Она шла уже такой дробной рысью, что тряса тротуар.

— А чего же он такого говорил?— всерьез удивилась я.

— Да сейчас-то и вспоминать об этом неуместно, но Николай Иванович дошел до того, что его отдельные высказывания нельзя расценить иначе как религиозную пропаганду...

— Что? Что вы говорите такое?

— То, что слышите! Он объяснял ребятам, что Александр Невский не более не менее — святой... Да-да! Христианский святой...— Она дышала возмущенно-тяжело, искренне.

Я засмеялся: через множество лет сквозь кривую призму ее убогого воображения и затаенного недоброяжелательства вернулся ко мне старый урок Кольяныча.

...— Запомните, дети, никогда не рано совершить доброе, никто не может быть слишком молод для подвига — великому князю Владимирскому Александру Невскому на Чудском озере было двадцать три года. А почти через полтысячи лет он был причислен к лику святых и канонизирован. Не потому, что церковь осознала его святость, а потому, что Петр I нуждался в легендарном великом герое, который отвечал житейским представлениям простых людей о святости, то есть самом дорогом нам, самом заветном, навсегда связанном с истиной, благом, любовью и преданностью нашей Отчизне. И от этого имя Александра Невского, как и полагается святому, нетленно, ибо приходит к нам из мглы времени всякий раз, когда земля наша в беде и опасности...

— Вы смеетесь?— сердито выкрикнула Вихоть.

— Нет, я не смеюсь. Я грущу. А вы считаете, что детям не надо говорить о том, что Александр Невский был прославлен и почитаем как святой благоверный воитель?

Вихоть круто повернула направо в тенистый зеленый переулочек, слабо освещенный старыми желтыми фонарями, застроенный деревянными домишками с лавочками у калиток, она так резко рванула в сторону, что я чуть не пролетел мимо, но сумел сманеврировать и устремился вдогонку ее размашистому мощному шагу.

— Да, я уверена, что это ненужная, вредная информация, мешающая окрепшему детскому сознанию выработать четкое, ясное мировоззрение...

Я вздохнул:

— Бедный Владимир Мономах...

— При чем здесь Мономах?— настороженно-подозрительно спросила завуч.

— Дело в том, что основателя и собирателя Руси тоже почитали святым.

— Ага, я вижу, Коростылев воспитал достойного ученика!— ядовито заметила Вихоть, и я легко представил себе, как она распекает в учительской ребят-штрафников.

— Я надеюсь,— ответил я тихо.— Я бы очень хотел быть достойным учеником Коростылева. И позволю себе заметить, что он не занимался религиозной пропагандой, а делал самое трудное, что выпадает на долю учителя...

— Интересно знать, что же вы считаете самым трудным в нашей работе?— запальчиво спросила Вихоть, и меня охватила тоска от бессмысленности нашего разговора, его бесплодности и безнадежности. Нельзя словами раскрасить пепельно-серый мир дальтоника.

— Я, наверное, не смогу вам этого объяснить, но скажите вам о том, чем занимался целую жизнь Коростылев, я обязан. Несколько десятилетий подряд он множеству детишек мягко и настойчиво прививал мысль, ощущение, мировоззрение, что класс, школа, город, страна, мир — огромная семья этого маленького человека и все нуждаются в его

помощи и участии. Он приучал нас к мысли, что наша история — это не хронологическая таблица в конце потрепанного учебника, а наша родословная, живое предание о нашем общем вчера, без которого не может быть завтра. Он объяснил, растолковал, уговорил нас всех, заставил поверить, что литература — это не образ Базарова или третий сон Веры Павловны, а мироощущение народа, его ищущая, страдающая и ликующая душа, выкрикнутая в вечность... А-а!—махнул я рукой с досадой.—Что там говорить сейчас!..

— Действительно, что вам со мной говорить! Где уж нам понять вас, столичных!— обиженно проржала Вихоть.— Но я, между прочим, на разговор с вами не навивалась...

— Это правда,— согласился я. Впереди замаячил перекресток, и мне стало любопытно, куда она повернет — налево или направо?— Вы действительно на разговор со мной не навивались. Мне даже показалось, что вы избегаете разговора со мной.

— Это почему еще?— вскинулась она и, ускорив шаг, не дожидаясь моего ответа, свернула за угол направо.— Чего это мне избегать разговора с вами?

Это занятно. Интересно, что она пошла направо. Она ведь сказала, что идет не домой.

— Вы избегаете со мной серьезного разговора о том, что могло произойти в школе...

— А что должно было произойти в школе? Слава богу, в моей школе все в порядке!— Она говорила с нажимом: В МОЕЙ ШКОЛЕ... ВСЕ... В ПОРЯДКЕ...

— Сомневаюсь...

— А мне безразлично, сомневаетесь вы или нет! К школе это не может иметь отношения... И, конечно, мне не нужно, чтобы вы без серьезных оснований тормозили всех, допрашивали-переспрашивали... Вся школу перебудучите, а результатов будет ноль...

— А у меня есть серьезные основания,— сказал я уверенно.— По крайней мере два...

— Даже целых два! Мне не расскажете, конечно?

— Обязательно расскажу. Первое — вся жизнь Коростылева была замкнута на школу. У него не было в привычном смысле личной жизни вне школы, бытовые проблемы его не интересовали. Поэтому, скорее всего, телеграмма была инициирована какими-то событиями в школе, о которых я обязательно узнаю. В этом я вас уверяю...

— На здоровье! Тем более, что в информаторах нужды не будет. А второе?

Нам оставалось пройти два квартала, и упрямая в Комендантскую улицу. Там, где я ее увидел. Только мы должны были выйти на полкилометра раньше того места, где я оставил машину с Барсом.

— Второе?— не спеша переспросил я.— Второе основание из области ощущений. Бездоказательных, непроверяемых. Впечатления и предчувствия...

— Какие же именно у вас ощущения и впечатления?— недовольно мотнула она головой, которой сильно не хватало дуги и удил.

— Мне показалось, что вы не чрезмерно огорчены смертью своего коллеги...

Она захохоталась от ярости, только рот широко открывала, как вынырнувший из глубины плывец.

— Ну... ну... ну... это, знаете ли... дерзость... нахальство...

— Ощущение не может быть дерзостью или нахальством. Мне так показалось,— пожал я плечами.— Впечатление у меня такое сложилось.

— Наглость — то, что вы мне говорите о своих дурацких впечатлениях! Ощущение у него! Что ж мне — рядом в могилу ложиться? Так я ему не жена! Я в отличие от некоторых не какой-то там Янус двуличный, а скорбю со всеми, как полагается...

Скорбит со всеми, как полагается. А ведь наверняка когда-то Кольяныч ей говорил, что Янус не двуличный, а просто смотрит он своими двумя лицами — печальным и радостным, в прошлое и будущее, скорбит и надеется. Да, забыла она в суматохе жизни, много дел должно быть у такого энергичного завуча. Скорбя как полагается, вышли мы на Комендантскую улицу, и она отрезала:

— Все, до свидания — вот мой дом, я пришла, — и показала рукой на трехэтажное кирпичное сооружение на противоположном углу.

— До свидания, Екатерина Сергеевна. Я вас еще обязательно навещу, — уверенно пообещал я.

Она пошла через дорогу, бросив мне через плечо неопределенное:

— Это уж как там получится...

Впереди по улице еле просматривался в наступившей темноте мой автомобильчик. Я медленно направился к нему, на ходу обдумывая странный маршрут нашей прогулки. Вихоть шла к кому-то — на свидание или в дом, но, встретив меня, передумала и, описав большой круг, вернулась к себе. Ах, как мне хотелось знать, к кому она собиралась в гости! К подруге? Портнихе? Сослуживце? Родственнице?

Во всяком случае, к кому бы Вихоть ни шла, она явно не хотела, чтобы я знал об этой встрече.

Я открыл дверцу машины, и Барс коротко, радостно взвыл — он тосковал в этой железной скорлупе, в отчаянии и безнадежности дожидаясь меня. Он толкался носом мне в затылок, в ухо, тонко, горлово

подвизгивал, будто хотел мне сказать что-то очень важное, и мука немоты судорожно скручивала его мускулистое, поджарое туловище.

— Терпи, брат, — сказал я ему. — Терпи. Такая у нас с тобой работа — терпение, ожидание, внимание...

Вслушиваясь в мой голос, он успокоился, примостился тихо на заднем сиденье, только уши по-прежнему стояли дыбом.

— Поехали теперь к Наде...

Ночи, настоящей тьмы в начале лета здесь не бывает. Когда я подъехал к дому, на востоке уже лежала сочная мгла, налитая густой синевой. А на другой стороне горизонта еще рдели остатки заката, и небесный купол там не доставал до земли, размытый желто-красными бликами исчезнувшего за лесом солнца. И от этого казалось, будто ночь сама источает этот недостоверный перламутрово-серый свет.

Напротив дома Кольяныча стояла у калитки женщина. Наверное, я бы и не заметил ее силуэт, еле просматривавшийся в дымных сумерках, но она шагнула мне навстречу:

— Вечер добрый... Я Дюся Воронцова...

Дюся сегодня уже дважды привечала меня и все-таки снова назвала себя, потому что привыкла за целую жизнь, что люди, едва познакомившись с ней, тотчас забывают ее невыразительное доброе лицо с мелкими чертами, словно размытыми многолетними огорчениями, тяготами и бабьими слезами.

— Здравствуйте, Евдокия Романовна, я рад вас видеть...

— Ой, как хорошо! — И заторопилась, быстро заговорила, словно спешила сказать, успеть передать, пока я снова не забыл ее: — Надя не ложится спать, она вас дожидается. Она мне сказала: «Обязательно Станислав Павлович к нам зайдет». Надюшка у меня такая в слове твердая! И другим всем верит...

Почему-то я знал, что Надя будет ждать меня. Я был уверен, что она захочет узнать хотя бы о первых моих шагах в розыске. Да и мне очень хотелось поговорить с ней. Она может мне объяснить многое. Подумал об этом — и сразу же поймал себя на том, что мне охота поговорить с ней не только о случившемся. Мне хотелось поговорить с Надей.

Дюся, еле различимая в темноте, неуверенная, незапоминающаяся, встревоженная моим молчанием, засуетилась, просительно сказала:

— Идемте, а? Сейчас еще не поздно, ничего, мы и чай сделали, и пирог я успела спечь. Заходите, Надя вам будет рада. — И, боясь, что я откажусь, быстро пошла через дорогу к своему дому.

Надя за столом читала книгу. Зеленый югославский абажур окрасил комнату в призрачные тона, в углах комнаты замерли сторожкие болотные тени. На электрической плитке тихонько пофыркивал чайник, старый жестяной чайник с носиком, заткнутым свистком. Когда-то чайник был красным, а теперь эмаль обтерлась, отбилась до металла, и стал он похож на маленький паровоз. Свисток тоненько, сигло присвистнул. В круглом жестяном котле всегда неподвижно паровозика за долгие годы столько воды накипело — полмира объехать можно. А он простоял все это время на плитке. Свисток сначала давился паром чуть слышно, а потом его свист стал настойчивее и громче, он предупреждал нас: не молчите, — он гнал нас перед собой по невидимым рельсам необъяснимого смущения.

— Вам крепче? — спросила Надя.

— Да, если можно, почти одну заварку.

Она довольно кивнула:

— Я тоже люблю настоящую чай.

Надя насыпала в фарфоровый заварочный чайник черно-коричневые засушенные травинки из длинной пачки со смешной этикеткой — диковинный горбатый слон, похожий на дромадера, несущий на себе погонщика с опухлым. Зеленоватый полумрак, смуглая девушка с родинкой на лбу, индийской «тикой». Она в этот момент была непохожа на учительницу в забытом маленьком Рузаеве, а казалась, что сошла Надя с оборотной стороны чайной этикетки — добежит горбатый слон до края пачки, завернет его за угол погонщик, подхватит потерявшуюся принцессу и умчит обратно в забытую сказку.

Чай Надя разливала в большие чашки. Над красно-золотистой жидкостью млеял белый парок. Чайник на плитке иногда тонко всхлипывал вялым свистком. Маленький паровозик, недвижимо мчащийся в никуда. Куда везешь?..

— Устали, наверное? — спросила Надя.

— Не знаю. Наверное, устал. Не знаю. Просто бывают дни, полные потерь, огорчений и неудач. Вот в такие дни меня отравляет досада, горечь, боль. И тогда я чувствую, как старею...

Дюся, неслышно сновавшая где-то за спиной, сказала:

— Ну, вам до старости еще далеко, вы совсем молодой мужчина.

Я усмехнулся, а Надя, не обращая внимания на мать, спросила:

— Как вы думаете, вам удастся что-нибудь узнать? Мне не хотелось с ней хорохориться, что-то изображать и представлять — я себя чувствовал с нею удивительно просто и легко.

Вообще с того момента, как она мне сказала, что

много лет назад была влюблена в меня, я понял, что с ней надо говорить или совершенно искренне, или не разговаривать вовсе. Но мне хотелось с ней говорить. Я только сейчас ощутил, что все время хотел Надю увидеть и говорить с ней.

— Не знаю. Это трудное дело. И вполне загадочное — я понял, что очень многие не хотят, чтобы я отыскал правду...

— Значит, шансы есть?

— Конечно. Такие шансы всегда есть. По своему опыту я знаю, что следователь побеждает, если он начинает думать о своем деле всегда.

Дуся, деликатно покашливая, вышла из кухни и поставила на стол пирог, высокий, румяный.

— Ешьте на здоровье, это со смородиной. Мы ее сами консервируем. Как раз на год хватает, от лета до лета...

Надя махнула рукой:

— Перестань, мама. Кого это интересует...

Пирог облегченно вздохнул, и корочка чуть-чуть опала.

Дуся застеснялась и робко сказала:

— Надечка, я ведь это просто так, к слову заметила...

Надя вперила своими черными индийскими глазами мне в лицо, чуть прикусила губу и нервно заговорила:

— Станислав Павлович, вы, наверное, думаете, что я это от кровожадности, от желания отомстить... Поверьте, я не об этом сейчас думаю. Я не могу объяснить, но точно знаю, что эта история не может закончиться ничем... Я бы очень хотела, чтобы вы нашли этого мерзавца. Мне невыносима мысль, что удивительного человека Коростылева мог безнаказанно убить какой-то ничтожный мерзавец и сейчас, наверное, веселится, радуется, как ловко все получилось у него, как это просто — убрать из жизни замечательного, нужного человека, потому что мешал чем-то ему или стал вреден. И совсем это нестрашно и неопасно — это ненаказуемо! Вы не можете это оставить просто так...

Я пожал плечами.

— Я и не собираюсь оставлять это просто так. И не считаю вас кровожадной. Мы сейчас здесь и чаи распиваем вместе потому, что оцениваем ситуацию одинаково. Надя, а ваша завуч, Екатерина Сергеевна, сильно не любила Коростылева?

Надя досадливо дернула подбородком.

— Да нет, это не то слово. Дело не в том, что она его не любила. Она его абсолютно естественно не воспринимала, не понимала, они были разнородные существа. Ну, знаете, как бы это объяснить — вот мы с вами углеводородные, а она кремнийорганическая. Они с Коростылевым совсем разные были. Она считала его от старости чуть-чуть свихнувшимся. Этаким старым придурком, безвредным, но назойливым. Ей и мысль в голову не приходила, что его ум организован совсем по-другому, чем у нее...

— А они часто конфликтовали?

— Ну, я непосредственно дела с ними не имела, участия в их конфликтах не принимала, но, конечно, разговоры доходили. В последний раз был крупный бой. Вихоть поставила девочке двойку за сочинение, а Коростылев вынес этот вопрос на педсовет и оспаривал оценку принципиально...

— А в чем существо спора? — спросил я.

— Вихоть задала им сочинение на тему «За что я люблю Гринева и ненавижу Швабрину?». А девочка в сочинении написала: «Я не люблю Гринева и считаю его глупым, инфантильным барчуком, а Швабрину уважаю, потому что он боролся вместе с пугачевцами против царского самодержавия и был настоящим мужчиной». Подход несколько неожиданный, но Коростылев настаивал на том, что мы не можем заставлять всех детей думать одинаково, что без свободы мнения и неожиданных подходов к привычным нам понятиям не может развиваться из ребенка гармоничная личность.

— Но мне не кажется, что такой случай мог стать основой их несовместимости...

— Да, конечно, — согласилась Надя, — это я так, в качестве примера. Я думаю, что Вихоть не любила Коростылева так же, как должник, не имеющий возможности расплатиться, начинает ненавидеть человека, который и долг вроде бы не требует вернуть, но и отказывается забыть о нем...

Я закурил сигарету, устроился поудобнее на стуле и попросил:

— Поясните, пожалуйста...

— Не понимаете? — удивилась Надя. — Вы разве не замечали, что многие люди боятся чувства благодарности, стыдятся его, они испытывают какую-то досаду против тех, кто сделал им много доброго?

— Случалось мне видеть и такое, — кивнул я.

— А Коростылев сделал очень много доброго Вихоть, но, видимо, не в коня корм. Она органически не воспринимала все то, что он хотел ей дать...

— Екатерина Степановна оказалась мне человеком с огромным самомнением, — заметил я.

— Ну, это уж как есть, — усмехнулась Надя. — Она вообще из той породы людей, что искренне уверены, будто человечество произошло не от обезьяны, а от них. Наш физик Алеша Сухов сказал про завуча, что ее можно использовать как физическую единицу меры настырности: один вихоть — единица напористости и наглости...

Дуся тихо подошла к столу, чтобы не мешать разговору, длинным ножом разрешила пирог, положила на мою тарелку большой сочный кусок, молча придвинула ко мне.

— Попробуйте, мама замечательно печет все это, — предложила Надя. И Дуся обрадовалась паузе, оживело ее неяркое лицо, залучилось, яснее проступили глаза.

— Вы поешьте сначала, поговорить еще успеете...

— Спасибо! А вы, Надя, не любите сласти? — спросил я.

— Не-а, — помотала она головой. — Я вообще с детства мало ем. А суп с грехом пополам меня приучил есть Николай Иванович...

Я удивился:

— Каким образом?

— Э! Как он делал все — никогда никого не заставлял. Он умел заинтересовать в самом скучном и неинтересном деле. Я была маленькая, и Коростылев мне рассказывал, что мы с ним устроим охоту на загадочного дикого зверя, живущего в лесу за Казачьим лугом. И, мол, если нам удастся его подстрелить, то суп из него сделает нас несильно умными, сильными и красивыми. А назывался зверь Дикий Говядина...

Мы засмеялись оба, и я легко представил себе, как Кольяныч воодушевленно рассказывает о неведомом Диком Говядине, жарко польхает живой глаз, а синий стеклянный полуприкрыт веком, и эта маска иронии и страсти снова делает мир недостоверным, потому что никогда нельзя понять, говорит он правду или выдумывает, сердечно убеждает или тихонько насмехается.

— И что, подстрелили вы Говядина? — спросил я.

— Я сильно болела, и пришел однажды Коростылев — не с кастрюлей, не с термосом, а со своим фронтальным котелком, завернутым в ватник. «Похлебка из Дикого Говядина!» — кричал он от самых дверей и стучал в доньшко алюминиевой ложкой. — Надя потеряла ладонью лоб, смежила веки, будто боялась, что мы спугнем воспоминание.

— Он уверял меня, что съеденный нами суп сделает его молодым и, скорее всего, у него вырастет оторванная рука, а я превращусь во взрослую красавицу. Но обязательно надо съесть сто котелков этой похлебки. И, конечно, я не устояла перед таким соблазном...

Надя грустно засмеялась, и мне показалось, что она сейчас заплачет.

— Боже мой, какие он всегда выдумывал замечательные истории! — воскликнула она, и я услышал крик сердца. — Вы видели завещание Колумба?

— Да, видел...

Много раз я читал старый пергамент, и мне было непонятно, сделал ли Кольяныч его сам, нашел, купил или придумал.

А иногда, именно в такие длинные вечера, когда время утрачивало четкость, как расфокусированное изображение, мне начинало казаться, что пожелтевший лист — настоящее завещание Колумба, что эти неровные подслеповатые буквы сползли с гусяного пера на волглый пергамент четыреста лет назад в минуту душевной потерянности, утраты надежды, разлома веры. И, всматриваясь в морщинистые блеклые кружки — пятнышки соли от океанских брызг или оброненных слез, — я слышал свист ветра, треск рушащихся рей, глухой стук бондарного молотка в днице просмоленной бочки, укравшей внутри себя вещь человечеству о том, что погибавший сейчас Христофор Колумб пересек Океан Тьмы и открыл водный путь в сумеречную далекую страну — Индию.

Индию, которая оказалась Америкой, — великое заблуждение, соединившее две половины человечества.

Прикрывал глаза и слышал сиглый быстрый голос Кольяныча:

— Не торопись судить — очевидное обманчиво. Мы узнаем себя и мир через боль рухнувших иллюзий, досаду понятых ошибок, трудное терпение думать об одном и том же...

Я смотрел, как Надя наливает мне в чашку рубиново-красный чай, и думал о том, что она правильно подметила главное в общении Кольяныча с людьми — он никого никогда не заставлял, ни на кого не напирал. Он не давил, не убеждал и не настаивал, а только пытался мягко и весело уговорить, все время отступая, и предлагал всем выбрать для себя наиболее удобный, ловкий, выгодный вариант решения, поступка, поведения. И как-то так уж получалось у него, что этот удобный, ловкий, выгодный вариант — это поступок в чью-то пользу, это решение для другого, это хорошо всем остальным. Удивительный парадокс поддавок — побеждаешь, только сдавая свои шашки. Выигрываешь, раздавая.

Будто отвечая самому себе, я неожиданно сказал вслух:

— Он знал трудное искусство жить стариком...

Надя удивленно взглянула на меня:

— Да он и стариком-то не был! Он был молодой человек. Просто он жил в старой, немощной плоти. — И покачала головой. — Нет, нет, стариком он не был...

На стене зашипели часы, что-то в них негромко чавкнуло, растворились дверцы, и высоко-чила наружу механическая кукушка. Кукушка была странная — она не куковала, а только нервно кивала головой, и что-то внутри часов в это время потрескивало, тихонько скрежетало и тоненько звякало. И, устыдившись своей немощью, кукушка дернула последний раз головой и юркнула в укрытие. Дуся, неслышно сидевшая в углу дивана со сложенными на коленях руками, словно оправдывая ее, грустно сказала:

— Старая она очень... Время хорошо показывает, а вот голос пропал...

Я сказал Наде:

— Не кажется, что Вихоть скрывает от меня что-то важное...

— Что именно?

— Ну как вам сказать? Я не могу поверить, что они всерьез ссорились из-за сочинения о Швабрине и Гринева. Что-то было гораздо серьезнее...

Надя сказала:

— Конечно, не в этом дело. Просто один из эпизодов возникшей между ними неприязни. Точно так же, как Коростылева начинало трясти, когда он слышал, что Вихоть, преподаватель русского языка, говорит: «мальчуковое пальто», «пальтовая ткань», «бордовый цвет». Но не в этом было дело...

— А в чем?

Надя подумала и медленно, будто подбирала правильные слова, сказала:

— Мне кажется, что Николай Иванович считал ее человеком не на своем месте, что ей нельзя заниматься воспитанием детей...

— И что, он не скрывал этого от Вихоть? — спросил я.

— Думаю, что в последнее время не скрывал. К сожалению, я не знаю подробностей, но на прошлой неделе разразился какой-то глухой скандал.

— Интересно, — настоужился я. — Скандал? Между кем?

— Коростылев мне не рассказывал об этом, но, как я слышала, он решил выставить двойку за год и не допустить к выпускным экзаменам Настю Салтыкову...

— И почему это могло быть причиной скандала с завучем?

— Вы понимаете, Станислав Павлович, я бы очень не хотела, чтобы у вас возникло ощущение, будто я пересказываю сплетни. Я просто хочу сказать вам все, что я знаю, а знаю я не так уж и много, во всяком случае, все, что могло бы вам помочь...

Я мягко прижал ладонью к столу ее подергивающуюся от нервного напряжения руку.

— Надя, поверьте мне, я ненавижу сплетни. Но в таких драматических обстоятельствах тайный фон отношений между людьми порождает не сплетни, а версии. Скорее всего, эта Настя Салтыкова — любимица Вихоть? Так?

Надя досадливо кивнула:

— Да! Она всячески протезирует этой способной, но очень ленивой и дерзкой девочке-десятикласснице.

— А в чем причина такой любви Вихоть к этой девице?
— Да не к девице! Она подруга ее матери. Клавдия Салтыкова — человек влиятельный, директор Дома торговли. Дружат они с Вихоть много лет. И, конечно, Вихоть заинтересована, во-первых, в том, чтобы дочка ее подруги получила аттестат зрелости, а во-вторых, чтобы не был зафиксирован грубый брак в работе — это ведь неслыханное дело, чтобы десятиклассницу не выпустили на экзамены...

— А почему Коростылев так возражал против нее?
— Потому что девочка совсем ничего не знает. Девочка совершенно не хочет учиться, она уверена, что ей место в жизни и так обеспечено. Я боюсь утверждать, я этого не знаю наверняка, но мне кажется, что у Коростылева были принципиальные возражения против того, чтобы выпускать с аттестатом зрелости Настю...

— А у матери Салтыковой были столкновения с Коростылевым?

— Я знаю, что когда-то давно она оскорбила Николая Ивановича, и он просто не разговаривал с ней. Я подробностей точно не знаю, но я и сейчас не уверена, имеет ли это отношение к случившейся печальной истории.

— Скажите, Надя, а вы знаете Салтыкову? Что она за человек-то?

Надя задумалась, и по мелькнувшей по лицу тени я видел, что ей не хочется говорить об этом. Она сделала над собой усилие и сказала:

— Я затрудняюсь вам сказать что-нибудь определенное. Я таких людей боюсь — то, что называется «бой-баба», она кого хочешь в бараний рог скрутит...

— А если не скрутит?

— Тогда обманет, задарит, заласкает! Не люблю таких. Она да Вихоть — два сапога пара...

Я поставил чашку на блюдце и попросил разрешения позвонить по телефону.

— Да, конечно, пожалуйста...

Я набрал 07 и услышал чуть сонный голос Ани Веретенниковой:

— Междугородная слушает...

— Добрый вечер, Анечка. Это Тихонов вас беспокоит...

— Да-да, я ждала вашего звонка. Вам звонили из Москвы. Я обещала, как только вы появитесь, сразу вас соединить.

— Спасибо, Анечка, окажите любезность.

Ее голос исчез из трубки, слышались какие-то шорохи, электрические толчки, затем раздался протяжный гудок, и в телефоне возник голос Коновалова:

— Дежурная часть Главного управления внутренних дел.

— Коновалов, Серега, это я — Тихонов.

— А, привет. Я тут хотел тебя поставить в курс дела. Я связался с Мамоновом. Дежурные послали опергруппу на почту, опросили всех, кого возможно. Они, как ты и предполагал, сделали вилку из тех, кто посылал телеграмму и после той, что отправили в Рузаево. Люди более-менее одинаково описывают молодого человека: блондин, выше среднего роста, одет в серый летний костюм. Никаких конкретных сведений о нем нет.

— Ты не узнавал — они опрашивали местных жителей? Может быть, кто-нибудь его знает?

— Конечно, узнавал. Никто его не опознает. Это микрорайон. Там все друг друга знают, и судя по тому, что ни телеграфисты, ни опрошенные клиенты его не могут назвать, — это явно чужой, приезжий, а может, проезжий. В Мамонове никто его раньше не видел...

Голос у Коновалова был огорченный и усталый.
— Серега, завтра передай по смене мою просьбу. У меня могут возникнуть новые вопросы, я буду звонить с утра...

— Хорошо, — сказал он. — До десяти я на месте, а меняет меня Петренко. Я проинформирую подробно и попрошу все возможное сделать.

— Обнимаю. Привет. Пока.

В телефоне что-то щелкнуло, голос Коновалова пропал, и из мгновенной тишины возникла Аня:

— Поговорили?

— Да, Анечка, спасибо. К сожалению, ничего нужного мне не рассказали. Я, видимо, снова буду просить вас о помощи...

— Хорошо, я дежурю до утра. Если что понадобится, вы звоните к моей сменщице, Гавриловой Рае, она все сделает, я предупрежу. Будьте здоровы...

Я положил трубку. Надя настороженно смотрела на меня, дожидаясь результатов разговора. Я покачал головой:

— Пока вестей никаких... Все откладывается до завтра. Надеюсь, мне удастся решить эту задачку.

Она спросила:

— Вы думаете о ней всегда?

— Да, всегда. Я буду думать о ней всегда. — Помолчал и добавил: — Николай Иванович любил повторять, что ничего путного нельзя узнать без ньютоновского терпения думать об одном и том же...

На улице было тепло и тихо. В небе плыла мутная, слабая луна. Небо расчертили слоистые волокна облаков, похожие на дымные полосы. Отсюда, со взгорка, было видно, как над центром Рузаева, освещенного газосветными сильными лампами, вздымается оранжевый отсвет, похожий на йодистый пар.

Пахло сиренью и горьковатым ароматом цветущих тополей. Прибитая росой пыль на дороге всасывала звук моих шагов. У калитки стоял в сторожковой напряженной позе Барс. Тоненьким горловым подвизгом он дал мне знать издали: «Слышу, дожидаетесь!»

Я отворил дверь в дом и позвал его:

— Пошли со мной... Нам тоже спать пора...

— Приподнялся ты, брат, приподнялся, — благодушно сказал Владилен, оторвавшись от маленького транзисторного приемника, вещавшего спортивные новости. Владилен удобно устроился в старом глубоком кресле, верхняя пуговица на брюках расстегнута, подтяжки сброшены с плеч, он весь был замкнут на процессе спокойного вечернего пищеварения.

Женщины перетирали за столом вымытую посуду. Лара обессиленно кивнула мне, а Галя сосредоточенно не смотрела на меня. Она выражала мне свое неудовольствие тем, что я напрочь забыл о ней в такой тяжелый, волнительный день, но оказал должного внимания, отказался от столь необходимого мне сопереживания. И тем самым лишил ее дополнительного веса в глазах столь близких мне людей, переживающих горе, которому она сейчас сочувствовала, а я своим отсутствием снижал тяжесть понесенного удара и гасил накал ее сострадания.

Барс робко потыкался мне в ноги, потом понял, что его не выгонят, отошел в угол и свернулся в лохматый ком.

— Ты есть не хочешь? — спросила Лариса.

Я отказался. Уселся за стол, откинулся на спинку стула, вытянул ноги, и огромная усталость навалилась на меня. Мне не хотелось говорить, думать, не хотелось никого видеть. Одно огромное желание владело мной — лечь, закрыть глаза, свернуться, как Барс, клубком, забыть все, забыть этот долгий ужасный день.

— Тебе удалось что-нибудь узнать? — спросил Владилен, не отрываясь от своего приемника. В транзисторе что-то пищало, скрипело, билось, скороговоркой светливо бормотало. Казалось, что он держит в руке маленькую клетку с напуганным беснующимся зверьком. Но зверек матусился напрасно — его пищание страстный шепот мало волновало Владилена. Приблизительно так же, как и мои сведения, которые я должен был добыть. Владилен — безмятежно счастливый, спокойный человек. Равнодушный ко всему на свете.

— Нет, ничего не узнал я покамест, — нехотя ответил я и спросил у Лары: — Тебе не доводилось слышать от отца о каких-нибудь конфликтах с завучем?

— С Вихоть? — удивилась Лара. — С Екатериной Сергеевной? Не-ет! Вроде нет, не слышала. Ничего особенного не припоминаю. Вообще-то он о ней отзывался не очень уважительно, но ничего особенного не говорил. А почему ты об этом спрашиваешь?

— Да так, просто хочется знать, — лениво ответил я и пояснил: — Мне нужно знать все, что здесь происходило. Я хочу точно выяснить отношения отца с этими людьми.

— Ты все-таки надеешься восстановить справедливость? — спросила Галя.

Галя — удивительный человек. Она никогда не оперирует бытовыми понятиями. Для нее существуют только всеобщие категории: Справедливость, Любовь, Верность. Для нее мир выстроен из крупных блоков глобальных отношений.

Я пожал плечами:

— Моя задача — искать не справедливость, а правду...

— Какая разница? — хмыкнула Галя.

— Большая. Я думаю, что у людей очень разные представления о справедливости. Бывает, что справедливость одного человека становится злодейством для другого. Мне нужна правда, она универсальна для всех.

— Тогда непонятно, почему тебя заинтересовали отношения Николая Ивановича с завучем, — сказала Галя. — По-моему, она очень симпатичная женщина. Мне нравятся такие люди — пусть резкие, прямые, но они знают, чего хотят в жизни.

— Да? — усомнился я. — Возможно... Во всяком случае, мне показалось, что она не очень хорошо относилась к нашему деду. И мне она точно не нравится...

Галя обиженно промолчала, а Владилен выключил приемник, встал, потянулся — крупный, рослый, хорошо кормленный, в красивой заграничной рубашке и с расстегнутой верхней пуговицей на брюках. Ничто не могло порушить его взаимной влюбленности с жизнью. И вальжную его предательственность настолько, что портит розовая плешь, которую он закрывал поперек головы аккуратной волосистой попонкой. Владилен улыбнулся мне доброжелательно и сказал:

— Стас, может быть, ты слишком высокие требования предъявляешь к людям?

— А в чем они, эти высокие требования?

Владилен смотрел на меня снисходительно-ласково, как мудрые отцы взирают на своих шустрых, ершистых несмышляшек.

— Ведь тут вопрос совсем непростой, — глубоко-мысленно поведаль он. — Надо подойти к нему достаточно широко, чтобы картина была и реалистичной, и объективной. Мой тесть Николай Иванович был человек замечательный во всех отношениях. Но людям простым, незамечательным — тем, кто с ним жил и работал, — доставалось несладко...

Я опешил и немного растерялся:

— А чем же это несладко было тем, кто с ним жил и работал?

— Он предъявлял людям невыполнимое требование — быть не хуже его, — усмехнулся Владилен, — а это было весьма затруднительно, поскольку человеком он был во многих отношениях исключительным. Но, на мой взгляд, ему не хватало очень важного человеческого свойства — терпимости к чужим слабостям и недостаткам.

И снова было не ощущение горечи, или боли, или гнева, а воспоминание об удивительном сне залопило меня.

Сон во сне. Сон за пределом сна. А внутри бесплотного шатра, под невидимым сводом — здесь была явь. Висящий в воздухе стакан. Предмет, опирающийся только на мою волю. Удерживаемый силой души...

Я внимательно смотрел на Владилена и думал о том, что Кольяныч никогда не жаловался мне на зятя, никогда не хвалил его, не упоминал его. Я знал, что он зятя недолюбливает. Только однажды он сказал:

— У нас нормальный литературный конфликт отцов и детей. Только в жизни конфликт наш развернут наоборот: мой зять — очень серьезный, сытый, пожилой человек, немного утомленный людской глупостью. А я... — Он задумался.

— А вы? — спросил я.

Он тихонько засмеялся, яростно блеснул стеклянным глазом и сообщил шепотом:

— Я — мальчишка, убежавший с уроков...

— Вот видишь, как все по-разному воспринимают людей, — сказал я Владилену. — Мне-то всегда казалось, что Кольяныч — единственный человек, который прощал людям все. Он мог войти в положение любого человека...

Да, он входил в положение любого встречного, с азартом входил, энергично, с искренним интересом. По-моему, иногда забывал выйти, так и жил подолгу с чужой бедой, с соседской радостью.

— А я разве возражаю? — воздел руки Владилен. — Мог войти, помочь, посочувствовать, простить и промолчать. Но внутри осуждал, и это было видно, а людям неприятно, когда их осуждают за их слабости. Люди любят нравиться, им хочется, чтобы их уважали, ценили и чтобы ими восхищались.

— Это точно, — заметил я. — Вот такой человек, как ты, заслуживает непрерывного восхищения. Я сам всю жизнь мечтал быть таким, как ты, но у меня это, к сожалению, не получилось.

Владилен легко засмеялся, он не желал замечать моего недоброжелательства, он просто махнул на меня рукой:

— Ладно, брось подначивать. Дед прожил долгую, хорошую жизнь. Знаешь, как Монтень сказал: «Кто научил бы людей умирать, научил бы их жить».

Я помолчал и сказал:

— Мне кажется, что, если бы люди научились жить так, как Кольяныч, для них утратил бы свой страшный смысл вопрос о том, как умереть.

Владилен помотал головой:

— Ну, с этим я не согласен! Ведь ты же сам больше всех хочешь выяснить, почему и как, при каких обстоятельствах умер старик? Ведь тебя же это волнует?

— Да, это меня волнует, — твердо ответил я. — Потому что он не просто умер, а, мне кажется, его убили. И допустить в этом хоть тень сомнения я не могу.

— И это правильно! — горячо поддержал Владилен. — Кабы только удалось — это было бы замечательно! Хотя я склонен полагать, что это вряд ли возможно.

— Почему вы все заранее уверены, что это невозможно? — спросил я. — Почему вы не стучите ногами от нетерпения, почему не подталкиваете локоть от жадного ожидания, почему не кричите: давай, давай, мы ждем от тебя ответа!..

Владилен хмыкнул:

— Давай, Стас! Давай, давай! Мы ждем от тебя ответа. Но опасаться не дожидаться...

— Уточни...

— У тебя исходная установка неправильная. Николай Иванович был человек неплохой и честный, и ты человек неплохой и честный. Отсюда ты делаешь неправильный вывод: у доброго, старого, честного человека не может быть много врагов. Надо пошустрить и сыскать одного-единственного прохвоста, который учинил эту беду...

— А в чем неправильность моего вывода?
— В том, что мой тесть мог иметь очень много врагов или недоброжелателей. И имел их наверняка...
— Это почему?
— Потому что он был стар и очень активен. Старики—вообще люди трудные. Как говорит мой заместитель, они из-за склероза не помнят вчерашнего большого добра, а пустяковое старинное зло всю жизнь в себе лелеют...
— Посовестись, Владик—твой тесть ни на кого никогда зла не держал...
— Ошибаешься, Стас! Ты находишься в добросовестном, искреннем заблуждении, поскольку вы с Коростылевым вообще похожие люди. А он был вовсе не христосик и на плохих человечков зло не просто держал, а изо всех сил с ними бился. И они его за это дружно не любили. Понятно?
— Понятно,—кивнул я профессору теоретической банальности.
— И этих самых человечков должно быть немало. Поэтому я и не уверен, что ты найдешь среди них автора телеграммы...
— Ладно, поживем—увидим,—сказал я.—Мне так не кажется. Попробуем, поищем, посмотрим. Надеюсь, что найдем.
— Да, это было бы хорошо,—повторил Владилен.—К сожалению, я послезавтра должен уезжать, ты же знаешь—служба не ждет, мне вообще надо готовиться к отъезду...
Владилен, кадровый работник Внешторга, полжизни провел где-то за рубежами, и у меня постепенно создалось впечатление, что он воспринимает жизнь как очень доброжелательный, заинтересованный, активный турист. Хотя, возможно, я был к нему несправедлив.
— А ты куда едешь сейчас?—спросил я его из вежливости, хотя, честно говоря, мне это было безразлично.
— Должен ехать в Уругвай.
— В командировку?
— Да нет уж. Заместителем торгпреда. Года на два—на три.—Помолчал немного, потом добавил:—Вот если эта история не задержит...
Я удивился:
— А как это может тебя задержать?
— Ну, знаешь ли—это не вопрос... По-разному бывает... И посмотреть на эту историю могут по-разному. Кто-то умер или кого-то убили, какие-то неприятности, странная история. Кадровики ведь люди вездельные. Конечно, история эта во всех отношениях неприятная.
— Да ты не бойся, тебя эта история никак затронуть не может,—сказал я и почувствовал, что меня распирает от желания сказать ему что-нибудь злобное, обидное.
— А я и не боюсь,—усмехнулся Владилен и серьезно добавил:—Но все равно думать об этом приходится...
Он взялся за ручку двери и неожиданно спросил самого себя—и вопрос этот прозвучал как ремарка в старых пьесах—«в сторону»:
— Оно мне надо?
И вышел.
Да и мне пора идти укладываться. Притомился я сегодня. Надо выспаться: завтра предстоит трудный день. Надо довести до конца эту странную историю. Где-то на задворках усталого мозга, на краю дремлющего сознания жило ощущение, или воспоминание, или предчувствие: я знаю ответ на все вопросы, со мной это уже все было, однажды я уже все это пережил—терял, любил, скорбел и ненавидел.
Но когда? Кого? Не мог понять. Или припомнить. А может быть, предположить.

Почему? Почему же никому не нужно знать, отчего и как умер Кольяныч? Почему этого не хочет директор школы Оюшминальд? Почему так ожесточенно отталкивает мои вопросы Вихоть? И Владилену это совершенно не нужно—дед ведь уже прожил долгую, хорошую жизнь. Странно. Непонятно мне.
У Лары закрывались глаза, и веки у нее тяжелели и опускались, как у дремлющей птицы. Только Галя выглядела бодрой, но думала она сейчас о чем-то далеком.
— Идемте спать,—сказал я.
Лара ответила:
— Да, пора. Я устрою Галю с собой, а тебе, Стасик, мы постелили на диванчике у папы, наверху...
Я поднялся по скрипучей лестнице в мансарду. Здесь прошла какая-то очень важная часть моей жизни.
Удивительная комната, переоборудованный в жилье чердак, с потолком, косо падающим от одной из стен почти до самого пола на противоположной стороне. Легкий запах пыли и дыма и тугий дух смолистой сосновой вагонки, которой обита мансарда.
Кожаный черный диван с валиками. Старый буфетик с выпуклыми фасетными стеклами, превращенный в книжный шкаф. Подзорная труба. Старый барометр. Старая керосиновая лампа с цветным фаянсовым абажуром. Рассохшиеся венские стулья. Этажерка.
Нигде в домах больше нет этажерок. Вообще нечасто встретишь сейчас в доме столько старых вещей. Не старинных, а старых. Люди не ощущают поэзии старых вещей—с первого рубежа благополучия они выкидывают этот надоевший хлам и покупают от моднейшую полированную мебельшкку из прессованных опилок. На следующей ступеньке преуспевания возникают финские и югославские гарнитуры. А те, кто взмошел уже в полный материальный порядок, начинают азартно собирать «старину», безразлично, красиво ли это, удобно, уместно ли в современных городских квартирах. Это неважно, важно, что вещи старинные, подлинные—знак успеха, достатка, жизненного уровня.
А Кольяныч жил в окружении старых вещей. Они были частичками его прошлого, а он не отказывался ни от одного прожитого дня. Я думаю, он жалел эти вещи, как жалеют старых, уже бесполезных в хозяйстве животных. От новых, от молодых наверняка было бы пользы больше, но этих-то стариков не выгонишь—все-таки жизнь прожита с ними.
Окно около постеленного мне дивана было закрыто, я хотел распахнуть его и увидел, что фрамуги так и не расклеивали с зимы. Между рамами лежала запылившаяся вата, украшенная обрезками фольги. И вспомнил, как сказал мне здесь Кольяныч:
«...Старость—это разобранная новогодняя елка. Исчез аромат хвои, падают желтые иголки, лысые веточки торчат, обрывки серебра. И я бы поверил, что праздник жизни кончился, но всегда вдруг находишь одну-единственную забытую игрушку—и она сулит надежду, что пусть хоть через год, но радость придет снова...»
Я скинул ботинки, бросил на стул брюки, прилег на диван, и меня затопило непонятное сонливое возбуждение: я не мог пошевелиться от усталости, и заснуть не было сил.
Я видел забытый под столом коричневый мешок спущенной кислородной подушки, обессиленный понтон тонущего корабля жизни Кольяныча. Все бесполезно. Если бы эта подушка раздулась до размеров дирижабля, она бы и тогда не подняла повисшего над бездной Кольяныча. Телеграмма, как разрывная пуля, уже разрушила его сердце.
Сейчас не нужно думать об этом. Сейчас нужно заснуть. Заснуть.
Вертелся с боку на бок, вставал, курил, ложился опять и прокручивал снова и снова все разговоры за день, придумывал незадаанные вопросы завучихе Вихоть, находил остроумно-едкие ответы Владилену, стыдил директора Оюшминальда, и меня заполняла огромная обида, боль, печаль. Остро садящийся, жгущий струп незаживающей душевной раны.
Лежал неподвижно, слушал вязкую, стоящую тишину и рассматривал через окно на затянутом дымной пеленой небосводе слепую серебряную монету луны.
И в этой тишине мне слышно было чье-то тяжелое хриплое дыхание, где-то внизу ни с того ни с сего заскрипели и смолкли деревянные половицы, отчетливо звякнуло лопнувшее стекло, невпопад ударили медным стоном стенные часы. Приподнял с подушки голову, внимательно прислушался, долго.
Нет, ничего там нет. Некому ходить. Это мое прошлое уходит из умершего дома.
Нужно уснуть, и сон все растворит, все смоеет. Говорят, надо с горем переспать.
Я дожидался этого волшебного мига засыпания—первой ступеньки моста над небытием, за ним—новая жизнь. Но сон еще долго не шел, пока наконец я не открыл глаза и не увидел, что темнота прошла, наступило утро, и ночь выпала из жизни мутным, липким осадком без сновидений.

Школа в Рузаеве красиво стоит—в самом конце Добролюбовской улицы на вершине холма, и просматривается оттуда вся далекая округа: лес, река, красные руины Спасо-Никольского монастыря. Сама школа в лучах утреннего солнца была похожа на огромный кусок рафинада: белые стены с голубоватыми отблесками огромных окон.
Построили школу по самому современному проекту. Два трехэтажных блока, соединенных прозрачной аркой перехода. И внутри в последней предэкзаменационной паузе—послезавтра должны были начаться выпускные экзамены—школа была такая же вымытая, нарядная и праздничная. Цветы, плакаты, лозунги, малолюдство и тишина—приметы предстоящего праздника и волнения, как перед стартовым выстрелом на соревнованиях.
Я поднялся на второй этаж и прошел в учительскую. Немолодая женщина писала за столом что-то в журнале. Она подняла на меня взгляд, мгновение присматривалась, потом сказала:
— А-а, здравствуйте...
И я вспомнил, что и видел ее вчера на поминках. Круглое лицо, рыжеватые седые волосы, стяннутые на затылке в скудный пучок, блеклый крап веснушек. Нас познакомили, но в царившей суете я успел сразу же позабыть, как ее зовут и кто она такая.
— Меня зовут Маргарита Петровна,—избавила она меня от неловкости.—Я преподаю географию. Мы с Николаем Ивановичем были ветераны школы. Мы с ним работали еще в старом здании. А теперь только я осталась. Последняя, можно сказать...
Свежий аромат клейкой тополиной листвы и сирени, врывающийся в учительскую через окна, смешивался с больничным запахом соды и хозяйственного мыла—где-то рядом мыли, чистили классы.
На лице Маргариты Петровны лежала печать испуга и искренней грусти—именно сегодня в пустой учительской она, наверное, почувствовала, что осталась из всех стариков в школе последней.
— Маргарита Петровна, мне не дают покоя обстоятельства смерти Коростылева. Вы ведь в курсе дела?
— Да, конечно,—вдохнула она, и я рассмотрел, что под веснушками у нее кожа не розовая, а старчески красноватая.—У нас все об этом знают. Да что поделаешь...
— Вот я пытаюсь что-то поделать,—сказал я, прочно усевшись на стуле перед ней.—Вы ведь были в дружеских отношениях с Коростылевым?
— Да, скорее всего у нас были дружеские, добрые отношения,—задумалась она, сняла очки и положила на стол.—Мы не были закадычными друзьями, но столько лет вместе работали, так много прожито вместе! Да и человек он был очень хороший...
— У вас нет никаких предположений—кто, почему, зачем мог прислать эту телеграмму Николаю Ивановичу?
Она развела руками:
— Ну, как здесь предположишь что-нибудь? Как язык повернется про кого-нибудь сказать такое? Грех на душу взять вечно! Я ведь и представить себе не могу такого врага у него, чтоб мог столь злодейскую шутку учинить.
Она смотрела на меня растерянно и опасливо, и мне казалось, что ей хочется, чтобы кто-нибудь пришел в учительскую и прервал наш разговор. И тогда я спросил напрямик:
— А мне показалось, что у Коростылева были не слишком доброжелательные отношения с вашим завучем Вихоть...
Старая географичка заморгала, как девочка, веснушки совсем утонули в багровом румянце, она потупилась, заерзала и сказала:
— Я так не могу сказать. Они, возможно, были не очень теплые, отношения у них я имею в виду, но нельзя ведь называть их недоброжелательными,—вдохнула тяжело и добавила:—Хотя, конечно, у них были столкновения...
Прежде чем углубляться в это сообщение, я решил уточнить для себя один не очень ясный вопрос:
— Маргарита Петровна, а власть завуча в школе велика?
Меня рассмешила ее реакция. Весь вид ее изображал—что за нелепость?! А ответила очень осторожно:
— Ну, как вам сказать? От завуча ведь довольно много зависит... Это проблема весьма сложная...
Я усмехнулся:
— А чего там сложного? Вы мне расскажите, чем завуч занимается, тогда мы вместе оценим ее власть.
Маргарита Петровна поежилась, помялась, я видел, что ей страшно обсуждать дела завуча, наконец решилась:
— От завуча зависит расписание уроков, то есть наша занятость. Так сказать, количество часов, которые выделяются...
— А количество часов—это заработок?—переспросил я.
— Ну, естественно! Кроме того, завуч в известной мере является экспертом нашей работы. Молодых учителей завуч аттестует, определяет их профессиональный уровень. А для тех, кто готовится к пенсии, особенно важно, какую даст завуч учебную нагрузку...

— Почему?

— Так ведь размер пенсии зависит от заработка в последний год! Ну, а пенсионера вроде меня, если завуч занежит, можно выпутать в один хлоп...

— Вот мы и выяснили вдвоем, что власти и возможностей у завуча в школе хватает, — покачал я головой и спросил еще: — Маргарита Петровна, может быть, я ошибаюсь, тогда вы меня поправьте, но вчера на поминках мне показало, что школьные преподаватели относятся к Екатерине Сергеевне Вихоть очень сдержанно.

Учительница пришла в совершенное смятение, на ее добром, простоватом лице выступили от волнения мелкие бисеринки пота:

— Вы ставите меня в очень трудное положение, предлагая оценивать их отношения... Я и о Екатерине Сергеевне не хотела бы ничего говорить, поскольку она человек сложный и отношения с людьми у нее непростые...

— А в чем эта сложность отношений?

— Понимаете, с ней стараются по возможности избегать конфликтов, потому что она женщина резкая и памятливая.

— Так, это я уже понял, — согласился я. — Но Коростылев, как мне кажется, этих конфликтов не боялся. Вы мне не скажете, в чем, собственно, расходились то они с завучем?

— Как бы это точнее сказать. — Географичка поехала, будто от пронизывающего ветерка. — Я не умею формулировать... Но однажды Коростылев при мне сказал ей: учителю, которого не любят ученики, надо менять работу. Он скорее всего ребенка ничему не научит, а если научит, то школьник это плохо запомнит, а если все-таки задолбит, то употребит не для доброго дела...

— Позиция спорная, — усмехнулся я. — Но, видимо, она и определила их отношения?

Маргарита Петровна долго сосредоточенно чиркала что-то в журнале, потом бросила ручку на стол и сказала:

— Видите ли, их отношения сложились таким образом не сразу, они имеют некоторую историю, так сказать. Раньше они не выходили за рамки профессиональных разногласий, связанных с разным подходом к вопросу обучения. Потом уже это стало обростать разным отношением к людям, превращаясь постепенно в столкновение разных мировоззрений...

— И что, долгая история у этого столкновения?

— Я думаю, что их человеческие взаимоотношения сложились после суда между Салтыковыми.

— А что за суд? — поинтересовался я.

— У нас учится девочка Настя Салтыкова. Сложная девочка. Она заканчивает в этом году десятый класс. Тяжело с ней доставалось нам. И вот два года назад отец Насти, который официально разведен с матерью, подал в суд иск о передаче ему права воспитывать девочку...

— Да, это не часто бывает. А чем он мотивировал?

— Мол, мать Насти не разрешает ему встречаться с ней. Ну, знаете, обычная драма неудачного брака — воюют между собой родители, а страдают дети...

— А какое это имело отношение к Коростылеву? — спросил я.

— Дело в том, что в суде Коростылев совершенно неожиданно поддержал отца. Он настаивал на том, чтобы девочку передали на воспитание Константины Салтыкову. Это для многих было неожиданно, но у Николая Ивановича всегда были какие-то особые, неожиданные для многих поступки и соображения...

— А вы сами, Маргарита Петровна, что считали правильным?

— Я? — будто впервые задумалась она над этим вопросом. — Пожалуй, я тоже считала бы правильным передать девочку отцу... Мне никогда не казалось, что мать Насти Салтыковой может дать ей надлежащее нравственное воспитание. Но меня в суд не вызывали...

— И что? Почему этот суд повлиял на отношения Коростылева с завучем?

— Так ведь мамаша Салтыкова — близкая подруга Вихоть! И Екатерина Сергеевна тогда очень возмутилась позицией Николая Ивановича, чуть ли не до скандала дошло! И в суде, и потом здесь, в учительской, был очень крупный разговор.

— А как объяснял Коростылев свою поддержку иска отца? — допытывался я.

— Вы знаете, я бы не хотела сплетничать о матери Салтыковой или, упаси бог, о Екатерине Сергеевне. — смущенно сказала географичка, — но Салтыкова — крупный торговый работник, ну, знаете, со всеми свойственными этому роду людей чертами. И Николай Иванович считал, что она дурно воспитывает девочку. Но почему он стоял за Константины Салтыкова в суде, я вам не могу точно объяснить, я его весьма плохо знаю. Гораздо лучше, чем я, Салтыкова знает наш физик Сухов. Они вместе ездят на охоту, на рыбалку, наверняка между собой обсуждают свои проблемы. Если вас интересует этот вопрос, то, наверное, Сухов мог бы вам лучше объяснить существо спора...

В это время резко распахнулась дверь, и в учительскую заглянула Вихоть. Молча, внимательно перево-

дила она тяжелый взгляд с меня на учительницу, будто проверяя, что здесь могла она наболтать неуместного, какой сор выносила без спроса из ее избы. Потом сухо кивнула и снова пригладилась к Маргарите Петровне, словно проверяла взволнованную географичку на детекторе лжи, и я с болью наблюдал, как женщина под давлением серых выпуклых глаз Вихоть быстро увядает, сникает, корчится, словно ее застигли за очень непотребным занятием. Я так же молча кивнул, а учительница робко сказала:

— Здравствуйте, Екатерина Сергеевна, доброе утро, — и говорила она это стоя.

Ничего не поделаешь — обратная связь. Дети, когда в класс входит учитель, должны встать из-за парты.

Ничего не ответил, Вихоть сделала шаг назад, и дверь захлопнулась. Ушла. И по выражению лица Маргариты Петровны я понял, что она ничего мне не скажет больше.

— Спасибо, Маргарита Петровна, за разговор. Вы не подскажете мне, где разыскать Сухова?

— А он наверняка у себя, в кабинете физики. Это на третьем этаже, справа от лестничного марша...

И физика Сухова я вчера видел в доме Кольяныча. Все эти люди постепенно приобретали для меня объем, содержание, характер — как в спектакле, когда за открывшимся занавесом появляются неведомые зрителю персонажи, коротко перечисленные в программке, и начинают словами своими и поступками обретать личностную, душевную плоть. Вчера еще заметил кривую ухмылку на его лице, ухмылку, похожую на оскал, совсем неуместную во время поминального тоста.

Сейчас он возился с электрической машиной, которую я помнил еще со школы, — вертикальный круг с наклеенными полосками из фольги. Крутишь за ручку, и где-то там возникает статическое электричество. А может быть, не статическое. Не помню. Уплыло из памяти навсегда. И как машина называется — не помню. Печальное и счастливое свойство нашей памяти — забывать то, чем не пользуешься. Отмирает, как хвост. Жаль. Наверное, нам хвост не мешал бы. Гордились бы и соперничали в красоте, гибкости и силе хвоста. И моды были бы другие. И отдыхали бы не на стуле, а на ветке. Давным-давно хвост стал ненужным, мы забыли о нем, и он от обиды и неупотребления отвалился.

Сухов взглянул на меня и коротко сказал:

— Привет...

— Привет.

Он кивнул мне на табурет рядом со своим столом, продолжая ковыряться в машине, и оттого, что длины пальцев не хватало добраться до кончика сорвавшегося проводка, он закусывал губу и напряженно кривил рот, как давеча во время тоста Екатерины Сергеевны Вихоть. И я снова пожалел, что у людей отмер хвост — непонятная причина эволюции, — как бы он сейчас пригодился Сухову! Придурчать, подтолкнуть оторвавшийся проводок. Нет, не могу я поверить, что так уж сильно мешал хвост праобразу человека. И мне бы не помешало, если бы я помнил, как называется эта машина. Но я забыл. А у людей скорее всего хвоста и не было никогда, иначе они от него сразу бы не отказались. Растили бы и холили, до двух метров длиной выращивали.

А у Сухова, наоборот, была короткая русая бородка, которая лицо его не старила, не солидничала, а только подчеркивала его безусловную прекрасную молодость. Бородка выглядела симпатичной мочалочкой, приклеенной к лицу мальчишки для детского спектакля. Очень серьезный, деловой мальчишка.

— Вы чего-нибудь толковое собрали? — спросил он строго. — Факты? Свидетельства?

— У вас тут соберешь факты... — усмехнулся я. — Все друг друга ценят, любят, уважают... Искренне скорбят... Неприятность маленькая приключилась, правда. Но лучше об этом забыть... Как утверждает ваша завуч, школа к этому происшествию отношения не имеет... И помочь мне не в силах, поскольку склонности и опыта в сыскной работе не имеет...

— Это Вихоть склонности такой не имеет? — пере-спросил Сухов и присвистнул. — Да она в курсе не только наших разговоров, но и помыслов невысказанных. Вы похлопочите — может, ее возьмут в ваш служебный питомник, где эти лохматые «гав-гав» бегают, лучшего приобретения не будет.

— Наши лохматые «гав-гав» не делают — они молча работают, — заметил я.

— Тогда отпадает, наша без «гав-гав» шага не ступит. А нюх замечательный. Два моих парня, Белов и Радкевич, в прошлом году поехали в Москву, пришли в планетарий, а там какой-то школьный конкурс. Ребята крепкие, написали хорошие работы и шутки ради подписались: один — Воронцов, а другой — Вельяминов. А через неделю в школу из планетария пришло письмо — пригласаем, дескать, ваших десятиклассников Воронцова и Вельяминова на следующий тур конкурса по астрономии. Письмо попало к Вихоть, и тут она такой хай подняла!

— А чего она, собственно, хотела?

— Что парни, мол, глупой мистификацией опозорили школу. Мы ей с Коростылевым талдычим, что сотрудники планетария порадовались хорошей работе и приняли участие в шутке, что они не могли не

заметить фамилии автора канонического учебника по астрономии, а она как взбесилась. Целое расследование произвела, установила, что это были Белов и Радкевич, не поленилась в Москву поехать уточнить и требовала им примерного наказания за жульничество. Еле тогда ее Коростылев уговорил...

— Да-а, я вижу, что не больно вы высокого мнения о вашем завуче, — сказал я.

— Ну, это у нас взаимно. Про наши отношения есть очень жестокий романс: «Нет, не люблю я вас, да и любить не стану». Ой, не стану... Да и не боюсь я ее... Плевать мне на нее. — Я видел, что он напрягся и хорохорится.

Я сказал примирительно:

— Вы, наверное, помните, что Швейк в таких случаях говорил: «Пан, не плюйте здесь». А вы что, намылились уходить из школы?

Сухов с досадой махнул рукой:

— Боюсь, что придется. Особенно теперь, когда умер Коростылев. Он был потрясный мужик. Да что вам рассказывать — вы его лучше знали...

— А куда уходить надумали?

— Не знаю пока точно. Дело в том, что я ведь поступал учиться на физфак в университет, да полбалла не добрал, пошел на физмат в пединститут. Честно говоря, пришел я сюда по распределению с некоторым отвращением: какой из меня учитель? Такие, как я, — это педагоги «поверх голов»... Мечтал отбарабанить три года и уехать в Москву, куда-нибудь в серьезную фирму прибиться кем угодно, хоть лаборантом...

— А потом?

— А потом с Коростылевым подружился. Он меня рассмешил вопросом: на кого больше всего обращают внимание уличные прохожие? На генералов, говорит. Спокон веку придумали им такую яркую форму, чтобы вся улица видела, какой важный человек идет. Ты, говорит, Сухов, подожди маленько, скоро все человечество поймем и тогда такую форму с соответствующим пиететом преподнесут учителям, поскольку на сегодня это важнейшая в мире профессия.

— И вы, Сухов, решили подождать генеральской формы для учителей? — поинтересовался я.

— Да. Решил подождать, пока человечество поймем и оценит важность нашей работы. А сам думаю укрепить помаленьку в своем ремесле, чтобы форма влору пришлась. Мне одноглазый, полуслепой Коростылев открыл глаза на очень многое в жизни, в детях, в моей работе. Да что говорить! Редкоземельный человек был...

— У меня к вам вопрос... — скромно сказал я.

— Пожалуйста, хоть десять.

— Нет, один-единственный. Через несколько лет придет в эту школу новый учитель. Генеральская форма для педагогов еще не придумана, Коростылев давно умер, Сухов с наслаждением трудится старшим лаборантом в какой-то серьезной физико-технической фирме. Кто открывает новичку глаза — Вихоть? Географичка Маргарита Петровна? Нет, географичку Вихоть давно вышибла на пенсию. Тихий толстяк Оюшимальд?

— Ну, это вы про Бутова зря так! — решительно отклонил мой выпад Сухов. — Он мужик хороший, добрый он человек!

— Возможно. Но я считаю хорошим человеком того, кто доброе делает, а не воздерживается от плохого...

— А он и делает каждый день доброе! — вскинулся Сухов. — Он мямля, конечно, но вы его не поняли. Бутов — гениальный учитель математики. Он объясняет тригонометрические функции ребятам так, что они их, как серии про Знатоков, глотают. На его методические уроки математики со всей области ездят... Хотя администратор он, конечно, никакой...

— Да уж это я заметил. И так, кто? Кто встретит новичка в школе?

— Не знаю... Тот же Бутов. Да и еще кто-нибудь найдется...

— Наверное, найдется. А может, не найдется. Нельзя, чтобы прерывалась нить. От Коростылева — к вам с Надей. От вас — к Воронцову и Вельяминову...

Он сердито крикнул:

— Вам легко рассуждать, вы завтра уедете! А мне здесь с этим преподавателем каждый день сражаться. Это ж не работа, а сплошная Куликовская битва. — Сухов, поверьте, честное слово, мне нелегко рассуждать. Мне очень трудно что-нибудь вразумительное рассудить здесь. Туман, разговоры, подозрения; где правда, где домыслы, где верная отгадка, где пустые сплетни — мне трудно с этим разобратся. Но я не уеду отсюда завтра. Я не уеду до тех пор, пока вы не привяжете к своей судьбе лопнувшую нить жизни Коростылева. И не найду того, кто оборвал ее...

Он молча смотрел на свою испорченную электрическую машину, потом резко повернулся ко мне:

— А вы подозреваете Вихоть?

— Не очень. Вряд ли она впрямую с этим связана. Но мне кажется, что знает она гораздо больше, чем говорит... Кстати, что это за история с судом родителей Насти Салтыковой? Вы ведь хорошо знаете отца...

— Да, мы с ним соседи... Приятельствуем, вместе

на рыбалку ездим. У него мотоцикл «Юпитер». Я с ним познакомился уже после этого злополучного суда. Он вчинил иск о передаче ему на воспитание их дочки, Насти этой самой. А бывшая жена, конечно, легко выиграла суд, и девочка осталась с ней...

— Чем Салтыков мотивировал иск?

— Что мать торговка и в доме у ребенка создан торговашеский грязный дух. Костя Салтыков — простой парень, замечательный слесарь, хороший, чистый человек, а мать там клопица наливная и девочку портит. Костя был уверен, что суд в его пользу решит, тем более, что его поддерживал такой человек, как Коростылев.

— А девочка-то сама с кем хотела жить?

— Так в том и дело — Костя подал заявление в суд, поскольку девочка сказала ему, что уходит от матери к нему. А на суде она вдруг заявила, что снова перерешила и будет жить с матерью. А потом своим же одноклассникам рассказала, что мать ей накануне суда югославскую дубленку, подарила и достала путевку в «Артек»...

— Из-за этого девочка передумала?

— Наверное... Коростылев ведь и бился тогда против жены Салтыкова, объясняя, что она воспитывает в девочке лживость, вероломство, лицемерие... Он говорил, что слово «вероломство» происходит от слова в человеке добродетели...

— А Вихоть поддерживала Салтыкову?

— Конечно! Они старинные подруги.

— Н-да, занятно... Скажите, Сухов, а вы тоже считаете, что Салтыкова плохо воспитывает девочку?

— Естественно! Она ведь не говорит ей: делай плохо, ври, жульничай. Мать подает ей пример своим поведением, воспитывает девочку собственной жизнью...

— А кем Салтыкова работает?

— О, она человек большой! Кормилица всеобщая! Директор Дома торговли... Всемогущая баба...

— И что же она может, эта всемогущая Салтыкова?

— Все! Люди хотят получше одеться, вкуснее пожрать, и, пока будет существовать категория товаров повышенного спроса под названием дефицит, Салтыкова может все: большую квартиру вне очереди, санаторий только в Сочи, машину для любовника, дочку-двоечатку — в московский институт... Все готовы отплатить за ее расположение и внимание...

— Все? — усомнился я. — Разве Коростылев доставал у Салтыковой вкусную жареную? Или, может быть, фирменные шмотки брал?

— Коростылев! Он человек особый был! Он за неделю до смерти сказал мне: «Меня, Алешка, сильно огорчает, что люди забыли и обезобразили слово «приличный». Я тогда еще удивился...

— А что он имел в виду?

— То, что употребляют это слово в смысле «подходящий», «приемлемый». А Коростылев считал, что приличия — это то, что ПРИ ЛИЦЕ человеческом достойно быть. Вот он и не любил Салтыкову, неприличным человеком полагал ее...

— Да, это на него похоже. И, наверное, не скрывал от нее?

— Нет, не скрывал. И боялся, чтобы энергия предубеждения против матери не излилась на дочь. Нервничал из-за этого.

— А в чем можно было усмотреть предубеждение против девочки?

— Коростылев твердо решил выставить ей двойку по русскому языку за год. Не аттестовывать перед выпускными экзаменами...

— Так-так-так...

— Он собирался поставить этот вопрос на педсовете на прошлой неделе — итоговый педсовет за год. Но не успел. Умер...

— Директор, конечно, знал?

— Знал. Знала Вихоть, еще несколько человек были в курсе дела...

Оюшминальд Андреевич Бутов занимал маленький уютный кабинет. А может быть, он только казался маленьким, как вся мебель в нем — хрупкой и хилой, поскольку весь объем комнаты заполнялся обильным телом директора.

Но ощущения величайшей значительности эта масса не создавала. По-прежнему казалось, что огромного младшеклассника поймали за курением папиросок из потертого кожаного портсигарчика и в ожидании наказания усадили за директорский стол. Он томился, терпеливо готовясь к предстоящим взысканиям.

— Оюшминальд Андреевич, так вы уж мне поясните насчет педсовета, — подгонял я его ровно, но неотступно. — Когда он состоялся?

— В прошлую пятницу.

— А Коростылев умер в четверг...

— Не понимаю, какая тут связь может быть, — запыхтел Бутов и, как преследуемый паромом, попытался скрыться за дымовой завесой папиросы, печально блеснули затуманенные иллюминаторы его очков в сияющей полосе.

— Возможно, что никакой, я просто выстраиваю хронологическую цепь событий, — сказал я не спеша. — А что, допустил педсовет до экзаменов Настю Салтыкову? Выставили ей тройку по русскому?

— Да, мы допустили ее до экзаменов, — шумно задышал Бутов, капельки пота выступили у него на лбу. — Настя, конечно, слабая девочка... Но ведь мы должны учитывать все факторы... И в семье не слишком благополучно... И способности не ахти какие... И, чего лукавить, для школы это был бы сильный прокол... Существуют, куда не денешься, и учетные показатели, и репутация школьная...

— Ну, и не будем с вами сбрасывать со счетов такой фактор, как мама Салтыковой — человек в городе не последний, — заметил я серьезно.

И Бутов легко согласился:

— Да, и мама Салтыковой. Если бы мы не допустили Настю к экзаменам, нас бы мамаша до смерти затаскала по инстанциям...

Я надеялся, что он еще что-то скажет, но Бутов круто замолчал. Через растворенную в коридор дверь доносились до нас гулкие ребячьи голоса, перекатывающиеся эхом по пустой школе. Оюшминальд страдальчески морщил лицо. Я почему-то подумал, что он должен хорошо играть в шахматы — с деревянными фигурками ему проще взаимодействовать, клетчатая доска должна дарить ему свободу уединения, радостное ощущение самостоятельности.

— Вы знаете, что такое гамбит?

— Да, — растерялся он. — Шахматная комбинация. А что?

— По-итальянски «гамбит» значит «подножка»...

— Не понял... — покачал он головой, огромной мясистой башкой затюканного житейскими проблемами мыслителя.

— Телеграмма, которая была прислана Коростылеву, — это гамбит. Возможно...

— Почему вы так думаете? — испугался и удивился одновременно Бутов.

— Давайте вспомним вместе кое-что...

— Давайте, — покорно согласился он.

— Ну-ка, вспоминайте, что вам сказал Коростылев на прошлой неделе, когда сообщил о своем решении не аттестовывать Настю Салтыкову... Только вспоминайте, пожалуйста, подробно. Все вспоминайте...

— Я постараюсь... Это был долгий, сумбурный разговор... Как я понял, решение Николай Иванович было принципиальным... Он говорил, что никогда не сделал бы этого, если бы девочка собиралась стать парикмахером, продавцом или стюардессой. Но она собиралась поступать в педагогический институт.

— В педагогический? — пришла пора удивиться мне.

— Да, так сказал Николай Иванович... И я думаю, что это правда. Мол, Настя Салтыкова хвасталась перед одноклассниками, что ей приготовлено место в пединституте, что якобы мать уже обо всем договорилась... А самой Насте наплевать, где учиться, важно получить диплом...

— И что по этому поводу говорил вам Коростылев?

— Он считал, что если мы это допустим, то совершим геометрически множачийся аморальный поступок...

Я перебил Бутова:

— Коростылев вам наверняка сказал, что нельзя демонстрировать детям, как жульничеством, трусостью и корыстью, молчаливым согласием равнодушных можно расхватывать удобные места в жизни... Оюшминальд кивнул:

— Да, Николай Иванович повторял все время, что русский язык и написанная на нем литература — это мировоззрение народа и он не поставит Насте за это убогое знание, за искривленное уродливое мировоззрение оценку «удовлетворительно», ибо оно никого не может удовлетворить.

— И скорее всего он сильно сомневался в профессиональном будущем девочки? — спросил я, хорошо представляя себе весь разговор.

— Наверное, — горестно вздохнул Бутов. — Коростылев сказал, что родившиеся сегодня дети придут через несколько лет к молодой учительнице Салтыковой в класс, и она воспитает в них свою убогую торговашескую философию...

— И после этого вы позавчера на педсовете допустили Настю к экзаменам?

Оюшминальд тяжело, багрово покраснел, бессильно развел руками:

— Педсовет — коллегияльный орган. Решения принимают голосованием.

— Особенно если им энергично и целенаправленно руководит завуч...

Бутов мучительно сморщился и вяло стал возражать:

— Ну, напрасно вы так... Сгущаете вы... И против Екатерины Сергеевны у вас предвзятость... Тенденция, так сказать... Она человек сложный, но душевный... Да, душевное тепло есть у нее...

— Ага, — согласился я. — Правда, ее душевное тепло надо измерять в джоулях...

«Жигули» с разгона легко влетели на взгорок, и крутизна подъема задирала капот машины вверх, будто поднимался я в гудящей кабинке аттракциона «иммельман», и, когда ощущение полета к небу превратилось в уверенность, что автомобильчик сейчас оторвется от пыльной дороги, подпрыгнет и я повисну в нем вниз головой над сиреневыми-дымчатым Рузаевым в белесом редком воздухе и увижу весь

городок сразу — стеклянно-бетонный центр, фабричную окраину с тусклым стелющимся дымом над трубой и зеленое кладбище с другого конца, — в этот момент в лобовом стекле возник деревянный маленький дом Кольяныча, гребень дороги переломился, выровнялась машина, земля стала на место, взлет не состоялся, и я резко тормознул у забора, густо заросшего бирючиной и раkitником.

А в доме царил оживление. Галя в шерстяном костюме брусничного цвета расхаживала по столовой, двигалась плавно, неспешно переставляя свои длинные, стройные ноги, обтянутые красивой мягкой юбкой, а дойдя до буфета, быстро и грациозно поворачивалась — точно как манекенщица на показе новых мод. Она себе нравилась, на лице ее дремала спокойная гармония чувств — она любила сейчас людей и знала, что люди любят ее.

Лара слабо и невыразительно улыбалась, сидя в углу дивана. У нее был вид человека, которого покинули силы, бесследно истекли, и она подпирала рукой голову так осторожно, будто боялась, что эта уставшая, никому не нужная голова, если забыть о ней совсем, может упасть на пол и разбиться. А Владилен, наоборот, был исполнен здоровья и всепокрушающей жизненной энергии. Может быть, он переливал в себя вялые жизненные силы Ларки, хотя я понимал, что такой слабой подпитки для столь могучего генератора оптимизма и гедонизма, конечно, недостаточно. Я подумал впервые, что у Владика наверняка есть одна — больше он не может себе позволить из-за занятости — любовница, этакая здоровенная развеселая девушка, неслыханная ваханка, молодая жизнерадостная хамка.

Владик прихлопывал в ладоши и шумно восхищался:

— Замечательно! Первый класс! Чистая фирма! Это настоящая «ангорка»...

Галя победительно взглянула на меня:

— Как находишь?

Она знала, что костюм ей очень идет, оттеняет сливочность кожи, подчеркивает наливную пластичность, ладность ее крупной фигуры — стройной, длинной и в то же время почти ошутимо мягкой.

— Я нахожу тебя очень красивой...

Галя отбросила невозмутимую сдержанность манекенщицы и засветилась улыбкой.

— Я знала, знала, что тебе понравится! Я давно мечтала о таком костюме. Мне многие говорили раньше, что в маленьких городках под Москвой можно найти в магазинах вещи, которые в столице днем с огнем не сыщешь...

— А это что, здесь продается? — удивился я.

— Ну, конечно! Естественно, не то чтобы прилавки были завалены... Но мне, к счастью, Екатерина Сергеевна помогла...

— Кто-кто? — переспросил я настороженно, и предчувствие беды тоненько колнуло в сердце. — Какая Екатерина Сергеевна?

— Да вчера она здесь была — завуч школьная, крупная такая дама, очень серьезная. Вихоть, кажется, ее фамилия. По-моему, хоть и несколько провинциальная, но очень милая... — доброжелательно-весело сообщила Галя.

Лара опустила устало глаза, ничего не сказала, а старый служивый жук Владик обостренной интуицией опытного чиновника, ощутив острый сквознячок напряжения, сразу же перестал источать свой неумный восторг. Минуту назад этот гладкий хитрый лис так восхищался новым костюмом, будто приехал сюда не из Гамбурга, а из Тетюшей и впервые увидел симпатичную импортную вещицу. Профессиональная привычка всем говорить только приятное, черта настоящего коммерсанта — набирать моральный капитал, не вкладывая ни одной собственной копейки.

— Я не понял тебя, Галя, — спросил я осторожно. — Каким образом тебе могла помочь Вихоть? И как ты ее нашла?

— Я ее не искала, — пожал плечами Галя. — Я пошла пройтись по городу и зашла в Дом торговли... А там встретила Екатерину Сергеевну...

— Это когда было?

— Час назад, наверное... А в чем, собственно, дело? Я что-то не понимаю.

Час назад Вихоть заглянула в учительскую, когда я разговаривал со старой географичкой. Потом я пошел к физику Сухову. А она пошла в Дом торговли...

Не отвечая на вопрос Гали, я сказал:

— Мне просто интересно, как покупают импортные костюмы из «ангорки». Может быть, там что-то подходящее есть и для меня...

Галя искренне всплеснула руками:

— Конечно! Салтыкова сказала, что к обеду они закончат отоваривание ветеранов, и просила заглянуть вместе с тобой... к вечеру...

— Замечательно, — сказал я. — И уедем мы с тобой отоваренные и всем довольные...

Владик искося взглянул на Галю и сочувственно улыбнулся ей:

— Ох уж этот дефицит, отец-кормилец! Кабы его не было, то пришлось бы его, как бога, выдумать...

Окончание следует.

Многие читатели просят рассказывать о планах журнала. Выполняем их просьбу и ждем предложений, советов, пожеланий. Итак, скоро в «Смене»:

Борьба за качество — на словах и на деле.

Размышления философа В. Толстых о ликах бюрократизма.

«Перст обезьяны» — фантастический рассказ Айзека Азимова.

Олег Табаков: Театр распаивает двери.

Певец Валерий Леонтьев: Долгий путь к себе.

Беседа с лучшим футболистом мира Диего Марадоной.

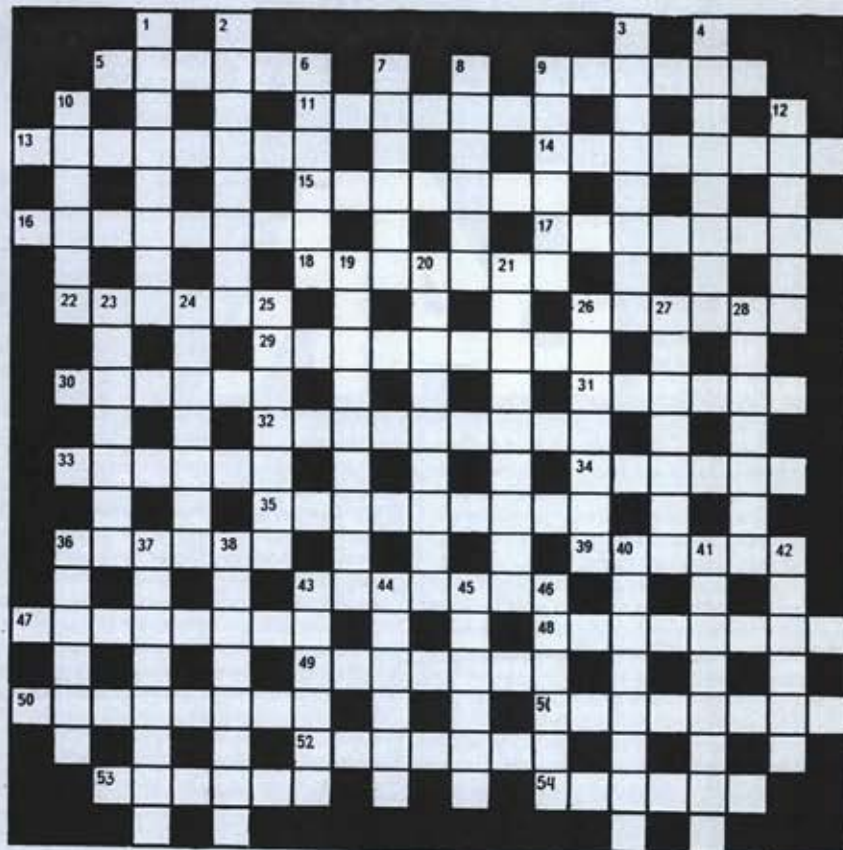
«Люди, я расту!..» Что мы знаем о переходном возрасте?

Повесть-сказка Аркадия и Бориса Стругацких.

Подписка на «Смену» не закончилась, она продолжается. Вы можете выписать журнал в любом почтовом отделении, в агентстве «Союзпечати» до 1-го числа предподписного месяца. В розницу журнал поступает в ограниченном количестве.

КРОССВОРД

Составил Б. ТРАН, ст. Ленинградская Краснодарского края

По горизонтали:

5. Музыкальный жанр, возникший в Испании. 9. Платформа для пассажиров. 11. Древнегреческое судно с несколькими ярусами весел. 13. Река на юге Африки, впадающая в одноименное болото. 14. Азиатский ящер, ночной тихоход в панцирной броне. 15. Денежная единица Гондураса, названная по имени индейского вождя. 16. Исландский мох, применяемый в народной медицине. 17. Творческое амплуа М. Дюпона, Э. Пиафа, М. Шевалье. 18. Система физических упражнений на основе музыки. 22. Конопляная или льняная солома. 26. Глубокая пропасть, пучина. 29. Нобелла С.Цвейга. 30. На Кавказе — ашуг, в древней Скандинавии — ... 31. Повзрослевший «гадкий утенок». 32. Город на Волге, в котором в 1913 году было 147 тысяч жителей. 33. Выдающийся английский ученый, увлеченный ламаркизмом и всерьез веривший рассказам миссионеров, что индейские дети часто появляются на свет татуированными. 34. Зброшенная на время пашня. 35. Певучесть, мелодичность музыки. 36. Мясо добытых на охоте зверей и птиц. 39. Наказ, полномочие. 43. Рупор. 47. Небольшой смешной рассказ. 48. Полигон для механизированных соревнований. 49. Дизельное топливо. 50. Самое известное произведение Ж. Ж. Руссо. 51. Язык, на котором написаны «Махабхарата» и «Рамаяна». 52. Театр эстрадных программ. 53. Русское название амаранта — травы, которую на Северном Кавказе используют как топливо. 54. Последняя эпоха каменного века.

По вертикали:

1. Усадьба. 2. Редкий минерал, не связанный вопреки названию с именем великого композитора. 3. Сбережение. 4. Устройство в фортепьяно, передвигающее клавишный механизм. 6. Профессия хозяина чеховской Каштанки. 7. Металл, добываемый попутно с медью и свинцом. 8. Одна из первых оперетт И. Дунаевского. 9. Рассказ А. П. Чехова. 10. Немецкий географ, автор книги «Картоведение». 12. Первоначальное русское название кинокартины. 19. Проверка, экзамен. 20. Героиня главного произведения М. Булгакова. 21. Пристань на Оби в Томской области. 23. Отец и сын, итальянские математики. 24. Народное название островов в Белом море. 25. Жительница берегов крупной реки в Якутии. 26. Целебное средство. 27. Инженер в пьесе Н. Погодина «Кремлевские куранты». 28. Судно первой русской кругосветной экспедиции И. Крузенштерна. 36. Город, мечом из которого Александр Македонский разрубил гордиев узел. 37. Рукопись до переделки. 38. Культурный мир, оставленный нам предками. 40. Советский театральный актер, снявшийся в картине «Мечта». 41. Логический метод Шерлока Холмса. 42. Совокупность положений, образующих науку. 43. Цветок, по которому древнегреческий ученый Теофраст назвал малахит. 44. Птица, упомянутая в «Буревестнике» М. Горького. 45. Французский писатель, тщательно работавший над слогом. 46. Полярный исследователь, первым пересекший Гренландию на лыжах.

ОТВЕТЫ

на кроссворд, опубликованный в № 1

По горизонтали:

7. Журавль. 8. Юниорка. 9. Продавец. 11. «Челленджер». 13. ... флора. 14. Фракасс. 15. Осока. 18. Буря... 19. Инкобель. 21. Дамаск. 22. Экосез. 25. «Этажерка». 26. Авам. 30. Руть. 31. Анафора. 32. Легар. 35. Вертинская. 36. Цветение. 37. Морковь. 38. Лицеист.

По вертикали:

1. Зубрила. 2. Хайдарабад. 3. Слива. 4. Анкер. 5. ...гордость... 6. Уклейка. 10. Цирк. 11. Чакана. 12. Ласточка. 16. Трамвай. 17. Шефство. 20. Ясменник. 23. Земледелец. 24. Скифия. 25. Эстетика. 27. Оттенок. 28. Грац. 29. Калипсо. 33. Жнива. 34. Нерис.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.

Выходит два раза в месяц.

№ 2 (1432) январь 1987

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор **Альберт ЛИХАНОВ.**

Редколлегия:

Валерий ВИНОКУРОВ
Борис ДАНИШЕВСКИЙ

(ответственный секретарь)

Владимир ДЕСЯТЕРИК
Михаил КИЗИЛОВ

(заместитель главного редактора)

Александр КУЛЕШОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ

Вадим САЮШЕВ

Виталий СЕВАСТЬЯНОВ

Владислав СЕРИКОВ

Игорь СЕРКОВ

(заместитель главного редактора)

Олег ШЕСТИНСКИЙ

Главный художник **Сергей ВЕТРОВ**
Художник **Вячеслав ПАВЛОВ**
Технический редактор **Александра ГУСЕВА**

101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок. Отделы: 212-21-59 — рабочей молодежи и науки; 212-13-19 — коммунистического воспитания; 251-32-84 — фотоочерка; 250-29-39 — военно-спортивный; 212-21-38 — международной жизни; 251-04-10 — литературы и искусства; 212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописные страницы) редакцией не рассматриваются.

© Издательство «Правда». «Смена». 1987 г.

Сдано в набор 04.12.86. Подписано к печати 16.12.86. А 02078. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1300000 экз. Изд. № 69. Заказ № 4198. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ПРИГЛАШЕНИЕ НА БАЛ

Марина
КРАЙНЯЯ

Нет и нет, читатель! И обремененные заботами и делами, уставшие от этого бесконечного холода и снега, в глубине сердца мы верим в весну, мы ждем чуда и остаемся восторженными и наивными романтиками. Одно только короткое слово — и кровь стучит у сердца, сказочное слово из нашего детства — Бал! В нем волнение и смех, цветы и буйство красок, колдовская, сладко кружащая голову музыка. Помните первый бал Наташи Ростовской: «...то, что ее ожидало, было так прекрасно, что она не верила даже тому, что это будет... Наташа смотрела в зеркала и в отражении не

могла отличить себя от других, все сливалось в одну блестящую процессию. Наташа слышала и чувствовала, что несколько голосов спросили про нее и смотрели на нее. Она поняла, что она понравилась тем, которые обратили на нее внимание...» Бал. Как хочется быть красивой. И как трудно ей стать, если не знаешь, что надеть. Но однажды, когда противоречия между практичностью и красотой одежды зашли в тупик, когда то одна, то другая сторона брала верх, этот философский вопрос был, наконец, разрешен. Вот тогда и возникла одежда двух типов: повседневная, прак-

тичная и праздничная. А раз мы собираемся на бал, значит, и одежда нужна под стать ожиданиям — праздничная. Вы предпочитаете приглушенный матовый блеск бархата или воздушный шифон? Мы выбрали эти, словно сотканые из цветных облаков, шифоновые платья, созданные фантазией художников Минского дома моделей одежды. Вы спросите: почему? Помните старую сказку про Золушку? Надев (быть может, именно такое) платье, превратилась она в принцессу и очаровала принца. Вспомните сказку. И согласитесь, наверное, что трудно представить себе

эту девочку на балу в королевском дворце, скажем, в вечернем бархатном платье. Нет, скорее всего это был шифон! Посмотрите, платье из этого материала несложно и сшить самой. Попробуйте. Ведь у вас тоже будет свой первый бал — выпускной, молодежный — неважно, как он будет называться. И, как знать, возможно, вы именно там встретите человека, который станет самым родным? Скажете, сказка? Но ведь случаются и сказки наяву! Особенно, когда вы приглашены на бал.

Фото Валерия ПЛОТНИКОВА

